PG 3337
.G83 P48
1812

LIBRARY OF CONGRESS
00000214644

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

GRUZINTSOV, ALEKSANDR

ПЕТРІАДА

ПОЭМА ЭПИЧЕСКАЯ

Сочиненія

АЛЕКСАНДРА ГРУЗИНЦОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Типографіи 1812 года.

PG3337
.G83 P48
1812

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобъ по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурной Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министра Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Сентября 13 дня 1812 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Ив. Тимковскій.

38-144243
6/p 66.05/26/50

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Дружество мое съ творцемъ Петріады и любовь къ отечественной словесности были главнымъ моимъ побужденіемъ къ изданію въ свѣтъ сей поэмы. Я не почитаю нужнымъ описывать изящныя мѣста сего творенія, показывающія многія красоты оригинальныя, силу слога и возвышенность творческаго духа, по мѣрѣ важности возпѣваемыхъ предметовъ: ибо самая лучшая похвала каждому творцу есть его твореніе. Оно одно можетъ спорить со всеразрушающимъ временемъ и требовать вѣнца въ потомствѣ. Нѣтъ ни малаго сомнѣнія, чтобъ изданіе сей поэмы не доставило читателямъ удовольствія. Кому изъ вѣрныхъ сыновъ Россіи не пріятно видѣть безсмертные подвиги Премудрѣйшаго изъ Монарховъ и Великаго героя воспѣтыми и представленными въ дѣйствіи? Г. Сочинитель по скромности своей долго не рѣшался издавать сей поэмы, полагая, что силы его слабы для прославленія ПЕТРА Великаго; но читатели увидятъ, достойна ли она была, чтобъ сдѣлать ее извѣстною свѣту; и ежели они въ томъ со мною согласятся, то я почту себя за трудъ изданія довольно награжденнымъ.

ПАВЕЛЪ ВЫРУБОВЪ.

60076

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

ВЪ древнія времена, когда Россійскія удѣльныя княженія не были соединены въ едино Государство, когда, по смерти Князя Владимира, сыны его междуусобными войнами раздирали свое отечество: храбрость Россійскаго народа была безполезна и самая любовь къ отечеству пагубна.

Внутреннія сіи разстройства погрузили Россійское Государство въ уныніе и поработили его игу сосѣдственныхъ державъ. Слава великаго народа изчезла; никто не говорилъ о спасеніи своего отечества, но каждый готовился къ принятію новыхъ оковъ. Россійскіе Князья, утопавшіе въ роскошахъ, не помышляя о побѣдахъ, съ спокойнымъ сердцемъ давали дань Ордынцамъ и Сарматамъ.

Послѣ Димитрія Іоанновича Донскаго, Царь Іоаннъ Васильевичь былъ первый, который свергъ съ Россіи иго, тяготившее оную почти два вѣка; но сего было не довольно: Царь Іоаннъ Васильевичь возбудилъ уснувшую въ сердцахъ храбрость, но не просвѣтилъ народъ свой науками. Богъ, упра-

вляющій судьбою народовъ, поручилъ довершить славу и щастіе Россіи героямъ, произшедшимъ отъ сѣмени Романовыхъ. Царь Алексей Михайловичь, соображаясь съ нравами своихъ подданныхъ и обстоятельствами тогдашняго времени, началъ привлекать къ себѣ иностранцевъ, вводить науки и просвѣщать Россію. Но всѣ благія его намѣренія пресѣклись его смертію. Нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобъ какое либо Государство имѣло столько препонъ къ просвѣщенію, какъ Россія. Нужно было родиться ПЕТРУ для возсозданія пространнѣйшей въ свѣтѣ Монархіи. Сей Государь въ младенчествѣ своемъ хитрою и властолюбивою сестрою былъ отчужденъ отъ трона. Жизнь его безпрестанно подвергалась опасности: въ возрастѣ, когда подъялъ онъ бремя правленія, претерпѣвалъ различныя нещастія; наконецъ въ возмужалости, подкрѣпляемъ десницею Вышняго, истребилъ внутреннихъ враговъ своихъ, уклонился отъ трона, простеръ въ работу руки свои, просвѣщался лучами истинной премудрости и изливалъ свѣтъ ея на всѣхъ подданныхъ. Послѣ того вскорѣ Европа съ удивленіемъ увидѣла быстрые успѣхи многотрудныхъ дѣлъ его. Онъ защитилъ честь многихъ Государей, явилъ славный

примѣръ свѣту и побѣдилъ Карла, отъ руки котораго трепетали всѣ полночныя державы.

Какой въ свѣтѣ Государь для блаженства своихъ подданныхъ жертвовалъ своимъ спокойствіемъ, здравіемъ и жизнію? Какой Государь, безъ всякаго руководства, въ своемъ государствѣ сдѣлалъ хотя сотую часть того, что сдѣлалъ ПЕТРЪ въ Россіи? Другіе народы къ храму просвѣщенія шествовали многіе вѣки, но ПЕТРЪ въ теченіи двадцати лѣтъ, изторгнувъ изъ мрака невѣжества обширнѣйшую въ свѣтѣ Монархію, поставилъ ее на ряду съ другими государствами; и въ какое же время? Тогда, какъ невѣжды ополчались противъ новыхъ его установлевій, когда внѣшняя война и разстройство Царскаго дома раздѣляли его сердце. Сверхъ того, кто могъ ожидать, чтобъ онъ выдержалъ толико убыточную и долговременную войну противъ Карла XII? Государственные доходы были тѣсно ограничены; но онъ не только не имѣлъ недостатка въ деньгахъ, но еще снабжалъ оными союзника и друга своего Августа II.

Иностранные писатели изображаютъ ПЕТРА жестокимъ, правосудіе его почитаютъ они тиранствомъ, полезныя и прочныя упражненія грубою

и не приличною Владѣтелю работою; но естьли бы они вникнули въ обстоятельства того времени и отвергли всѣ басни, на щетъ сего героя сплетенныя: тогдабъ увидѣли, что отъ топора, вращаемаго рукою генія, возникъ Россійскій флотъ, толико страшный для всей Европы, отъ отеческихъ попеченій ПЕТРОВЫХЪ, или паче, отъ примѣра родилась въ сердцахъ охота къ познаніямъ и художествамъ. Кто же повѣритъ имъ? Ни одинъ другъ истинны. Въ исторіи ПЕТРА Великаго, написанной Вольтеромъ, сказано, что Царь Алексѣй Михайловичъ извѣстенъ по тому только, что былъ отцемъ ПЕТРОВЫМЪ. Какая клевета! Царь Алексѣй Михайловичъ извѣстенъ своею храбростію противъ непріятелей, кроткимъ правленіемъ и премудрыми законами. Одно уложеніе равняетъ сего законодателя съ Ликургомъ и Нумою. Въ другой статьѣ той же исторіи упомянуто, что ПЕТРЪ Великій хотя и сдѣлалъ то, чего бы тысяча другихъ Государей, бывши на его мѣстѣ, не сдѣлали, но что разумъ его и великодушіе должны уступить добродѣтелямъ Кондея и Вильяра. Такова ли должна быть исторія ПЕТРА Великаго? Историкъ ничего не упустилъ, чтобъ описать въ ПЕТРѢ человѣка, но забылъ въ немъ истиннаго героя и премудраго Государя.

Любовь къ отечеству, благоговѣніе къ дѣламъ ПЕТРОВЫМЪ побудили меня къ сочиненію Петріады. Сей шестилѣтній трудъ мой, по многимъ его несовершенствамъ, не смѣлъ бы я издать въ свѣтъ, естьлибъ не былъ убѣжденъ моими приятелями и любителями нашей словесности; наипаче Его Превосходительствомъ, Г. Генераломъ Лейтенантомъ, Павломъ Петровичемъ Вырубовымъ, который по дружескому ко мнѣ разположенію и по особенному уваженію дѣлъ ПЕТРОВЫХЪ не только желалъ, чтобъ поэма сія была напечатана, но способствовалъ тому всѣми силами и сдѣлалъ мнѣ честь, принявъ на себя трудъ быть издателемъ оной.

Необходимыя для сей поэмы свѣденія почерпнуты мною изъ достовѣрныхъ писателей, какъ то: изъ отечественныхъ преданій Ѳеофана Прокоповича, изъ записокъ Шафирова, Менщикова и изъ отрывковъ Ломоносова; изъ иностранныхъ: Норберга, (*) Пюфендорфа и Штеллинга. Въ сей поэмѣ, какъ и въ прочихъ вѣрность времени не соблюдена по обыкновеннымъ причинамъ сего ро-

(*) Отъ Норберга и Пюфендорфа выбраны нѣкоторыя статьи касательно свойствъ Карла XII и его Генераловъ; впрочемъ повѣствованія сихъ писателей суть пристрастны, и должно съ осторожностію имъ слѣдовать.

да твореній .Нѣкоторыя обстоятельства и дѣйствующія лица перенесены были мною изъ одной эпохи въ другую, сообразно моему плану; впрочемъ, сколько возможно, я старался, чтобъ твореніе сіе было достойно моихъ читателей.

А. Г.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Къ тебѣ я вопію, исполненъ восхищенья,
О истина! сойди отъ горняго селенья!
Сіяніемъ своихъ божественныхъ лучей
Внеси чистѣйшій свѣтъ во мракъ души моей!
Вдохни въ меня твой огнь и силою священной
Содѣйствуй мнѣ, гласи во всѣ концы вселенной.
Да громки подвиги, великій трудъ ПЕТРОВЪ,
Покажутъ къ славѣ путь для будущихъ родовъ;
Представь украшенныхъ безсмертія вѣнцами
Героевъ во плоти со прежними дѣлами.

Низпалъ покровъ съ времянъ, явился ликъ мужей
Сіявшихъ славою въ превратной жизни сей.
Уже Византія, смирясь рукой ПЕТРОВОЙ,
Взирала съ ужасомъ въ поля на токъ багровой,
На трупы блѣдные поверженныхъ сыновъ,
На сокрушенный мечь, на плѣнъ своихъ градовъ.
Отъ понтовыхъ зыбей до береговъ Балтійскихъ
Раздался съ звукомъ битвъ и громъ побѣдъ Россійскихъ;
Уже Азовъ вмѣщалъ подвластный намъ народъ,
И Донъ спокойно текъ до Меотидскихъ водъ.

Съ полночныхъ береговъ, покрытыхъ вѣчной мглою,
Готовъ дерзскій зашумѣлъ военною грозою;
Какъ злобный вдругъ Борей, поднявшись съ хладныхъ странъ,
Трясетъ съ сѣдыхъ верховъ снѣгъ, градъ на океанъ;
Со трескомъ ломитъ лѣсъ, въ поляхъ реветъ, крутится,
И отъ воздвигнутыхъ препонъ сильнѣй ярится:
Подобно съ войскомъ Карлъ, напрягши силы всѣ,
Къ Россіи приближалъ стремленіе свое;

Водимый гордостью, прельщенъ воинской славой,
Онъ лавры пожиналъ десницею кровавой.
Уже вездѣ ПЕТРУ поставленъ былъ оплотъ,
На полѣ грозный Карлъ, на безднахъ сильный флотъ.
Промчался по морямъ звукъ бранной не погоды,
Познали Готфовъ власть кипящи Бельта воды;
Объемлетъ грады страхъ, лежитъ безъ дѣйства плугъ,
И трепетенъ бѣжитъ отъ стада въ лѣсъ пастухъ.
Подвластные ПЕТРУ Архангельскіе бреги
Покрыли страшные враждебныхъ силъ набѣги.
Герой, чтобъ отвратить насильствіе враговъ,
Въ Архангельскъ хочетъ самъ идти поверхъ валовъ;
Собравши на совѣтъ мужей къ себѣ избранныхъ,
Покрытыхъ сѣдиной и лаврами вѣнчанныхъ,
Вѣщалъ:„ о други! насъ постигнетъ злобный рокъ,
„Когда въ сраженьяхъ намъ не дастъ успѣха Богъ!
„Свирѣпые враги во дерзости надмѣнной
„Несутъ къ намъ люту смерть рукой окровавленной,
„Въ союзныхъ намъ градахъ раздался ихъ ударъ,
„И полнощь зритъ сквозь дымъ Сарматскихъ странъ пожаръ.
„Мой предокъ АЛЕКСАНДРЪ оставилъ къ славѣ слѣды:
„Пойдемъ, куда зоветъ гласъ громкія побѣды!
„Извѣстна ваша мнѣ къ отечеству любовь:
„Покажемъ свѣту мы, что въ насъ Геройска кровь!
„Намъ въ брани предстоятъ великія премѣны;
„Увидитъ съ страхомъ Готфъ Россійскія знамены,
„И нашимъ кораблямъ Нептунъ средь бѣлыхъ водъ,
„Отворитъ въ области морей свободный ходъ;
„Къ полнощнымъ берегамъ Россіи восхищенной
„Довольство потечетъ отъ всѣхъ градовъ вселенной.

Онъ рекъ — и славой духъ подвигнулся въ мужахъ:
Огнь храбрости горитъ въ безтрепетныхъ сердцахъ.
Изъ множества вождей Голицынъ выступаетъ, (1)
Геройскій видъ его побѣду предвѣщаетъ;
Голицынъ, правды другъ, любимый щастья сынъ,
Неустрашимый вождь и добрый гражданинъ:
Онъ тако возгласилъ:„ не бранное искуство,
„Почти во мнѣ, о Царь! усердья полно чувство:
„Хочу, противъ враговъ мою поставить грудь,
„Когдажъ поможетъ Богъ, увѣренъ въ лаврахъ будь.
ПЕТРЪ, видя ревность въ немъ и огнь въ очахъ Геройскій,
Велѣлъ ему принять въ начальство храбры войски.
„Да будетъ, рекъ вождю, твой путь благословенъ,
„Яви Россійску мощь у Шлиссельбургскихъ стѣнъ;
„Да мужествомъ твоимъ и вѣрныхъ чадъ рукою
„Пространный къ славѣ путь на Сѣверѣ открою.

Подъ сѣнью орлихъ крылъ Голицынъ по водамъ
Россійскіе несетъ перуны ко врагамъ.
И Шереметева къ Петровой славѣ рвенье
Сугубитъ храбру рать враговъ на пораженье.
Такъ силы раздѣливъ Царь ревностнымъ мужамъ,
Простерся отъ Москвы къ вечернимъ берегамъ,
Гдѣ къ плаванью суда припасами снабденны,
Стояли въ казнь враговъ Монархомъ ополченны.
Казалось самъ Нептунъ ихъ къ бѣгу призывалъ,
Кротя подвластный понтъ, дуть бурямъ запрещалъ.
Предшественница дня, оставя одръ багряный,
Течетъ — и изъ подъ волнъ возводитъ зракъ румянный;

Востокъ отверзъ врата спѣшащу солнцу въ міръ,
И се — ліется свѣтъ на море и эфиръ —
Въ пречудной лѣпотѣ явились круги звѣздны,
Лучами озарясь, пылаютъ златомъ бездны.
Царь бурь не отверзалъ песчаныхъ горъ вѣтрамъ,
Зефиры лишь одни играли по зыбямъ;
Ввѣряются морямъ пловцы веселья полны —
Уже Россійской флотъ помчали шумны волны,
Сокрылись берега и небо лишь одно
Съ поверхностью пучинъ являлось спряжено.
Багрова туча вдругъ съ угрюмой синевою,
Затмивши солнца свѣтъ, простерлась надъ водою,
Изъ влажной хляби дождь со градомъ зашумѣлъ,
По верхъ кипящихъ волнъ вихрь вихрю вслѣдъ летѣлъ;
Перуновъ частый блескъ мракъ тучи разсѣкаетъ;
Реветъ, клокочетъ понтъ и бездны отверзаетъ,
То жретъ въ себя суда, то вдругъ съ песчаныхъ дновъ
Изрыгнувъ, мещетъ ихъ превыше облаковъ;
Поднявъ сѣды верхи, какъ горы, волны яры,
Во ребра кораблей твердятъ свои удары;
Раздранны парусы отторгшись съ высоты,
Покрыли вкругъ судовъ кипящихъ водъ хребты.
Вихрь кормы рветъ изъ рукъ и увлекаетъ снасти,
Смерть скачетъ по валамъ и дѣлитъ флотъ на части.
Уже пловцы, отдавъ суда во власть вѣтрамъ,
Отчаянный свой взоръ возводятъ къ небесамъ!
Но ПЕТРЪ не колебимъ, безстрашнымъ смотритъ окомъ,
И борется одинъ съ своимъ упорнымъ рокомъ.
Вращаетъ самъ кормой, примѣтивъ страхъ пловцовъ,

И правитъ свой корабль въ разрѣзъ крутыхъ валовъ.
Подавъ другимъ примѣръ въ опасности жестокой,
Онъ громко возгласилъ къ пловцамъ съ кормы высокой:
„Мужайтесь, съ вами я! сей гласъ, какъ трубный звукъ,
Внезапно ободрилъ въ соплавателяхъ духъ;
Подвиглись всѣ къ трудамъ, исполненные рвенья,
И каждый свой карабль спасалъ отъ поглощенья.
Ужъ туча, истощивъ разящій пламень свой,
Въ послѣдній разродясь, взревѣла надъ водой;
Громъ сильный въ далекѣ порывно раздавался,
Носился по зыбямъ, трещалъ и раздроблялся.
Всевышній на ПЕТРА сквозь мракъ низвелъ свой взоръ
И словомъ прекратилъ стихій враждебныхъ споръ.
Изчезла страшна мгла господствующей ночи,
И солнечны лучи пловцамъ блеснули въ очи.
Умолкъ свирѣпый вихрь средь влажныхъ моря лонъ,
Отъ усталыхъ валовъ лишъ слышанъ слабый стонъ.
Тогда близь двухъ холмовъ, увѣнчанныхъ лѣсами,
Открылся твердый мысъ возникшій надъ водами,
Изображающій для зрѣнья видъ мѣлей,
Покрытый жемчугомъ и рыбьей чешуей;
Тамъ чудъ морскихъ стада для одтыха приходятъ,
Бьютъ воду и клубятъ и шумомъ сонъ наводятъ;
Другіе изъ — подъ волнъ отверзсты кажутъ рты,
И златомъ и сребромъ блистающи хребты.
Тамъ вся прибрежна сушь изъ насыпей янтарныхъ,
Витаютъ стаи птицъ въ развалинахъ кристальныхъ;
Горятъ громады въ вкругъ отъ солнечныхъ лучей,
И радуги цвѣтутъ по верхъ сѣдыхъ зыбей.
Какъ снѣги, холмы тамъ отъ бѣлой моря пѣны.

Льютъ въ воздухъ сладкій гласъ пернатыя Сирены.
Проливомъ тѣснымъ мысъ отъ холмовъ отдѣленъ
И твердыми вокругъ стѣнами обнесенъ.
Тамъ древность ветхая слѣды свои являла,
Убѣжище отъ бурь плывущимъ предлагала;
Изъ водъ воздвиглись тамъ двѣ гордыя скалы,
Въ которы, съ ревомъ бьясь, дробилися валы.
Монархъ, возведши взоръ на влажную пустыню
И Соловецкихъ стѣнъ на каменну твердыню,
Сотрудникамъ сказалъ: „друзья, кто мнилъ изъ васъ,
„Чтобъ рокъ когда нибудь носилъ по безднамъ насъ?
„Чтобъ, вашими суда построенны руками,
„Намъ дали полну власть надъ дальними морями?
„Явило время намъ сіе событіе:
„Терпѣнье и труды превозмогаютъ все.
„На понтѣ мы свои напечатлѣли слѣды,
„На понтѣ будемъ мы торжествовать побѣды,
„И пренесемъ орла за льдистый Океанъ,
„Куда не достигалъ Колумбъ и Магелланъ.
Вѣщалъ, и рати всей весельемъ восхищенной,
Велѣлъ поставить флотъ близь суши вожделѣнной.
Покрыли брегъ пловцы, спасенные отъ водъ,
Въ обители молва гласитъ ПЕТРОВЪ приходъ.
Громада каменна, веселья въ полномъ ликѣ,
Казалось, двиглась вдругъ во срѣтенье владыкѣ.
Ѳирсъ мудрый, пастырь душъ, съ крестомъ къ ПЕТРУ грядетъ.
Сей старецъ ужъ достигъ осьмидесяти лѣтъ,
Но бодрость на челѣ его еще сіяла,
И бѣлая брада на перси упадала.
Пророчествами былъ онъ свыше вдохновенъ,

И умными очьми читалъ во тьмѣ временъ.
Спасительнымъ крестомъ Монарха осѣняетъ,
И сей ему привѣтъ усердствуя вѣщаетъ:
„Благословенъ грядый подъ Вышняго рукой!
„Царь вниди опочить въ обители святой!
„Господь къ тебѣ свою низпошлетъ благостыню,
„Десницею твоей сотретъ враговъ гордыню.
„ПЕТРЪ, крестъ облобызавъ, святителя спросилъ,
„Кто васъ въ пустынѣ сей стѣнами оградилъ?
„Подумать льзя, возрѣвъ на башни со стѣнами,
„Что будто изъ морей они возникли сами; —
Глаголя старцу, путь къ обители склонялъ.
Монарху на вопросъ Ѳирсъ тако отвѣчалъ:
„Твой предокъ, Іоаннъ, Агарянъ побѣдитель,
„Обители сея былъ ревностный строитель;
„Руками плѣнныхъ онъ громаду стѣнъ вознесъ,
„Сложивши тяжесть съ нихъ невольничьихъ желѣзъ.
„Отшельцы міра ту обитель населяютъ,
„Въ молитвѣ и постѣ духъ къ небу воскриляютъ.
„Пучиной отдаля отъ всѣхъ мірскихъ тревогъ,
„Лишь вѣрою одной нашъ духъ питаетъ Богъ.
„Се кельи мрачныя, изъ камня изсѣченны,
„Отъ шумныхъ непогодъ покровъ для насъ священный.
„Всевышняго рука въ суровой сей странѣ,
„Щедроты льетъ на насъ въ пріятной тишинѣ;
„Богъ братску далъ любовь намъ въ вѣчно утѣшенье:
„Забавы наши, трудъ, Господень храмъ, имѣнье.
„Отверженцы суетъ, сраспявшися Христу,
„Всѣ блага жизни сей вмѣняемъ за тщету.

На мудрость Ѳирсову позналь Монархъ взирая,
Что кротость дышетъ въ немъ и истина святая:
Не такъ, какъ многіе служители Творца,
Страстямъ даютъ во власть кичливыя сердца;
Личиной мудрости скрывъ буйство и пороки,
Тьмой гнусныхъ дѣлъ мрачатъ санъ свѣтлый и высокій;
Хоть доблести внушать не рѣдко тщатся въ насъ
Но сами не хранятъ, суетъ внимая гласъ.
ПЕТРЪ въ храмъ препроводить себя повелѣваетъ,
Гдѣ онъ принесть мольбы Всевышнему желаетъ.
Благоговѣнья полнъ, вступилъ съ дружиной въ храмъ.
Поющихъ гласъ и духъ взпарили къ небесамъ:
Молились, да Господь превознесетъ Россію.
Самъ старецъ совершалъ святую литургію.
Колѣни преклоня у Божья олтаря,
Всевышняго просилъ о здравіи Царя.
При восклицаньяхъ сихъ отверзся сводъ небесный, —
И Ангелъ низпустясь, одѣянъ въ свѣтъ чудесный,
Безплотною рукой оливну вѣтвь держалъ,
И вѣнценосный верхъ осклабясь осѣнялъ.
Какъ ризою, весь храмъ облекся вкругъ зарями,
Отъ Ангела къ ПЕТРУ блескъ сыпался лучами. —
Принесши благодать, онъ скрылся въ горній свѣтъ,
Лишь пламенна черта его являла слѣдъ. —
Возславши ко Творцу усердное моленье,
ПЕТРЪ чувствуетъ въ душѣ небесно умиленье.
Казалось, самаго онъ Бога созерцалъ,
Исполненъ весь имъ былъ и святостью дышалъ.
Ѳирсъ, міра бытія Монарху повѣствуетъ
И таинство судебъ грядущихъ предсказуетъ.

ПЕТРОВЫ кажетъ онъ великія дѣла,
И огненный полетъ Россійскаго орла.
Въ словахъ святителя, отъ Бога вдохновенна
И древностію лѣтъ примѣрамъ наученна,
Какъ въ книгѣ, ПЕТРЪ читалъ о славѣ Росскихъ странъ,
Что Россамъ малъ сей долъ и тѣсенъ Океанъ.
На сушѣ видитъ онъ побѣдоносны строи,
Предъ коими въ крови поверженны герои;
Враги Славянскихъ чадъ кончали славно вѣкъ.
Тамъ грады рушенны, здѣсь флотовъ бурный бѣгъ.
Богъ водъ зря дерзость ихъ, изъ влажныя стихіи
Выходитъ яростенъ, грозитъ сынамъ Россіи;
Съ угрюмаго чела стрясаетъ черной илъ,
И, легкостью носясь Борея шумныхъ крылъ,
Наводитъ бури онъ, но, Россомъ побѣжденный,
Даетъ ему пути въ предѣлы отдаленны.
Бесѣдуя такъ Ѳирсъ, внѣ храма показалъ
Воздвигнуты бугры и слово продолжалъ:
Се суевѣрія знакъ пагубный, плачевный!
Злодѣевъ кости здѣсь хранятся погребенны.
Незапной смерти ихъ виною былъ расколъ,
Ведущій наглый сонмъ къ свершенію крамолъ.
Сколь много пострадалъ отъ нихъ и твой родитель!
Не усмирилъ невѣждъ ни судъ, ни мечь крушитель!
Неистовый сей родъ въ упорствѣ пребывалъ,
На Вѣру, на Царя хулу изъ устъ рыгалъ.
Иные обуявъ, на вольну смерть дерзали
И собственную грудь въ отчаяньи пронзали,
Другіе жизнь свою преторгнули огнемъ;
Дымилась храма вкругъ текуща кровь ручьемъ.

Коль слухи до меня достигли справедливы,
Смущали варвары твой вѣкъ младый, щастливый.
Да вышняго рука отъ зла тебя спасетъ
И славою твоей исполнится весъ свѣтъ!

Вздохнувъ, возпомнилъ Царь, сколь много отъ раскола
Простерлось дерзостей до высоты престола.
Еще въ его душѣ сей страхъ не истребленъ,
Который былъ ему злодѣйствомъ наведенъ.
Представились на мысль различныя тиранства,
Творимыя въ Москвѣ отъ звѣрскаго буянства.
Уваживъ въ старцѣ ПЕТРЪ всѣхъ доблестей соборъ,
Стремится съ нимъ вступить въ яснѣйшій разговоръ;
Подъ мирнымъ кровомъ санъ высокій забываетъ,
И паче тѣмъ свое величество являетъ.
Со подданнымъ какъ другъ бесѣдуетъ Монархъ,
Изображаетъ весь минувшихъ бѣдствій страхъ.
„Сестра моя, онъ рекъ, взалкавша Царской власти,
Отверзла къ трону путь чрезъ общія напасти,
И въ сердцѣ потушивъ ко сродникамъ любовь,
Пять кратъ мечемъ убійцъ лила невинну кровь.
Тѣлесныхъ слабость силъ презрѣла въ старшемъ братѣ,
Во мнѣ незрѣлость лѣтъ, и тайно съ скопомъ въ градѣ
Направя къ кознямъ свой властолюбивый духъ,
Хотѣла изъ моихъ изторгнуть скипетръ рукъ.
Для увѣнчанія намѣреній щастливыхъ
Склонила знатный сонмъ къ себѣ бояръ кичливыхъ.
Но чтобъ и мрачну чернь въ коварну сѣть вовлечь,
По стогнамъ и домамъ плодили общу рѣчь,
Что братъ мой отчужденъ престола былъ насильно,
И право старшенства страдаетъ неповинно.

Уже средь черни та разпространенна вѣсть
Къ премѣнамъ склонный духъ подвигнула на месть.
Сколь царская судьба для Россовъ драгоцѣнна,
Въ различны времена то видѣла вселенна;
Безъ ропота несутъ они яремъ властей,
Когдажъ раздражены, ужаснѣе звѣрей!
Стрѣльцы, собравшись въ сонмъ, къ Софіи приступили,
И повелѣнія отъ ней тогда просили.
Царевна, давъ приказъ, пустила хитрый стонъ:
Стрѣльцы клянутся ей возвесть ее на тронъ;
И се оружій звукъ раздался подъ стѣнами,
Явился въ стогнахъ страхъ съ смущенными очами;
И старость, скорбей мать, на жезлъ опершись свой,
Въ печали прослезясь, день кажетъ роковой.
Софія, въ умыслахъ своихъ неколебима,
Повелѣваетъ звать въ чертогъ Іоякима:
Приходитъ Патріархъ; его спокойный видъ
Порочныя сердца собравшихся страшитъ.
Премудрый пастырь сей, хоть въ словѣ необиленъ,
Но важенъ, справедливъ, благоразуменъ, силенъ;
Нося великій санъ, онъ церкви былъ столпомъ
И добродѣтелей духовныхъ образцомъ.
Священные чины его сопровождали,
И всѣ, какъ пастырь ихъ, премудростью сіяли.
Онъ видитъ тутъ бояръ пришедшихъ на совѣтъ.
Передъ святителемъ Софія востаетъ:
И согласивъ умы, ей прежде покоренны,
Даетъ боярамъ знакъ, чтобъ были непремѣнны.
Скрывая злобный ковъ, являетъ смутный зракъ,
И слезы уронивъ, гласитъ предъ сонмомъ такъ:

Подпоры твердыя Россійскія державы,
Ревнители ея и щастія и славы,
Сыны отечества! отъ васъ Россія ждетъ
Нельстиваго суда и прекращенья бѣдъ.
Извѣстно вамъ, что смерть Ѳеодора виною
Была намъ горкихъ слезъ. Кто съ хладною душою
О тратѣ сей изъ насъ себѣ представить могъ?
Но нѣтъ уже его: — изволилъ тако Богъ!
Несѣтовать съ собой о смерти незабвенной,
Оплаканной стократъ Россіей огорченной,
Не доблести его минувши изчислять;
О благѣ общемъ васъ призвала совѣщать.
Предъ сонмомъ всѣхъ бояръ, Россіи драгоцѣнныхъ,
Къ отечеству, къ Царямъ любовью взпламененныхъ,
Дерзаю голосъ мой подать совѣту я:
О вы полковъ вожди! бояре, и князья!
И ты Іоакимъ, носящій санъ священный,
Посредникъ царскихъ дѣлъ, столпъ церкви неизмѣнный!
Внемлите, что народъ вамъ мною вопіетъ:
Что вы забыли долгъ и правды въ царствѣ нѣтъ,
Что власть верховная всѣхъ правъ своихъ лишилась
И буйной гордости бояръ поработилась.
Всякъ хочетъ управлять подъ именемъ Царя
И жертвуетъ страстямъ, судъ куплею творя;
Все тѣло потряслось отъ сей крутой премѣны
И обнажилися раздранны царства члены;
Послѣдуетъ за симъ паденіе его:
Россія гибнетъ днесь средь щастья своего...
Мнѣ мнится, вижу я въ Москвѣ кровавы рѣки
И ужасъ гнусныхъ дѣлъ простертый въ поздны вѣки!

Всѣ сѣтуютъ, почто увѣнчанъ младшій братъ,
И старшему вручить корону всѣ хотятъ.
Ужъ многи изъ бояръ, въ ожесточеньи яромъ,
Готовы бунтъ начать губительнымъ ударомъ.
Коль рѣчь моя для васъ полезна быть могла, —
Вашъ долгъ спасать народъ отъ предстояща зла.
Со властію слова Царевной изреченны,
И гордый видъ ея, и взоръ возпламененный,
Удобны были къ ней склонить престольный градъ.
Поколебались всѣ, трепещутъ и молчатъ.
Единый Патріархъ коварство проницаетъ
И грознымъ взглядомъ взоръ Царевнинъ потупляетъ.
По блѣдному челу простерся рдяный стыдъ,
Все измѣнило ей, и гласъ, и взоръ, и видъ.
Родитель твой и братъ, какъ въ вѣчность отходили,
ПЕТРА возвесть на тронъ Россіи поручили.
Мы избрали его и словомъ и душой:
Такъ старецъ отвѣчалъ съ почтенной простотой.
Гнѣвъ пылкій гордый духъ на части разрываетъ;
Страсть царствовать сестру въ безчувственность ввергаетъ.
Но ярость укротивъ въ движеніяхъ своихъ,
Дала совѣтъ вѣнчать короной обоихъ.
Сообщники ея глаголъ сей одобряли
И съ дерзостью на то святителя склоняли;
Но онъ неколебимъ; какъ въ полѣ древній кедръ
Недвижимо стоитъ, когда бунтуетъ вѣтръ.
Царевнѣ онъ вѣщалъ на хитру рѣчь и смѣлу:
„Не благо двѣ главы имѣть едину тѣлу:
„Сіе благословить мнѣ запрещаетъ Богъ.
Скончалъ, и сѣтующъ оставилъ онъ чертогъ.

Софія хочетъ всѣ къ злодѣйству двигнуть средства,
Изобрѣтаетъ казнь, различны роды бѣдства.
Толстой, орудіе Царевниныхъ затѣй,
Приготовляетъ все къ погибели моей;
Сулитъ бунтовщикамъ чужое въ даръ имѣнье
И возбуждаетъ тѣмъ въ нихъ вящше къ бунту рвенье.
Насталъ ужасный часъ; — лишь ночи скрылась тѣнь,
Явилъ убійства страхъ послѣдующій день.
Иной сраженъ въ одрѣ, другой низверженъ въ воды,
Иной лишась родныхъ, лишился и свободы;
Сокровищи бояръ на торжищахъ дѣлятъ,
Приверженныхъ ко мнѣ каменьями разятъ;
Заслуга съ ранами, съ болѣзнью, съ сѣдинами,
Влечется на позоръ злодѣйскими руками, —
И кровь невинная, сліявшись съ токомъ слезъ,
Вотще ждала за казнь отмщенія небесъ!
Терзаютъ вкругъ Москву рожденны въ ней тираны,
И съ плесками ея изчитываютъ раны!
Толстой, плодя мятежъ, предводитъ алчныхъ львовъ.
Чтобъ пылу жаръ придать, сплела Софія ковъ —
И Милославскаго съ дружиной посылаетъ:
Измѣнникъ сей стрѣльцовъ не мѣдля достигаетъ,
И всѣмъ гласитъ: друзья! сынъ Царскій умерщвленъ!
Нарышкинымъ въ дворцѣ, о злоба! удушенъ!
Вступитесь братія за кровь его невинну!
Смерть Іоаннову отмстите вы насильну!
Въ отвѣтъ, стрѣльцы спѣшатъ къ Кремлю, гдѣ царскій домъ;
Едины чрезъ врата, другіе чрезъ проломъ.
Какъ быстрая рѣка, разторгнувши плотины,
Несется изъ бреговъ на злачныя равнины

И, въ бурномъ шествіи сугубя свой порывъ,
Влечетъ въ глубоки рвы плоды съ пріятныхъ нивъ:
Толпы бунтовщиковъ объемлютъ Кремль священный;
Всѣ стражи пали тамъ, мечами пораженны;
Нарышкина велятъ злодѣи выдавать,
Иль угрожаютъ все, жечь, грабить и терзать.
Князь Долгорукій, зря творимы нагло казни,
Является предъ сонмъ злодѣйскій безъ боязни:
Клянется, что не сшелъ въ гробницу Іоаннъ,
И что Нарышкинъ мужъ почтенный, не тиранъ,
Что сродникъ онъ Царямъ, извѣстенъ къ нимъ любовью,
И что не обагритъ руки своей ихъ кровью.
О звѣронравный родъ! воскликнулъ громко онъ,
Иль тако защищать ты клялся Росскій тронъ?
Толстой, въ отвѣтъ стрѣльцамъ: онъ общникъ злыхъ совѣтовъ,
Не слушайте, друзья! поборника навѣтовъ.
Тутъ Князя ухвативъ съ ругательствомъ біютъ,
За перси, за власы, на торжище влекутъ,
И, въ теремъ приведя къ Софіи, изъ палаты
Бросаютъ чрезъ окно нещастнаго за скаты.
Кровавый Князя трупъ летитъ на копья внизъ, —
И любо, отъ убійцъ и плески раздались! . . .
Все нагло обувъ, во пьяномъ своевольѣ,
Несутъ въ чертогъ Царевъ каменья и дреколье.
Предсталъ къ злодѣямъ тутъ, покрытый сѣдиной,
Матвѣевъ, козней врагъ, и столпъ двора прямой;
Не саномъ былъ сей мужъ, но знаменитъ дѣлами,
Краснорѣчивый даръ гремѣлъ его устами;
Онъ другомъ былъ Царей, полезенъ въ тишинѣ,
Опасенъ для льстецовъ и страшенъ на войнѣ.

Въ бѣдахъ не унывалъ; темница и оковы
Не премѣнили въ немъ духъ бодрый, видъ суровый,
Съ которымъ правду онъ предъ тронóмъ говорилъ,
И, можетъ быть, за то тиранства жертвой былъ.
Великихъ дѣлъ ни смерть, ни время быстротечно
Не могутъ истребить; онѣ сіяютъ вѣчно.
Онъ, грудь свою открывъ, на язвы указалъ:
Сей грудью я народъ и скипетръ защищалъ!
За васъ, о Россы! я сражался со врагами,
За васъ въ изгнаньи былъ обремененъ цѣпями!
За васъ!... а вы?... о рокъ! до сихъ я дожилъ поръ,
Что въ древности моей Россіи зрю позоръ!
Отечества сыны, защитники державы,
Собратіи мои, рожденные для славы,
Забывши долгъ и честь, въ свирѣпости своей,
Возстали на гражданъ и даже на Царей!
Внушите старца гласъ, оставьте вышней волѣ
Царями управлять. Владѣтель на престолѣ
Не случаемъ слѣпымъ, но Богомъ утвержденъ:
Отъ Бога былъ ПЕТРУ правленья жезлъ врученъ.
Спокойтеся, преставъ отъ лютаго терзанья;
Раскаяньемъ своимъ покройте злы дѣянья!
Смягчились варвары отъ словъ сего отца:
Пронзаетъ правды гласъ и каменны сердца. (2
Но Милославскимъ тутъ къ злодѣйству поощренны
Возносятся на верхъ, какъ тигры разъяренны,
И въ бѣшенствѣ, увы! Матѳѣева разятъ!
Четыре вдругъ копья вонзенныхъ въ немъ дрожатъ.
Изъ ранъ глубокихъ кровь ударилась рѣкою, —
И вскорѣ смерть его своей покрыла мглою;

Духъ въ вѣчность отлетѣлъ, потухнулъ огнь въ очахъ,
И замерли слова не конченны въ устахъ.
Царица, мать моя, не зря предѣла бѣдству,
Къ послѣднему еще спѣшитъ прибѣгнуть средству:
На красное крыльцо выводитъ насъ съ собой,
(О какъ терзалась ты гонимая судьбой!) (1)
Злодѣямъ обоихъ насъ съ братомъ показала,
И буйство прекратить ихъ прозьбой убѣждала.
Но варвары, своимъ не вѣривши глазамъ,
Насъ кликали они два разъ по имянамъ.
И видя, что Иванъ во здравьи вожделѣнномъ,
Лишь сѣтующь о семъ смятеніи возженномъ,
Оружье опустивъ, всѣ въ домы течь спѣшатъ.
Сестра, примѣтивъ то изъ внутреннихъ палатъ,
Отъ злости слезы льетъ, власы свои терзаетъ,
Трепещуща, блѣдна, стрѣльцовъ остановляетъ.
Нарышкиныхъ велитъ съ лица земнаго стерть,
Или, гласитъ, самихъ васъ всѣхъ постигнетъ смерть!
Сопровождали рѣчь ласкательства притворны:
Злодѣи лишь одной сестрѣ моей покорны.
Какъ бурные кони, сраженья въ грозный часъ
Смиряются, когда знакомый слышатъ гласъ;
Иль, вящше раздражась сѣдящихъ подстрѣканьемъ,
Усугубляютъ бой и движутъ воздухъ ржаньемъ;
Иль, искра тлѣюща подъ пепломъ въ лѣтній жаръ,
Отъ вѣтра средь лѣсовъ раждаетъ вновь пожаръ,
Бѣгущій пламень свой въ пространствѣ разстилаетъ,
Реветъ, и съ трескомъ все, что встрѣтитъ, пожираетъ:
Въ чертоги Царски такъ свирѣпые враги,
Вломившися съ мечьми, несли свои шаги;

Къ престолу приступивъ, какъ алчны львы, рыкали,
И тамъ оружіемъ Нарышкина искали.
Но сей нещастный мужъ, Россіи вѣрный сынъ,
Предвидѣвши ударъ разгнѣванныхъ судьбинъ,
Предъ Божьимъ олтаремъ слезами обливался,
Не о себѣ, увы! о Россахъ сокрушался!
Онъ былъ готовъ принесть свою на жертву кровь; —
Изторгла слезы тѣ, къ отечеству любовь!
Какъ агнца, варвары влекутъ на убіенье;
Нарышкинъ средь убійцъ являлъ души смиренье:
И, взоры возведя на небо, возгласилъ:
Ты вѣси, Боже мой! чѣмъ казнь я заслужилъ!
Не ужасаюсь пасть подъ смертною косою,
Лишь сродниковъ моихъ покрой твоей рукою!
Нещастна мать моя, зря брата въ видѣ семъ,
Несется сквозь убійцъ съ окаяннымъ лицемъ;
Въ послѣдній разъ его ко персямъ прижимаетъ,
И, мнится, въ оный часъ съ нимъ купно умираетъ.
Восхитивъ отъ нея и брата и друзей,
Нарышкина ведутъ средь копій и мечей.
Достигли Спаскихъ вратъ и, злобой пламенѣя,
Сразили тутъ его, какъ общаго злодѣя,
Который, будтобъ всѣ враждой смутивъ сердца,
Пронырствами искалъ Монаршаго вѣнца.
Тогда его глава, отсѣченна мечами,
Повергнута была Софіи предъ ногами:
Она пріяла даръ безъ страха, съ видомъ злымъ,
Какъ пріобыкшая ко жертвамъ таковымъ;
Улыбка на устахъ безмолвныхъ появилась,
И къ власти паки въ ней надѣжда пробудилась.

Отмщеніемъ горя сыны за смерть отцевъ,
Отъ страха преходя на сродный чадамъ гнѣвъ,
Горюшкинъ, Юреневъ, Яновъ, Матѳѣевъ сильный
И храбрый, какъ отецъ, и рѣчью изобильный;
О други! онъ вѣщалъ: природа, долгъ и честь
Велятъ намъ совершить за кровь пролиту месть.
Хотя не возвратимъ ужъ къ жизни пораженныхъ,
Но явимъ мы въ себѣ сыновъ благорожденныхъ;
Пойдемъ въ сей славный путь, взявъ вѣрныхъ нашихъ слугъ!
Сей рѣчью возбудилъ въ друзьяхъ заснувшій духъ.
Приемлютъ всѣ мечи и съ твердымъ дерзновеньемъ
Несутся ко стѣнамъ, пылающи отмщеньемъ.
Ужъ стѣнобитный ломъ Кремлевски свергъ врата
И стража кровопійцъ во всѣхъ мѣстахъ сняла;
Содроглися стрѣльцы отъ сильной обороны;
Воздвигнуты вездѣ къ злодѣйству имъ препоны;
Матѳѣевъ, храбрый вождь, цвѣтущій сей герой,
Летаетъ предъ полкомъ съ ужасной булавой.
Лежатъ вокругъ его злодѣи низложенны,
Разметанны мечи и копья сокрушенны.

Зря скорбная Москва защиту такову,
Съ кроваваго одра возвысила главу
И, томная отъ язвъ въ смиренномъ умиленьѣ,
Возноситъ къ небесамъ свое благодаренье;
Защитникамъ своимъ раздранну кажетъ грудь
И поощряетъ ихъ стремиться славы въ путь.
Для ревностныхъ сыновъ сей гласъ, былъ гласомъ грома;
Смывалось кровію безчестье Царска дома.
Горюшкину умреть насталъ ужасный часъ,
Сомкнула вѣчна ночь его зеницы глазъ.

Хотя онъ на убійцъ безстрашно устремлялся,
Но копьями пронзенъ на мѣстѣ мертвъ остался.
Тутъ ревность оказалъ и Салтыковъ свою;
Онъ мѣсто заступилъ убитаго въ бою;
Въ его рукѣ булатъ возпринялъ вящшу силу —
И Кремль преобращенъ въ кроваву сталъ могилу.
Злодѣи, видя тутъ что имъ спасенья нѣтъ,
Кладутъ оружіе, мня тѣмъ избѣгнуть бѣдъ.
У побѣдителей себѣ пощады просятъ,
Колѣни преклонивъ, на казнь главы приносятъ.
Казалось въ оный день, что вся спаслась страна
И въ первый разъ въ Москвѣ настала тишина.
Софія гордая, питавша къ кровнымъ злобу,
Хотѣла изъ пеленъ меня свести ко гробу;
Но чудный въ бранехъ Богъ гордыню низложилъ,
Невинность защитивъ, тиранство удивилъ.
Толстой, коварный рабъ, священныхъ клятвъ предатель,
Всѣмъ ясно показалъ, сколь подлъ Царей ласкатель!
Увидя, что открытъ его злодѣйскій ковъ,
Еще прибѣгнуть смѣлъ къ Софіи подъ покровъ.
Хотя Царевнинъ духъ непостояненъ, злобенъ,
Хотя властолюбивъ, но къ низостямъ несроденъ.
Убійцы были ей лишь нужны для вѣнца,
Пренебрегала жъ въ нихъ звѣриныя сердца.
Толстаго повстрѣчавъ, измѣнникъ! возгласила,
Какую пользу мнѣ твоя рука явила?
Почто ко мнѣ предсталъ? или внимать мой стонъ?
Гдѣ ревности плоды? гдѣ власть моя и тронъ?
Какъ громомъ пораженъ, трепещетъ врагъ свирѣпый
И кроется къ звѣрямъ во мрачные вертепы.

Скончался грозный бунтъ, всеобщій минулъ страхъ,
Лишь горесть, бѣдствій дщерь, осталася въ сердцахъ.
Поверженныхъ бояръ тѣла земля пріяла;
Москва избывъ отъ золъ судьбу благословляла;
Изсякнулъ крови токъ, и горькихъ слезъ ручей.
Тогда Іоакимъ со матерью моей
Вѣнчали на престолъ двухъ братьевъ и Софію,
Чтобъ тѣмъ, прервавъ вражду, отъ бѣдъ спасти Россію.
Но паки пробудивъ Царевна прежднюю страсть,
На нашу съ братомъ жизнь простерла хищну власть.
Совѣтомъ всѣхъ бояръ злодѣйствъ для прекращенья
Назначили ей казнь и дали повелѣнья.
Князь Ромодановскій, явившись къ ней въ чертогъ,
Со ревностію свой спѣшилъ исполнить долгъ;
Представя ею всѣ творимыя злодѣйства,
Нещастіе Гражданъ и Царскаго семѣйства,
Софіи объявилъ по семъ велѣнье онъ:
Отвѣтомъ былъ ея прерывный сердца стонъ.
Надежда гордости уже нельстила болѣ,
Осталося безъ дѣйствъ коварство на престолѣ;
И тотъ, что намъ сестра готовила ударъ,
Низвергся на нее измѣною бояръ.
Уже усердный Князь, всеобщихъ благъ ревнитель,
Софію водворилъ въ священную обитель.
Во заключеньи бывъ, она стремилась мстить;
Не можно было въ ней огнь страсти потушить.
Но я низвергъ вражду, споспѣшествуемъ Богомъ,
Покоилась Москва по возмущеньи многомъ;
Желая утвердить отеческу страну,
Предупреждалъ бѣды и внѣшнюю войну,

И озарить невѣждъ стараньемъ общимъ тщился,
Дабы познаньемъ Россъ съ сосѣдами сравнился.
Коликихъ стоило мнѣ горестей, трудовъ,
Чтобъ злобныхъ укротить, иль истребить стрѣльцовъ!
Колико кратъ они на жизнь мою дерзали,
И мой ко славѣ путь средь славы препинали!
Какъ Гидра, оныхъ родъ поверженъ былъ мечемъ,
Но ядъ свой простиралъ и мнѣ вредилъ во всемъ.
Уже, освободясь отъ буйствъ, Кремлевски стѣны
Являли грозный видъ для лютыя измѣны;
Чернѣла кровь стрѣльцовъ на каменныхъ зубцахъ,
И наводила тѣмъ на вѣроломцевъ страхъ.
Но сродники мои, что въ вѣчность скрыла злоба,
Не возвратятся къ намъ изъ заключенiй гроба!
Трепещешь, старче ты, внявъ ужасы крамолъ,
Которыхъ былъ виной колеблемый престолъ!
Жестокости судебъ ни что не умягчало,
Бѣдамъ предѣлъ далекъ, ты внялъ одно начало.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПЕТРЪ Великій повѣствуетъ Ѳирсу о бѣдствіяхъ, произтекшихъ отъ раскола, о прекращеніи сего бунта, о побѣдѣ его надъ Турками и о причинѣ войны противъ Карла XII. Присовокупляется къ сему явленіе Александра Невскаго и чудесное Петрово сновидѣніе.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Софія утомясь пресѣкла мщенья токъ;
Но не престалъ меня карать враждебный рокъ.
Едва къ художествамъ простеръ я слабы руки,
Построилъ корабли и мысль вперилъ въ науки, —
Отъ суевѣрія вдругъ туча поднялась,
Чревата бурями къ престолу принеслась.
Подъ видомъ святости свое смертельно жало
Для пагубы моей безбожіе скрывало.
Сколь много зла нанесъ не просвѣщенный умъ,
Расколомъ тѣмъ, что ввелъ въ Россію Аввакумъ!
Самбуловъ, изъ числа грубѣйшихъ изувѣровъ,
И множество стрѣльцовъ, ханжей и лицемѣровъ,
Всѣмъ сонмищемъ приставъ къ совѣту злыхъ бояръ,
И Церкви и Царямъ готовили ударъ.
Хованской удрученъ болѣзнью и лѣтами,
Начальникъ бунта былъ съ своими сыновьями.

Сей родъ, что сталъ въ числѣ злодѣевъ знаменитъ,
Позднѣйшимъ временамъ предастъ свой древній стыдъ!
Хованской прежде всѣхъ съ стрѣльцами съединился
И первый изъ бояръ къ Софіи преклонился.
Онъ мнилъ, Царевнинъ льстя усердьемъ ложнымъ духъ,
Отверзть себѣ пути для вящшихъ ей услугъ,
И, можетъ быть, къ вѣнцу, знавъ слабость женска пола...
Но видя, что съ сестрой нельзя дѣлить престола,
Хованской предпріялъ родъ Царской истребить,
Меня, мою сестру и брата погубить:
Обычно средство всѣхъ искавшихъ тщетно власти,
Подъ видомъ вѣры мстить за собственныя страсти,
Удобнѣй тѣмъ, когда растлѣнные умы
Блуждаютъ безъ вождя невѣжества средь тьмы.
Завѣсы неподнявъ, стрѣльцы злодѣю внемлютъ
И смертоносный мечь на Царску кровь подъемлютъ.
Возженный мятежа отъ наглости пожаръ
Не прекратила казнь, ни мудрыхъ гласъ бояръ.
Смутившися Москва, въ печали прослезилась,
И смерть на площадяхъ съ перунами явилась.
Не властолюбіе уже бросаетъ громъ,
Но суевѣріе убійственнымъ жезломъ
Въ ужасной дерзости приноситъ злобѣ жертвы;
Во храмахъ и домахъ тѣла лежали мертвы!
Премудрый Патріархъ, спѣшащій бунтъ пресѣчь,
Средь храма, службы въ часъ, простеръ къ мятежнымъ рѣчь;
Представилъ ими въ скорбь поверженну столицу,
И мстящаго Творца всесильную десницу.
Ужъ многіе изъ нихъ, внявъ мудрость старчихъ словъ,
Хотѣли отступить отъ злыхъ Еретиковъ.

Самбуловъ, вождь стрѣльцовъ, расколомъ ослѣпленный,
Гласъ истинны презрѣлъ и старца санъ священный;
Свирѣпствомъ воспалилъ готовый къ бунтамъ духъ;
Подвиглись яростью сердца мятежны вдругъ.
Къ святому олтарю злодѣи приступаютъ
И камни въ пастыря и въ клиръ его бросаютъ;
Гласятъ: предатель ты, крамольникъ, хищникъ, песъ! —
Не зримой силой тутъ божественныхъ чудесъ
Святитель былъ изъятъ отъ смерти неизбѣжной;
Лишь двухъ Пресвитеровъ схвативши сонмъ мятежной,
Свирѣпости своей ихъ жертвой учинилъ:
Убійцъ кровавыхъ полкъ всѣ площади покрылъ.
Хованской, мщеніемъ и яростью влекомый,
Къ Софіи въ монастырь свои склоняетъ громы. (4
Сообщники его, вломившися во дворъ,
Несутъ къ Царевнѣ смерть, къ святымъ мѣстамъ презоръ;
Блистаютъ въ ихъ рукахъ сѣкиры и тараны,
Уже злодѣи бьютъ въ набатъ и барабаны;
Ударами ломовъ со крючьевъ двѣри рвутъ;
Бунтъ рѣется въ передъ, преграды врозь падутъ:
Другіе, съ пламенемъ взлетѣвъ на горды кровы,
Ждутъ знака, и стоятъ къ зажженію готовы.
Грозитъ Софіи рокъ, и поздно зритъ она,
Что тщетно на родныхъ была ополчена,
Что тѣ, которы ей противъ меня служили,
Тѣ сами на нее оружье обратили.
Я, къ сродникамъ храня любовь въ душѣ моей,
Спѣшу изъять сестру изъ варварскихъ кохтей.
Къ погибели ея лишь нужно было слово —
Увидѣли бъ тотъ часъ позорище багрово;

Но я предупредилъ, и зло сіе пресѣкъ.
Хованской отъ оковъ и казни неизбѣгъ.
Другіе съ нимъ убійцъ толпы соединенны
Противоборствуя вѣкъ кончили плачевный.
Сестра моя, что мнѣ вонзала въ грудь кинжалъ,
Раскаялась, и я Царевны жизнь спасалъ;
И мнилъ, что бунтъ прервавъ побѣдною рукою,
Нещастливыхъ гражданъ я возвратилъ къ покою.
Но сынъ Хованскаго, по стогнамъ сѣя страхъ,
Засѣлъ въ стѣнахъ Кремля съ толпою побродягъ.
О стыдъ! бояре тутъ злодѣевъ подстрѣкали
И изувѣрствомъ пылъ свирѣпства распложали.
Едва къ Кремлевскимъ я приближился вратамъ,
Градъ камней полетѣлъ въ мою дружину тамъ;
Воздвигся дикій ревъ отъ черни разъяренной,
Огнь брани запылалъ съ обѣихъ странъ возженной!
И я, о люта скорбь! ктобъ въ мысляхъ представлялъ?
На Россовъ лишь однихъ оружье извлекалъ!
О сила чудная умовъ воспламененныхъ!
Возможно ль описать весь страхъ убійствъ плачевныхъ!
Я видѣлъ сродниковъ, во гнѣвѣ, межь собой
Возобновляющихъ кровопролитный бой!
Кто вѣренъ былъ Царямъ, святынѣ, чести, трону,
Тотъ жертвовалъ собой невиннымъ въ оборону.
Потомство поздное съ трудомъ повѣритъ намъ
О бѣдствахъ, коимъ я свидѣтель точный самъ.
Изъ сонмища убійцъ изсторгся на средину,
Броней покрытый мужъ, подобный исполину;
Главу его тягчилъ съ забраломъ мѣдный шлемъ,
И все оружіе тряслось звуча на немъ.

Смутившись видомъ симъ, всѣ въ страхъ отступали
И къ вящей дерзости злодѣю поводъ дали;
Гордяся силой мышцъ, онъ перси обнажилъ
И бурными пястьми съ размаху въ воздухъ билъ;
Копье, имѣвше видъ уразины дебѣлой,
Сотрясъ, и за хребетъ закинулъ щитъ тяжелой;
Шесть разъ онъ обвернулъ вкругъ перстовъ копіе,
И въ воздухѣ его свистѣло остріе.
Тутъ громко возопилъ: защитники престола!
Дерзайте брань творить со мной противъ раскола!
Се воинъ изъ моихъ противъ него идетъ,
И мужествомъ своимъ вниманье всѣхъ влечетъ:
Предсталъ — въ очахъ его сверкаетъ пламень ярый,
Онъ мечь свой занося измѣривалъ удары;
Уставленно копье на полы разрубилъ,
И грудь свою пронзить врага не допустилъ;
Съ мечами оба смерть стократно отражали;
Текла багрова кровь по ихъ блестящей стали;
И врагъ, что защищалъ съ свирѣпостью расколъ,
Противоборца вдругъ предъ мной повергъ на долъ:
Въ запекшуюсь гортань булатный мечь вонзаетъ;
Съ главы низпадшій шлемъ видъ воина являетъ:
О преступленіе! о бѣдственный конецъ!
Сей пораженный мужъ убійцынъ былъ отецъ!
Оцѣпенѣлъ злодѣй и въ мертвомъ иступленьи
Всю лютость представлялъ неслыханныхъ мученій!
Кровавый трупъ отца онъ грозно озиралъ,
Молчаніемъ своимъ всѣхъ въ ужасъ повергалъ;
Во мрачну думу впадъ, склонилъ главу на плѣчи,
Хотѣлъ вѣщать, въ устахъ оцѣпенѣли рѣчи;

Воспрянувъ ухватилъ свой мечь въ десницу тать,
И весь булатъ въ себя вонзилъ порукоять:
Какъ башня съ крутизны, гигантъ на прахъ свалился,
Великимъ тѣломъ долъ на три локтя покрылся.
Се нѣкая жена, пробившись сквозь толпы,
Ко площади несла трепещущи стопы.
Растрепанны власы, раздранно покрывало,
Неистовство ее и бунтъ души являло:
Причину смерти двухъ сраженныхъ познаетъ,
Остановляется, и молча слезы льетъ;
Вдругъ ринувшись она изъ всей ко трупамъ силы,
Вскричала поблѣднѣвъ, се ль славныя могилы
Убійцы обрѣли?... нещастная жена!
Одинъ ей былъ супругъ, другому мать она!
Вздымалась грудь ея и трепетали члены,
Поблекшія уста кровавой полны пѣны;
То сей, то оной трупъ она ко персямъ жметъ,
Народъ, расколъ, Царей и небеса клянетъ!
И, изпуская духъ отъ смертнаго недуга,
Поверглася безъ чувствъ средь сына и супруга.
Симъ видомъ сонмъ стрѣльцовъ, какъ громомъ, былъ сраженъ;
Не ярость въ ихъ очахъ, но страхъ изображенъ.
Они познали перстъ казнящій злодѣянья
И неразлучныя съ измѣною страданья.
Безъ дѣйственъ подвигъ тамъ, и трудно устоять,
Гдѣ промыслъ Вышняго не хочетъ побороть.
О чудное сердецъ людскихъ непостоянство!
Злодѣи, коихъ духъ питало лишь тиранство,
Которы поклялись во гробъ низвесть меня,
Тѣ послѣ, предо мной колѣни преклоня,

Присягу изрекли надъ острыми мечами,
И были мнѣ въ трудахъ полезными слугами.
Такъ, съ юности моей ведя войну съ враждой,
Я зло преодолѣлъ Всевышняго рукой.
Едва сей бурный вихрь въ началѣ прекратился,
Какъ вдругъ на востокѣ мнѣ къ сраженьямъ путь открылся:
Съ ужасной войска тьмой, со пламенемъ въ рукахъ,
Явился Отоманъ на сушѣ и моряхъ.
Издревле, роскошь мать пороковъ и крамолы,
Царей восточныхъ странъ колеблюща престолы,
Средь рати ихъ всегда со скипетромъ златымъ
Гордилась на войнѣ убранствомъ дорогимъ.
Я встрѣтить шелъ враговъ предъ новыми полками;
Моя сіяла рать усердными сынами;
Желѣзо, сталь и мѣдь, и въ жерлахъ скрытый громъ,
Вотъ все, что у меня примѣчено врагомъ.
Сраженный супостатъ безъ помощи, безъ средства,
Оставилъ намъ вездѣ слѣды постыдна бѣгства.
Казалось, щастье мнѣ польстило въ первый разъ;
Гремѣлъ среди морей торжествъ Россійскихъ гласъ.
Азовъ, есть памятникъ побѣдъ неимовѣрной,
Гдѣ носится мой флотъ среди пучины черной.
Уже мой старшій братъ, поверженный судьбой,
На вѣки разлученъ былъ смертію со мной.
Одинъ остался я, полночныхъ странъ властитель,
Неопытный Монархъ и слабый побѣдитель.
Но о дѣлахъ моихъ судилъ инако свѣтъ.
Неустрашимый Карлъ, источникъ нашихъ бѣдъ,
Сей сѣверный Арей, воспитанникъ Беллоны,
Подвигся, чтобъ вездѣ поставить мнѣ препоны.

Издревле при дворахъ хранится сей законъ,
Когда другимъ Царямъ чей сталъ ужасенъ тронъ,
Для безопасности своей тогда сосѣды
Стараются во зло преобратить побѣды.
Для обьявленія кровавыя войны,
Карлъ язвы мнѣ нанесъ съ чувствительной страны.
Надмѣнный сей герой, Германскихъ бѣдъ содѣтель,
Едину уважалъ военну добродѣтель.
Онъ дерзость съединивъ съ удачею своей
Свергалъ и возводилъ на троны Королей.
Надъ Августомъ явивъ неслыханно свирѣпство,
Грозитъ преобратить во прахъ мое наслѣдство;
Онъ тѣмъ возжегъ мой духъ дерзать на всѣ бѣды
И славы достигать чрезъ долгіе труды.
Ведя со Карломъ брань, несу не равно бремя:
Но Россовъ превознесть уже настало время.
Карлъ воинствомъ всегда искуснымъ окруженъ,
Готфъ къ хитростямъ войны издревле приученъ.
Хоть Россъ душой великъ и страшенъ въ дѣлѣ смѣломъ,
Изчадье сѣвера, и здравъ, и крѣпокъ тѣломъ;
Но сколько долженъ я трудовъ еще придать,
Чтобъ Россовъ научить искуствомъ побѣждать!
Вселенна вѣдаетъ, что Карлъ герой великій;
Взираютъ на него со трепетомъ Владыки;
Безъ стона сноситъ онъ жестокости судьбинъ,
Ужасенъ на войнѣ, но вредный гражданинъ.
Онъ, щастье приковавъ къ кровавой колесницѣ,
Летитъ въ полнощный край съ перунами въ десницѣ;
Колеблетъ Данію, Германію тѣснитъ,
И Польша вся его законы свято чтитъ.

Въ тѣ дни, какъ славно брань окончилъ я съ востокомъ
И въ сѣверъ громъ пренесъ, влеченъ враждебнымъ рокомъ,
Лефортъ, мой вѣрный другъ на вѣкъ оставилъ свѣтъ,
Лефортъ, участникъ всѣхъ трудовъ моихъ и бѣдъ.
Опорой твердой бывъ Россійскія державы,
Сей мужъ себѣ снискалъ вѣнецъ безсмертной славы.
Для сердца моего великъ былъ сей уронъ.
Зловредна вскорѣ лесть явилася предъ тронъ:
Лила свой сладкій ядъ, въ чертогахъ, въ ратномъ полѣ,
И я почувствовалъ, что нѣтъ Лефорта болѣ!
Какой на свѣтѣ Царь, въ себѣ я самъ вѣщалъ,
Какой Герой, мудрецъ, отъ лести избѣжалъ?
Какое для Царей на тронѣ бѣдствій море!
Среди крамолъ, измѣнъ, они съ собою въ спорѣ.
Въ обуреваемой страстями жизни сей
Кто могъ себя назвать щастливымъ изъ людей?
Въ сихъ мысляхъ погрузясь, обремененъ трудами,
Минувше созерцалъ душевными очами.
Ужъ ночь покрыла сводъ небесный темнотой
И сладкій сонъ принесъ природѣ всей покой;
Мнѣ спящу на одрѣ внезапно сновидѣнье
Представило очамъ чудесное явленье:
Величественный мужъ, какъ древле брани Богъ,
Въ доспѣхи облеченъ, вступилъ ко мнѣ въ чертогъ.
Его пернатый шлемъ, копье и мечь для боя
Изображали въ немъ минувшихъ лѣтъ героя.
По славѣ, по лицу я предка познаю,
И къ АЛЕКСАНДРУ вдругъ съ восторгомъ вопію:
О ты! которымъ въ прахъ легли попранны Шведы,
Ты, первый что разнесъ по сѣверу побѣды,

И, миръ возстановивъ въ полунощныхъ странахъ,
Ликуешь по трудѣ на звѣздныхъ высотахъ!
Наставь меня, о Князь! премудростью священной,
Да правый судъ творю въ сей жизни предкновенной,
Да упасу народъ, мнѣ данный отъ Творца,
И о дѣлахъ Царя утѣшатся сердца!
Взглянувши АЛЕКСАНДРЪ молніеноснымъ взоромъ,
Привѣтствовалъ меня симъ кроткимъ разговоромъ:
Воздай хвалы Творцу — и знай, что мой приходъ,
Есть истинный залогъ къ тебѣ его щедротъ.
Мужайся, будь герой; се новая крамола
Зіяетъ вкругъ тебя и Росскаго престола;
И внѣ, и внутрь шипятъ враждебныя зміи:
Ты хочешь вѣдать ихъ?... то страсти суть твои.
Начни побѣду съ нихъ, онѣ всего сильнѣе,
Надъ ними торжество другихъ побѣдъ славнѣе.
За лавры что герой средь бранныхъ жнетъ полей
Обязанъ щастію и мужеству людей;
Но тотъ, кто надъ собой побѣду получаетъ,
Великой славы той ни съ кѣмъ не раздѣляетъ.
Примѣры нужны намъ: но въ комъ примѣръ найти?
Кто не былъ рабъ страстей на жизненномъ пути?
На поприщѣ суетъ ты встрѣтишь бѣдства разны:
Злодѣйство, зависть, лесть, невѣжество, соблазны.
Надѣжду возлагай на Бога одного:
Ты слабъ — и безъ Творца не можешь ничего.
Всѣхъ ближнихъ возлюби и вѣдай гнѣва мѣру.
Блаженъ стократно Царь, хранящій въ сердцѣ вѣру!
Чтобъ видѣть, какъ Творецъ казнитъ преступныхъ чадъ,
Чтобъ возгнушатся зломъ ты долженъ снити въ адъ,

Гдѣ праведная власть, приявша скиптръ желѣзный,
Для непрестанныхъ мукъ проникла въ вѣчны бездны; —
Ты узришь тамъ примѣръ ужасной для Царей,
И въ жизни избѣжишь отъ пагубныхъ сѣтей.
Потомъ, явлю тебѣ для праведныхъ награды:
Сіе дозволилъ Богъ. Иди—намъ нѣтъ преграды.
Онъ рекъ, коснулся въ одръ, и я возсталъ отъ сна;
Душа моя была небесныхъ благъ полна.
Предшествующій мнѣ по воздуху зарями,
Уже меня вознесъ надъ льдистыми морями,
Ужъ ребра сѣверны, гдѣ царствуетъ борей,
Въ туманы улеглись и скрылись отъ очей;
Уже минули мы тѣхъ длинныхъ горъ вершины,
Которы къ облакамъ возникли изъ пучины:
Тамъ бурный вихрь реветъ, завившися съ пескомъ,
И градъ біетъ въ главу, покрыту вѣчнымъ льдомъ;
Тамъ въ шествіи своемъ потоки замерзаютъ,
И твердымъ кристалемъ повиснувъ съ горъ блистаютъ.
Преданія гласятъ изчезнувшихъ временъ,
Что будто въ горы тѣ Атлантъ преобращенъ.
Оставивъ острану Италіи народы,
Гдѣ царствуютъ съ весной всѣ ужасы природы,
Сколь многи зрѣли мы развалины градовъ,
Загладить что не могъ и цѣлый кругъ вѣковъ!
Уже достигли вратъ клокощущаго ада,
Гдѣ праги облежатъ Геенски грозны чада;
Дикообразный сонмъ чудовищь гнусныхъ, злыхъ,
Рожденныхъ на бѣды для жителей земныхъ:
Тамъ зависть, дыщуща свирѣпствомъ и хулами,
Пьетъ собственную желчь и мучится мечтами;

На блескъ геройскихъ дѣлъ бросая мрачный взглядъ,
Изъ челюстей своихъ дождитъ на лавры ядъ.
Тамъ гордость, мать войны, исполненная злобы;
Престолы вкругъ ея, развалины и гробы.
Тамъ лесть, держащая оковы для Царей,
Во взорахъ кажетъ рай, но адъ въ душѣ у ней.
Всепагубна вражда, увитая зміями,
Грызетъ своихъ Ехиднъ шипящихъ межъ зубами.
Тамъ мщеніе сѣдитъ, опершись на раздоръ,
И на сраженныхъ имъ веселый мещетъ взоръ;
Въ десницѣ держитъ сталь, видъ страшный смертна жала,
Багровѣетъ на немъ кровь каплюща съ кинжала;
Но, о ужасный рокъ! въ тѣжъ самые часы
Раскаянье его терзаетъ вдругъ власы!
Предъ жертвами его повергнувъ съ воплемъ долу,
Отъ вздоховъ толсту грудь біетъ объ землю голу;
Карая такъ его безъ отдыха разитъ,
И, удаляя смерть, лишь муки смертны длитъ.
Чудовищи, зря насъ, сомкнули бдящи очи,
И се, вступили мы въ жилище вѣчной ночи:
Изъ мрачныхъ тамъ пещеръ густой изходитъ дымъ
И заражаетъ міръ зловоніемъ своимъ.
Не смѣетъ сладкій сонъ смѣжать страдальцамъ вѣжды.
Всѣ бѣдства видны тамъ, лишь нѣтъ одной надѣжды.
Тамъ слышанъ клокотъ, ревъ, и тяжкихъ млатовъ стукъ,
Отзывный стонъ земли, заклетъ дрожащихъ звукъ;
Въ ущельяхъ безднъ шумятъ сражаясь вихри встрѣчны;
Адъ силится отверзть свои вертепы вѣчны,
Но, силой пригвожденъ всеправящихъ десницъ,
Не можетъ отворить мучилищныхъ темницъ.

Мы рѣемся въ передъ чрезъ тонкій путь и смрадный,
Гдѣ ужасъ кровь студитъ, гдѣ тѣни безотрадны.
Какое зрѣлище представилось очамъ!
Тамъ казнь равна для всѣхъ, различья нѣтъ Царямъ!
Монархъ ли то, иль рабъ, когда они тираны,
Подъ пламеннымъ бичемъ кровавы терпятъ раны;
Тѣ бѣдства, коихъ здѣсь содѣлались виной,
Испытываютъ всѣ во адѣ надъ собой.
Тѣ страждутъ паче всѣхъ, что царствы возмущали,
И смертію людей похвалъ себѣ искали.
Тамъ мучатся въ огнѣ Калигула, Неронъ,
Тамъ гордый Магометъ терзаетъ свой законъ;
Тамъ лютый Святополкъ, властитель дерзновенный,
Дымится братнею весь кровью обагренный;
Ни совѣсти упрекъ, ни сама грозна смерть,
Убійства не могли съ души злодѣйской стерть;
Напрасно ищетъ онъ Бориса тамъ и Глеба,
Его взялъ мрачный адъ, а тѣхъ селенья неба.
Тамъ Лжедимитрій мнѣ представился съ мечемъ,
Грызомый совѣстью, палимый вкругъ огнемъ;
Сей, бывъ рабомъ страстей, превыше ихъ казался,
Подъ видомъ кроткимъ въ немъ духъ злобный сокрывался;
Онъ долго повавлялъ смиреньемъ горду страсть,
И хитростью искалъ Самодержавну власть;
Во образѣ чернца къ Москвѣ перуны двигнулъ,
Сложилъ съ себя свой санъ, и Скипетра достигнулъ;
Злодѣйствомъ утвердилъ, чрезъ ковъ стяжанный тронъ,
И церковь западну хотѣлъ воздвигнуть онъ;
Попранны были имъ и дружба и природа;
Лилась невинна кровь подвластнаго народа;

Краса полночныхъ странъ въ мракъ скорьби облеклась;
Минувшихъ слава лѣтъ въ забвеньи погреблась.
Творецъ долготерпя, подвигся къ мести гнѣвомъ,
И должну казнь рабу изрекъ въ судѣ Царевомъ;
Палъ гордый съ высоты, и, яко дымъ, изчезъ.
О лютая напасть! о страшной судъ небесъ!
Подъ сводомъ въ два ряда, гдѣ камни раскаленны,
Страдальцы зрѣлись намъ отъ муки утомленны:
Клятвопреступники, поправши долгъ и честь,
Отъ правосудныхъ рукъ достойну терпятъ месть:
Предатели Царей, рушители законовъ,
Льстецы, виновники паденья пышныхъ троновъ;
Любостяжатели, гонители сиротъ,
И развращеніе вносящіе въ народъ;
Родителямъ своимъ сыны неблагодарны,
Вельможи злобные и судіи коварны;
Убійцы, хищники, зловредные лжецы,
Богохулители, различныхъ бѣдъ творцы,
Прелюбодѣйчищь родъ, непостоянны други,
Жестокіе мужья, невѣрныя супруги.
Иной, къ разженному прикованъ колесу,
Вертясь, пускаетъ вопль и страждетъ на вѣсу;
Другому грудь обсѣвъ и чрево хищны враны,
Клюютъ кроваву плоть внутри глубокой раны;
Отъ печени куски отторгнувъ алчность жретъ,
И печень среди мукъ для казни вновь растетъ;
Инаго подавить грозитъ гора дрожаща,
Клокочетъ въ ней и ржетъ съ смолою мѣдь кипяща;
Сей стонетъ на кострѣ ревущаго огня,
По камнямъ тотъ влачимъ отъ бурнаго коня.

Тамъ каждый съ воплемъ смерть на помощь призываетъ,
Но смерть, ругаясь имъ, со смѣхомъ отбѣгаетъ.
Вотще пощады ждутъ ихъ слезныя мольбы,
Не могутъ умягчить разгнѣванной судьбы;
Сколь грѣхъ ихъ былъ великъ, отмщенье столь же грозно,
И ужъ раскаянье по смерти грѣшныхъ поздно!
Чѣмъ дальше мы неслись, тѣмъ больше зрѣли мукъ,
И безпрестанный стонъ и вопли били въ слухъ.
Познавъ жилище бѣдъ, для твари столь преступной
Созданное на казнь десницей правосудной,
Мы съ Княземъ вышли вонъ. Тогда сквозь темныхъ тучь
Съ небесной высоты блеснулъ денницы лучь.
Я чувствовалъ еще великое мученье,
И внутрь души понесъ глубоко впечатлѣнье.
О сонъ исполненный божественныхъ чудесъ!
О жалкій смертныхъ родъ, достойный горькихъ слезъ!
Я въ горести вскричалъ; не тщетноль мы родимся?
И чѣмъ нещастные толико въ жизни льстимся?
Тогда мнѣ АЛЕКСАНДРЪ со гнѣвомъ тако рекъ:
Мой сынъ, не тщетно въ міръ родится человѣкъ:
И естьли страждемъ мы, гонимые судьбою,
Не наша жизнь тому, дѣла однѣ виною.
Съ симъ словомъ какъ перунъ эфира по зыбямъ,
Со АЛЕКСАНДРОМЪ мы взпарили къ небесамъ;
Изчезъ отъ зрѣнья долъ, и се, сквозь круги рдяны
Открылися лучей безмѣрны Океаны;
Безчисленныхъ міровъ обнять не можетъ взглядъ:
О сколь чудесенъ видъ пылающихъ громадъ!
Всѣ движутся они законамъ подчиненны;
Не меркнетъ вѣчный огнь Творца рукой возженный;

Единожды онъ рекъ: изъ тьмы да будетъ свѣтъ:
Воздвиглись тмы свѣтилъ, и въ нихъ премены нѣтъ.
Тамъ время на крылахъ въ обширности лазурной
Вселенныя вокругъ полетъ свершаетъ бурной;
Надъ солнцами престолъ предвѣчнаго взнесенъ,
И въ свѣтѣ, какъ въ моряхъ бездонныхъ, погруженъ;
Оттоль ужасный судъ изходитъ на творенье;
Непостижимое всѣмъ правитъ мановенье.
Тамъ вѣчность, мать временъ, съ нахмуреннымъ челомъ,
Стоитъ передъ своимъ невидимымъ Творцомъ;
Во книгу углубясь, грядущее читаетъ,
И изъ листовъ число минувшихъ лѣтъ сдуваетъ:
Она приводитъ симъ въ забвенье кругъ вѣковъ,
Начало кроя тьмой созданія міровъ.
Я таинственнымъ вдругъ восторгомъ взпламененный,
Величествомъ Творца и славой пораженный,
Предъ Княземъ возопилъ: возможно ль, чтобъ сей Богъ
О щастіи пещись ничтожной твари могъ?
Чтобъ вопли смертнаго отъ бѣдственнаго дола
Достигли къ высотѣ превѣчнаго престола?
Не случай ли слѣпый чредитъ дѣла людей,
Всѣхъ равно ихъ творя игралищемъ страстей?
Едва я кончилъ рѣчь, горящи круги звѣздны
Затрепетали вдругъ, и возкипѣли бѣздны;
Подвигнулъ небеса глаголами Творецъ,
И громы раздались вселенной по конецъ;
Безчисленны міры и каждое свѣтило
Гласъ Божій въ высотѣ трепеща повторило:
Спрашись, о смертный ты, о Богѣ разсуждать!
Люби его, когда не можешь постигать!

Ничтожность чти свою безсмертія залогомъ,
Не мудрствуй и смири кичливый духъ предъ Богомъ.
Умолкнулъ гласъ и мы сквозь блещущій Эфиръ
Внезапно пренеслись въ иной со Княземъ міръ.
Въ лавровыхъ тамъ вѣнцахъ, средь радугъ позлащенныхъ,
Сіялъ героевъ ликъ на олтаряхъ священныхъ;
Героевъ, коимъ въ честь курится горній дымъ,
Кѣмъ въ славу облеклись и Греція и Римъ.
Взирая съ небеси на долъ земный, Содѣтель
Цѣнитъ въ сердцахъ людей едину добродѣтель.
Кто другомъ ближнихъ былъ, невинность защищалъ,
Тотъ вѣру безъ грѣха въ душѣ своей питалъ.
Творецъ не терпитъ зла, караетъ преступленье,
Но всѣмъ прощаетъ онъ невинно заблужденье.
Во славѣ зрѣлся тамъ Россійскихъ сонмъ Князей,
Что множествомъ щедротъ и вѣрою своей
Достигли тѣхъ жилищъ, небесной той отрады,
По смерти гдѣ благимъ готовятся награды.
Возносится, какъ кедръ Ливанскій на горахъ,
Безтрепетный герой, великій Мономахъ;
Онъ въ дружбѣ вѣренъ былъ, неутомимъ войною,
Но больше славенъ тѣмъ, что властвовалъ собою.
Владиміръ бы свой вѣкъ покрылъ забвенья тьмой,
Когдабъ не озарилъ духъ вѣрою святой;
Христова церковь здѣсь гласитъ его творенье;
Ему одолжена Россія за спасенье;
И крестъ, которой былъ Андреемъ водруженъ,
Владиміромъ подъятъ, прославленъ, утвержденъ.
Тамъ виденъ Іоаннъ, полночныхъ странъ властитель,
Орды ужасный бичь, Казани разрушитель;

Еще онъ обращалъ къ востоку грозный взглядъ,
Гдѣ прежде приводилъ во трепетъ самый адъ.
Другій сіялъ съ нимъ мужъ, увѣнчанный лучами,
Взирающій на долъ печальными очами.
Что чувствуешь, мой сынъ, при славномъ видѣ семъ,
Мой вождь меня спросилъ съ осклабленнымъ лицемъ?
Се есть родитель твой, герой, законодатель,
Полночныя страны кротчайшій обладатель;
Онъ дерзость обуздалъ премудростью своей,
И страшенъ и по днесь Сарматамъ Алексей;
Ты зришь его слѣды къ побѣдамъ проложенны:
Онъ рекъ, и я спѣшу въ объятія священны.
О лестная мечта! о скорбный сердцу часъ!
Внимаю отъ отца подобный грому гласъ:
Постой — и не дерзай касаться мнѣ рукою!
Поставленъ между насъ великъ предѣлъ судьбою:
Достигнешь наконецъ и ты селеній сихъ,
Но день еще далекъ возмездій толь благихъ.
Ты долженъ просвѣтить безчисленны народы
И образъ дать иной теченію природы;
Тобою хочетъ Богъ прославить чудеса,
И въ сѣверѣ явить полдневны небеса;
Россію узришь ты, тобой превознесенну,
Ужасную врагамъ, ученьемъ озаренну.
Но подвигамъ предѣлъ имѣетъ человѣкъ:
Мой сынъ, превратенъ твой и скоротеченъ вѣкъ.
Тобой начатый трудъ свершатъ твои потомки,
Которыхъ подвиги всегда пребудутъ громки.
Кротчайша изъ Царей, твоя любезна дщерь,
Отверзетъ для наукъ въ своихъ чертогахъ дверь;

Всѣхъ подданныхъ плѣнитъ щедротою своею,
И истинна владѣть на тронѣ будетъ съ нею;
Она возпламенитъ въ сердцахъ священный жаръ;
Ей первой принесутъ Россійски музы даръ.
Стремясь тебѣ во слѣдъ, покроетъ флотомъ воды,
И храбро побѣдитъ враждебные народы;
Низвергнетъ чернаго въ пареніи орла;
Не умолчитъ о ней въ потомствѣ похвала.
Но смерть, великихъ дѣлъ, ни лицъ не различаетъ:
Какъ хижины людей убогихъ посѣщаетъ,
Подобно такъ разитъ владѣтелей въ вѣнцахъ,
И тѣмъ равняетъ всѣхъ у Вышняго въ очахъ.
Увянетъ дщерь твоя среди торжествъ и славы;
Затмится прежній блескъ полночныя державы.
Въ какую пропасть бѣдъ Россія низпадетъ!
Сколь много по своей Царицѣ слезъ прольетъ!
Въ отчаяньи она простретъ на небо руки;
Умолкнетъ громъ побѣдъ и тамъ прервутъ науки;
Стонъ Россовъ повторятъ во безднахъ съ Бельтомъ понтъ.
Но ново солнце Богъ изведетъ на горизонтъ.
Изчезнетъ скорьби мракъ надъ Бельтовой пучиной;
Замѣнится ущербъ Второй Екатериной.
Премудрость и любовь возсядутъ съ ней на тронъ:
Жена, Монархамъ всѣмъ предпишетъ свой законъ.
Вселенну удивя геройскою душою,
Откроетъ Россамъ путь къ блаженству и покою;
Подъ звуками побѣдъ, при блескѣ славныхъ дѣлъ,
Разширится на югъ полночныхъ странъ орелъ.
Я зрю сквозь мракъ стихій предбудущее время —
Въ какомъ сіяньи ты, Славнороссско племя!

Ужъ Персъ въ твоихъ цѣпяхъ, надмѣнный Готфъ дрожитъ,
Поверженный Сарматъ у ногъ твоихъ лежитъ;
Предъ пламеннымъ орломъ, властителемъ полсвѣта,
Склоняется луна багрова Магомета.
Какая смѣсь добротъ! воитель каждый твой
Въ день мира гражданинъ, въ сраженіяхъ герой!
Тамъ царствами трясутъ его оружья звуки,
Онъ здѣсь вперяетъ умъ въ художества, науки;
Для музъ сооруженъ его раченьемъ храмъ:
И холстъ одушевленъ, и мраморъ дышетъ тамъ.
Вселенной широту умъ хитрый измѣряетъ,
Дробитъ лучи свѣтилъ и въ небесахъ читаетъ.
И ты, Гармонія владычица сердецъ,
Искуству поднесешь свой пальмовый вѣнецъ!
Гряди теперь, мой сынъ — ужъ гордые сосѣды
Готовы уступить тѣбѣ свои побѣды.
Будь къ ближнимъ милосердъ, къ себѣ же буди строгъ,
И вѣдай, что Царямъ всегда помощникъ Богъ.
Онъ рекъ; внезапно свѣтъ густой покрылся мглою
И съ шумомъ райска дверь сомкнулась предо мною.
По блѣднымъ облакамъ взходила въ міръ заря,
И ризу рдяную простерла на моря;
Уже востокъ отверзъ путь дневному свѣтилу,
Природа облеклась въ свою чудесну силу;
Возставши я съ одра, подвигнулся къ трудамъ:
Спѣшилъ теченье дать начатымъ мной дѣламъ.
Тутъ долженъ былъ Монархъ вѣщать о личной славѣ,
О вознесенной имъ побѣдами державѣ;
Но онъ, потупя взоръ, вздохнулъ, пресѣкъ свой гласъ,
И, мало опочивъ, онъ старцу въ тотъ же часъ

Повѣствовалъ вину опаснаго похода,
Набѣги страшные враждебнаго народа
И то, какъ рокъ его въ противый край пригналъ:
Герой окончилъ рѣчь, Ѳирсъ слезы отиралъ."

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Государь простираетъ свой походъ отъ Бѣлаго моря чрезъ Олонецъ къ осадѣ Шлиссельбурга и беретъ приступомъ оный.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Межь тѣмъ, когда Монархъ со старцемъ велъ бесѣду,
Достигъ правдивый слухъ къ строптивому сосѣду,
Что раздраженный ПЕТРЪ съ полками по водамъ
Не мѣдля прилетитъ къ Архангельскимъ брегамъ;
Молва его приходъ во звучны роги трубитъ,
И, сѣя страхъ, число Россійскихъ войскъ сугубитъ.
Свирѣпа Готфска рать, въ тмочисленныхъ рядахъ,
Съ стыдомъ пустилась въ бѣгъ на быстрыхъ корабляхъ.
Уже Россійскій флотъ, боря валы надмѣнны
И пѣною сѣдой устлавши понтъ червленный,
Пронесся безъ вреда межь твердыхъ двухъ мѣлей,
Возникнувшихъ изъ нѣдръ Нептуновыхъ зыбей:
Едина свой хребетъ ко сушѣ примыкала,
Другая отдѣлясь, видъ острова являла.

Сто лѣтъ предъ симъ, когда то мѣсто и кругомъ
Безъ доннымъ отъ пловцовъ слывущее жерломъ,
Завлекши корабли двумя глотало ртами
И засыпало ихъ песчаными буграми;
Тамъ нынѣ камышемъ поросшій виденъ брегъ:
Столь чудны въ естествѣ родитъ премѣны вѣкъ!
Уже Солнце за черту полуденну склонялось
И, сыпля въ понтъ лучи, съ верхами безднъ сливалось;
Отъ моря отдѣлясь сгущенною водой,
Крутится Ладога, пуская страшный вой;
Какъ мѣдь среди горнилъ клокочетъ въ косогорѣ,
Такъ волны въ ней ревутъ съ вѣтрами въ вѣчномъ спорѣ,
И, черну хлябь вертя, изъ всѣхъ напрягшись силъ,
Со дна подъемлютъ въ верхъ съ пескомъ кипящій илъ.
Тамъ мнится, будто рокъ, ко брани ополченный,
Являетъ въ страхъ пловцамъ развалинъ видъ плачевный;
Изверженны изъ волнъ отломки кораблей
И снасти плаваютъ со трупами людей.
Едва вступилъ нашъ флотъ въ грозящу хлябь бѣдою,
Угрюмый вдругъ борей покрывшій воздухъ тмою,
Подулъ, схватилъ суда—и съ свистомъ ихъ помчалъ —
На влажные бугры порывисто бросалъ.
Дрожанье шумныхъ райнъ, пискъ веселъ сокрушенныхъ
И множество пловцовъ, пучиной поглощенныхъ,
Поколебали духъ Великаго ПЕТРА.
Се валъ крутый летитъ, какъ тяжкая гора,
Чрезъ палубы блеснувъ, въ низъ хлынулъ раздробленной,
И весъ ПЕТРОВЪ корабль покрылъ кипящей пѣной:
Отъ ударенія закрѣпы потряслись
И котвы на верьвяхъ отъ гнѣздищъ сорвались.

Опасность придаетъ пловцамъ и жаръ и силы.
Едины ухвативъ летающи кормилы,
Не выпускали ихъ изъ ревностныхъ десницъ;
Другіе, веслы взявъ, всей крѣпостію мышцъ,
Борею вопреки, ревущему надъ флотомъ,
Въ два длинные ряда сугубымъ вдругъ оплотомъ
На греблѣ преплывать спѣшили глубину,
Котора корабли крутя влекла ко дну.
Одушевленные пловцы великимъ рвеньемъ,
Флотъ пхаютъ чрезъ жерло грозяще поглощеньемъ;
Ряды упругихъ веслъ отъ взмаховъ ихъ трещатъ
И, попирая хлябь, бьютъ волны и клубятъ.
Пловцы въ кротчайшу зыбь ревнуя ходъ простерти,
Изторгли корабли, избѣгли алчной смерти;
Воздвиглись парусы, спасенной флотъ летѣлъ
По влажной быстринѣ, какъ въ воздухѣ орелъ;
Вожждь флота, со преди подъ парусъ вѣтръ ловущій,
Всѣ омуты минулъ, суда съ свирпѣствомъ жрущи.
Съ негодованьемъ ПЕТРЪ на бездну ту взиралъ,
И въ мысляхъ положилъ великій трудъ—каналъ,
Которымъ бы Нева, вѣнчанна тростниками,
Со Волховымъ спряглась чистѣйшими струями,
И, одолѣвши тѣмъ всегда упорный рокъ,
Отверзла Россамъ путь на западъ и востокъ.
Открылся въ далекѣ покрытый брегъ туманомъ,
Какъ малая ладья, носима океаномъ;
Достигнувши къ нему представились предъ взоръ
Рудородительныхъ верхи Онѣжскихъ горъ,
Что внутрь своихъ пещеръ драгій металлъ скрываютъ,
И нѣсколько вѣковъ трудъ тщетно призываютъ;

Средь мрака ихъ блестятъ сокровищей лучи,
И сѣрные стремясь съ холмовъ шумятъ ключи.
О горы! рекъ герой, восторгомъ возхищенной,
Несите вашу дань для трепета вселенной;
Изъ вашихъ нѣдръ мои перуны возгремятъ:
Сей гласъ сопровождалъ надѣжды полный взглядъ.
Гдѣ Ладога съ Невой сліявшися крутится,
Тамъ башенъ высотой на устьѣ градъ гордится;
Стѣнами обложась и учащеньемъ рвовъ,
Пренебрегаетъ Бельтъ, ревъ бурь и громъ враговъ:
Въ глубокой древности, противнымъ въ наказанье,
Трудъ Россовъ положилъ сихъ башенъ основанье.
Набѣги Готфовъ онъ два вѣка отвращалъ,
И на брегахъ Невы кровавы лавры жалъ;
Но слабая рука Россіи утѣсненной
Повергла область ту предъ алчностью надмѣнной.
Въ нещастные тѣ дни, когда престольный градъ
Былъ кровью обагренъ своихъ любезныхъ чадъ;
Когда Россійскій тронъ Сарматы колебали,
И внутренни враги отечество терзали:
Полночныя страны средь страшныхъ мятежей,
Лишалися своихъ и правъ и областей;
Унывшій духъ гражданъ, боярскіе раздоры,
Разрушили въ конецъ отечества подпоры.
Творецъ судилъ ПЕТРУ избавить свой народъ
И славой превознесть издревле славный родъ.
Россійскимъ воинствомъ Орѣховецъ стѣсненный
И тучей громовой въ осадѣ устрашенный,
На отражающій приготовлялъ ударъ
Кипящую смолу, каменья, бревны, варъ.

Уже орлиные полки сторожевые
Заемлютъ предъ стѣной холмовъ верхи крутые;
Громады мѣдныхъ жерлъ взвозить на нихъ велятъ,
Чтобъ громы ихъ могли вредить удобнѣй градъ.
Средина предній строй оружьемъ подкрепляетъ,
А задня войска часть все тѣло замыкаетъ;
Ко осажденнымъ путь по сушѣ пресѣченъ;
Казалось что былъ Готфъ всей помощи лишенъ.
Предвидя близкій рокъ усердная Корела,
Ко граду на судахъ чрезъ бездны подоспѣла;
Оружье и припасъ внутрь стѣнъ своихъ внесла,
На время Готфска рать надеждой ожила.
Я духомъ зрю, какъ тамъ белѣя Невски волны
Скакали на брега веселыхъ знаковъ полны,
И, мнится, шумомъ ихъ они гласили тутъ,
Что скоро у ПЕТРА подъ властью потекутъ.
Внутрь града слышенъ вопль, тревога и стенанье,
Въ Россійскихъ же полкахъ глубокое молчанье.
Тутъ каждый примѣчалъ ближайшій къ славѣ путь,
И въ твердость облекалъ свою безстрашну грудь.
Всѣ къ пагубѣ враговъ изысканы причины;
Во множествѣ мужей являлся духъ единый;
Всѣ просятъ приступа, къ начальнику пришедъ,
Всѣ спорятъ лишь о томъ, кому идти впередъ,
Кому нести ударъ и огнь на стѣны прежде,
И повелѣнья ждутъ во страхѣ и надеждѣ.
„О честь Россійскихъ странъ! Голицынъ имъ вѣщалъ;
„Вашъ храбрый духъ мои желанья оправдалъ:
„О доблестный народъ! о кровь Славянъ геройска!
„Къ отечеству любовь, душа Россійска войска!

„О Готфъ, возтрепещи предъ сонмомъ воевъ сихъ!
„Возрадуйтесь отцы, имѣя чадъ такихъ!
„Не врагъ ужасенъ имъ, не смерти приближенье
„Смущаетъ храбрый духъ, но брани замѣдленье.
„При помощи Творца близь Ладожскихъ валовъ
„Потщимся увѣнчать успѣхомъ трудъ ПЕТРОВЪ;
„А естьли жъ намъ, друзья, назначено злымъ рокомъ
„За вѣру, за ПЕТРА въ сраженіи жестокомъ
„И всѣмъ подъ градомъ лечь ... завидна смерть сія!
„Потомство, славныхъ дѣлъ правдивый судія,
„Нашъ прахъ и въ мрачности могилъ не позабудетъ,
„И вѣчною трубой похвалъ геройскихъ будетъ.
„Когда не склонимъ мы упорный къ здачѣ градъ,
„Россійскіе сей часъ перуны заблестятъ."
Онъ рекъ, и въ градъ посла изъ храбрыхъ отправляетъ,
Пощаду отъ Царя гражданамъ предлагаетъ.
Внявъ вождь противныхъ силъ о здачѣ договоръ,
На Росскаго посла возвелъ свирѣпый взоръ:
Не яростному врагъ былъ преданъ чувствъ волненью,
Отважному сему дивился предложенью;
И тако возгласилъ къ отвѣту преклоненъ:
„Вождь Карловъ уступать градовъ не приученъ:
„Иль вы могли забыть о Нарвской неудачѣ?...
„Доколь не рушенъ градъ не быть отъ Готфовъ сдачѣ."
Скончалъ, и повелѣлъ вооружить гражданъ,
Чтобъ громы устремить не мѣдля въ Росскій станъ.
Уже оружій звукъ, раздавшися по граду,
Вливалъ въ грудь робкихъ страхъ, во храбрыхъ же отраду.
Терзаетъ горесть духъ отъ будущихъ премѣнъ;
Весь воздухъ полонъ сталъ рыданьемъ блѣдныхъ женъ.

Къ стѣнамъ спѣша стрѣлокъ, отличнѣйшій заслугой,
Прощается на вѣкъ съ любезною супругой;
Младенца на рукахъ съ печальной зря душой,
Которому онъ былъ рожденія виной,
Объемлетъ нѣжный плодъ, смягчая духъ суровый,
И вздохъ пустивъ летитъ стрѣльницъ на горды кровы;
Съ сестрою тако братъ въ отчаяньи своемъ
Прощалися и сынъ съ болѣзненнымъ отцемъ.

Старѣйшинъ мудрыхъ сонмъ, симъ видомъ пораженный,
Достигъ туда, гдѣ полкъ ко брани ополченный
Стоялъ и гдѣ вожди, составя длинный строй,
Хотѣли весть ряды готовые на бой.
Градоначальникъ самъ носясь предъ строемъ ратнымъ,
Духъ юношъ ободрялъ глаголствіемъ пріятнымъ.
Се изъ старѣйшинъ мужъ заслугой знаменитъ,
И чтимый отъ гражданъ предъ воинствомъ гласитъ:
„Хвалю, о Готфы! въ васъ сей жаръ героямъ сродный,
„Сей страстный славой духъ, сей подвигъ благородный;
„Перуны, что у васъ блистаютъ днесь въ рукахъ,
„Предвозвѣщаютъ намъ кровавой битвы страхъ.
„Въ побѣдѣ скорой я не могъ бы усумнится...
„Зря храбрость вашихъ душъ кто вамъ не удивится?
„Но прежде васъ молю, уважьте древность лѣтъ,
„И терпеливо мой потщитесь внять совѣтъ.
„Не робостію гласъ услышите внушенный:
„Покрытый сѣдиной, болѣзньми удрученный,
„Могу ль страшиться жизнь толь бѣдственну скончать?...
„О Готфы! ваша днесь вооруженна рать
„Встревоженныхъ гражданъ надеждой ободряетъ
„И зриму отъ очей опасность сокрываетъ: —

„Но быть не можетъ мой легко обмануть духъ.
„Уже достигъ сюда неложный съ Бельта слухъ,
„Что явится нашъ врагъ со флотомъ подъ стѣнами;
„Съ другія же страны объяты мы полками.
„Чѣмъ льститесь отвратить отсѣль Россійскій флотъ?
„Какой поставимъ мы въ волнахъ врагамъ оплотъ?
„Всѣ наши корабли, во пристаняхъ забвенны,
„Удобныль защитить градъ Россомъ осажденный?
„Для стона вашихъ женъ и собственныхъ дѣтей,
„Мы молимъ васъ на брань не извлекать мечей;
„Когда нѣтъ средствъ сразить Россійско ополченье,
„Въ условіяхъ съ врагомъ найдемъ свое спасенье."
Со тщаніемъ весь сонмъ словамъ его внималъ,
И истину рѣчей молчаньемъ одобрялъ.
Нещастій и торжествъ ужъ вѣстница крылата
О сдачѣ договоръ гласитъ по стогнамъ града.
Внявъ мирну вѣсть раздоръ, рушитель тишины,
Изъ ада вывелъ въ градъ чудовище войны;
Вражда геенны дщерь, зіяюща зміями,
Свой пламенникъ трясетъ кровавыми руками;
Приявши на себя оруженосца видъ,
Котораго весь градъ въ почтеніи хранитъ,
Съ поспѣшностью предъ сонмъ колеблемый предстала,
И изъ тлетворныхъ устъ, воителямъ вѣщала:
„Какой для будущихъ потомковъ будетъ стыдъ,
„Когда за робость насъ вселенна обвинитъ!
„Гдѣ мужества плоды, гдѣ славныя побѣды?
„Иль съ Карломъ лишь однимъ непобѣдимы Шведы?
„Или забыли днесь, что тѣжъ и нынѣ вы,
„Что лаврами свои украсили главы?

„Карлъ съ горстію людей безчисленныя силы
„Преодолѣлъ, сразилъ и заключилъ въ могилы.
„Давно ль сей огнь въ сердцахъ безтрепетныхъ потухъ?
„И мужи кажутъ намъ женоподобный духъ!
„Колеблетесь теперь, смягченные слезами
„И собранныхъ гражданъ коварными рѣчами,
„Которыхъ лишь страшитъ едино слово: брань:
„Для нихъ равно платить ПЕТРУ, иль Карлу дань;
„Но вамъ, защитникамъ отечества и трона,
„Опричь однѣхъ побѣдъ, инаго нѣтъ закона.
„Дерзайте преклонить колѣни предъ врагомъ,
„Когда ужасенъ вамъ кровавыхъ браней громъ,
„Отдайте лавры имъ снисканны вашей кровью,
„И замѣните ихъ гражданской къ вамъ любовью;
„Сложите мечь, ружье, и возвратитесь вспять,
„Оставте ихъ мужамъ съ врагами воевать,
„Оставте имъ корысть, достойную героевъ,
„И видомъ вашимъ ихъ не возмущайте строевъ.
„Нося въ своихъ рукахъ кровавый съ лавромъ мечь,
„Въ храмъ славы пусть они стремятся бодро течь,
„А вы, одушевясь воинственнымъ ихъ жаромъ;
„Коль кто обогащенъ изъ васъ винійства даромъ,
„Да тотъ составитъ пѣснь великимъ въ честь мужамъ,
„И славитъ подвигъ тотъ, лишилъ себя что самъ.
„Не стыдъ ли вамъ уста запечатлѣлъ молчаньемъ?
„Отвѣтствуете мнѣ единымъ воздыханьемъ.
„Склонили долу взоръ, страшась возвысить гласъ,
„Какъ будто мужа нѣтъ достойнаго изъ васъ?
„Какъ будто вамъ дѣла геройски незнакомы,
„И не сражали силъ враждебныхъ ваши громы?

„Иль слава не была священна вамъ въ бояхъ,
„И съ смертью не леталъ съ перуновъ вашихъ страхъ?
„Не робость, нѣтъ, но гнѣвъ вашъ взоръ изображаетъ,
„Предтеча славныхъ дѣлъ, въ сердцахъ у васъ пылаетъ,
„Не стыдъ къ молчанью духъ похвальному влечетъ,
„Въ сомнѣньи, дать ли мнѣ на смѣлу рѣчь отвѣтъ,
„Иль справедливымъ мстить за дерзость мнѣ презрѣньемъ.
„О Готфы! я вашъ другъ, одушевленный рвеньемъ,
„Любовью къ истинѣ, къ отечеству и къ вамъ.
„Простите сей любви, и многихъ лѣтъ трудамъ.
„Уже предвижу я, что всякъ изъ васъ средь боя
„Приялъ достойну мзду Стокгольмскаго героя,
„И, лаврами гордясь, спѣшитъ обратно въ градъ
„Съ веселіемъ обнять жену свою и чадъ.
Едва прервался гласъ Геенной изпущенный,
Какъ вдругъ всѣ воины, враждой возпламененны,
Клянутся надъ мечьми отеческой страной,
Дотоль неоставлять кровопролитный бой,
Доколь не истребятъ враговъ во гнѣвѣ яромъ;
И ринулись къ стѣнамъ съ рѣшительнымъ ударомъ.
Явилась алчна смерть, взревѣла, поднялась,
И страшный серпъ взмахнувъ надъ войскомъ понеслась.
Голицынъ отъ враговъ отказъ угрозный внемлетъ,
И кровью ихъ отмстить за дерзость предприемлетъ:
Усугубляя громъ на ополченный градъ,
Придвигнуть повелѣлъ въ мѣди сокрытый адъ.
Межъ тѣмъ, Монархъ спѣша по верхъ кипящей пѣны,
Изъ закрутыхъ валовъ взиралъ на градски стѣны,
И видя, что еще ихъ огнь не освѣщалъ,
На мѣдленность полковъ своихъ взнегодовалъ.

Тутъ будто согласясь вѣтръ съ Царскою душою,
Завывши вдругъ помчалъ флотъ съ вящшей быстротою,
Чтобъ къ пристани его поставить не косня.
„Такъ, Россы, рекъ Монархъ, на помощь ждутъ меня.
„Сомнѣнья нѣтъ, судьбы побѣду отлагаютъ,
„И разрушенье стѣнъ сихъ мнѣ предоставляютъ.
„Настало время намъ взять грудью тѣ страны,
„Что помощью измѣнъ отъ насъ похищены,
„И древній стыдъ врагомъ Россіи нанесенной
„Кровавымъ токомъ смыть передъ лицемъ вселенной.
„Пускай надмѣнный Карлъ во дерзости своей
„Колеблетъ тронами полуденныхъ Царей,
„И, собственными ихъ страстями побѣжденныхъ,
„Заставитъ чтить законъ свой въ царствахъ устрашенныхъ:
„Несыщетъ Дарія сей Александръ во мнѣ:
„Не роскошь, дружный бой найдетъ въ моей странѣ;
„Не множество Князей враждебныхъ межъ собою,
„Но тѣло, правимо единою главою.
Глаголя тако, ПЕТРЪ возвелъ свой быстрый взглядъ
На памятники дѣлъ полночныхъ славныхъ чадъ.
Отъ града виденъ мысъ въ межмѣстьи не далекомъ,
Который вдавшись въ Бельтъ, передъ минувшимъ вѣкомъ,
Какъ общая молва гласитъ своей трубой,
Былъ полемъ частыхъ битвъ надъ зыбію морской;
Гдѣ Россы въ ладіяхъ подъ звуками кимваловъ,
Безстрашно воевать ходили на Вандаловъ.
Прибрежіе по днесь пловущихъ для очей
Являетъ страшный холмъ бѣлѣющихъ костей.
О вы! почіющи надъ шумными волнами,
Достойно чтимые отечества сынами!

Которыхъ тлѣнный прахъ могилы мракъ не скрылъ,
Остатокъ вашъ никто слезами не почтилъ!
Избывъ житейскихъ мукъ вы истинно блаженны!
Въ селеньяхъ райскихъ духъ вашъ свѣтомъ озаренный
Да радуется днесь, зря близку казнь враговъ:
Вамъ должну мзду воздастъ великій трудъ ПЕТРОВЪ.
Уже свой быстрый бѣгъ Россійскій флотъ кончаетъ
И смѣжный съ градомъ мысъ за тыломъ оставляетъ.
Враги съ высотъ стрѣльницъ ужъ видятъ не вдали,
Что съ моря вихрь несетъ къ нимъ Росски корабли;
Страхъ хладный пробѣжалъ по ихъ дрожащимъ членамъ.
Вражда бодритъ сердца преклонные къ премѣнамъ.
Летятъ перуны съ стѣнъ на флотъ и на поля,
Покрылась пламенемъ подъ крѣпостью земля!
Но ПЕТРЪ на берегахъ, въ побѣдѣ Россъ увѣренъ.
Голицынымъ во градъ былъ каждый шагъ измѣренъ,
На каждомъ приступѣ готова смерть врагамъ.
ПЕТРЪ войску повелѣлъ приближиться ко рвамъ;
Начальство среднихъ силъ Голицыну ввѣряетъ,
А самъ отъ береговъ на городъ наступаетъ. (5
Уже съ обѣихъ странъ разженна мѣдь реветъ,
Съ огнемъ рыгая смерть, желѣзны болты рветъ;
Покрылся тмою свѣтъ, дробятся съ трескомъ стѣны,
Трепещутъ на пескѣ свинцомъ раздранны члены;
Пущенныхъ клокотъ бомбъ усугубляетъ страхъ,
И громы раздались на днѣ во глубинахъ.
Отчаянье и смерть сопутственники брани
Всерушащей войнѣ свои приносятъ дани.
Перуны Росскіе и блещутъ и разятъ,
Внутрь града гибель, стонъ, внѣ стѣнъ зіяетъ адъ.

Смягченные враги женъ плачущихъ мольбою,
Прибѣгли наконецъ къ Россійскому Герою.
Чрезъ знакъ прервать пальбу склонили духъ вождя;
И, блѣдный женскій полъ изъ града изведя,
Пощаду имъ съ дѣтьми, свободный выпускъ просятъ,
Дрожащи длани въ верхъ передъ ПЕТРОМЪ возносятъ,
Вѣщаютъ: „простирай ты гнѣвъ свой на мужей,
„Женъ слабыхъ и ихъ чадъ невинныхъ пожалѣй.
Герой моленье внялъ, еще весъ гнѣва полный;
Вздымали грудь его ужасны мщенья волны.
Какъ понтъ, который бурь свирѣпость одолѣвъ,
И утихаючи еще пускаетъ ревъ:
Онъ взоръ свой возведя на Готфовъ устрашенныхъ,
„Сказалъ:„ у Россовъ нѣтъ сердецъ ожесточенныхъ:
„Съ мужьями вашихъ женъ отнюдь не разлучатъ:
„Коль хощете спастись, безъ бою сдайте градъ;
„Иль, робость побѣдивъ, сражайтесь съ Россомъ смѣло.
Съ отвѣтомъ симъ сто жерлъ чугунныхъ загремѣло.
Поколебалися и долъ и дальній лѣсъ;
Свистъ ядръ и ревъ махинъ пронзаютъ сводъ небесъ;
Дымятся почернѣвъ поверхности высоки,
И воютъ берега и пропасти глубоки.
Трясеніе земли, звукъ мѣди, смерть враговъ,
Даютъ противнымъ знать великій гнѣвъ ПЕТРОВЪ.
Отъ мыса появясь суда на помощь граду,
Стоящимъ на брегахъ полкамъ творятъ осаду;
Смертельнымъ зеліемъ Россіянъ въ тылъ разятъ;
Весъ воздухъ съ быстриной ихъ пламенемъ объятъ;
Они грозятъ брегамъ, селитрой освѣщеннымъ;
Встрѣчается ихъ громъ со громомъ въ градъ пущеннымъ,

Тутъ сила Росская на мѣлкихъ ладіяхъ
Помчалась на враговъ съ перунами въ рукахъ;
Каленыхъ тучу ядръ на нихъ она пустила
И многія суда въ пучинѣ потопила;
Другія возпылавъ неслися по волнамъ,
И превратились всѣ въ горящій гробъ врагамъ.
Дружина среднихъ войскъ, презрѣвши рокъ жестокій,
Переплывая рвы, спѣшитъ на валъ высокій,
И, лѣствицы къ стѣнамъ приставя въ верхъ течетъ.
Сей храбрости примѣръ начальникъ самъ даетъ:
Голицынъ въ верхъ зубцовъ едва не досягаетъ,
Но краткость лѣствицъ въ томъ геройству измѣняетъ.
Тутъ Карповъ, храбрый вождь преображенскихъ силъ,
Свинцомъ пронзенный въ грудь, духъ съ кровью изпустилъ.
На предводителя падетъ бревно разженно, (6
Свирѣпымъ зеліемъ искусно начиненно;
Голицынъ уязвленъ, упалъ—и сопостатъ
На Россовъ вержетъ въ низъ и варъ и камней градъ.
Рать наша овладѣть стѣнами покушалась,
И трижды отъ стрѣльницъ съ урономъ возвращалась.
Съ прискорбіемъ Монархъ съ бреговъ сквозь пламень зритъ,
Что городъ одолѣть упорный рокъ претитъ,
Что пагубно для насъ враговъ раженье встрѣчно;
Голицыну вѣщалъ, болѣзнуя сердечно:
„Почто подъ градомъ намъ вотще губить людей?
„Не узримъ мы конца кровавой брани сей,
„Доколь не учинимъ удачнѣй приступъ снова;
„Такъ требуетъ къ сынамъ своимъ любовь ПЕТРОВА.
„Да отступаютъ вспять; жизнь подданныхъ моихъ
„Дороже славы мнѣ и троновъ бѣдовыхъ.

„Въ тебѣ могу самомъ сотрудника лишиться.
„Не Гопфамъ должно намъ, но року покориться.
Возставъ Голицынъ рекъ: „не твой, а Божій я.
„Въ десницѣ у него и жизнь и смерть моя.
„Когда въ сей день врагамъ даруешь ты пощаду,
„Труднѣе будетъ намъ вторичный, приступъ къ граду
„Положимъ больше здѣсь въ бою удалыхъ главъ,
„И посмѣется Карлъ, о тратѣ сей узнавъ.
„Дозволь намъ, Государь, окончить трудъ начатый:
„Падутъ къ твоимъ ногамъ и градъ и сопостаты.
Зря мужество вождя, знакъ къ битвѣ подалъ ПЕТРЪ:
И се, какъ бурный вихрь, изшедъ изъ мрачныхъ нѣдръ,
Крутится и песокъ схвативъ несетъ грядами,
И сосны вырвавъ вонъ, ихъ ставитъ въ верхъ корнями:
Голицынъ двигнулся съ дружиной такъ къ стѣнамъ.
Отважность не даетъ зрѣть бѣдствія очамъ.
Герой на высоту по лѣствицамъ взлетаетъ,
И мужествомъ своимъ ихъ краткость дополняетъ.
Герой ужъ на зубцахъ; уже спустился въ градъ,
И храбрые полки во слѣдъ ему спѣшатъ.
По стогнамъ раздались оружья страшны звуки,
Низвергли тьмы враговъ побѣдны Россовъ руки.
Тогда багряный зракъ низвелъ въ пучину день,
И ризу по земли простерла черна тѣнь.
О сколько она нощь, свидѣтельница боевъ,
Сокрыла въ тмѣ своей дѣлъ Сѣверныхъ героевъ!
Горящихъ сданій огнь лишь взоры освѣщалъ,
И побѣжденныхъ вопль весь воздухъ наполнялъ.
Въ зажженномъ градѣ Россъ, какъ древле среди Трои
Разили сильну рать Ахейски храбры вои,

Багровитъ кровію припряжіе бойницъ.
Бѣжитъ дрожащій Готфъ отъ рушенныхъ стрѣльницъ.
Обставлены врата вкругъ стражею ПЕТРОВОЙ,
И площади вездѣ покрыты ратью новой.
Отчаянье уму на все дерзать велитъ:
Еще попранный врагъ себя надеждой льститъ:
Пробившися сквозь строй Россіянъ съединенныхъ,
Выходитъ за врата сонмъ Готфовъ разъяренныхъ.
Какъ волки изъ дубравъ, желанный видя ловъ,
На добычу острятъ ужасныхъ рядъ серповъ,
Несутъ отверзстый зевъ къ безтрепетному стаду,
Гдѣ пастыри, собой поставивъ имъ преграду,
Разятъ изъ пращей ихъ — и звѣри по полямъ
Кроваву плоть свою даютъ въ корысть орламъ:
Подобно лютый врагъ съ стремленіемъ усильнымъ,
Стыдяся уступить побѣду сопротивнымъ,
Со скрежетомъ зубнымъ Россіянъ колетъ, бьетъ.
Рѣшимость умереть силъ буйству придаетъ.
Смутился Россовъ духъ незапнымъ нападеньемъ;
Летятъ вожди дружинъ на Готфовъ съ ополченьемъ,
И, буйству положа не зыблемый оплотъ,
Сподвижниковъ зовутъ стоящихъ подлѣ водъ.
Пришли, разятъ враговъ изъ жерлъ пущеннымъ градомъ —
И се, легли на прахъ предлиннымъ жертвы рядомъ;
Другіе, брань ведя при взятыхъ Россомъ рвахъ,
Окончили свой вѣкъ на пламенныхъ штыкахъ.
Вездѣ Россійскій мечь ко здачѣ Готфовъ нудитъ,
Вездѣ Орлина рать побѣду славну трубитъ.
Къ спасенью средства всѣ врагу пресѣчены:
Отъ крѣпости ключи ПЕТРУ поднесены.

Уже изъ строя въ строй носился слухъ крылатый,
Что городъ покоренъ, враговъ знамены взяты.
Умолкъ гортаней ревъ, но долъ еще дрожалъ,
И глухо подъ землей гулъ громы отдавалъ.
Бодритъ восторгомъ духъ незапной видъ премѣны.
Ужъ вѣютъ на стѣнахъ Россійскія знамены.
Орелъ полнощныхъ странъ ко тучамъ возпарилъ,
И грозну власть свою надъ Бельтомъ возвѣстилъ.
Голицынъ, кончивъ бой, толико кратъ возженный,
Съ чела стирая потъ и, кровью обагренный,
Предсталъ къ Монарху онъ, и рекъ: „твой врагъ сраженъ!
„Отнынь да будетъ въ вѣкъ сей день благословенъ:
„Съ собой къ твоимъ стопамъ гербъ Шведскій повергаю, —
„И съ славною тебя побѣдой поздравляю.
Герой его обнявъ на грудѣ падшихъ вратъ,
Сказалъ: „тебѣ хвала принадлежитъ за градъ;
„Твоею храбростью, твоими здѣсь трудами
„Легли полки враговъ подъ швердыми стѣнами.
По семъ проходитъ градъ: о слѣдствіе войны!
Огромны зданья тамъ во прахъ обращены!
И видя близь стрѣльницъ, махины гдѣ ревѣли,
Что трупы Росскіе межъ Шведскими блѣднѣли,
Вздохнувши возгласилъ: „сложившіе главы,
„Сподобитесь вѣнцевъ въ селеньяхъ райскихъ вы!
„За вѣру, за Царя, кто въ брани палъ кровавой,
„Тотъ умеръ не совсѣмъ: жить вѣчно будетъ славой.
О пораженныхъ такъ Монархъ душой скорбѣлъ,
И маніемъ далъ знакъ къ сокрытью мертвыхъ тѣлъ.
Вездѣ плачевный видъ встрѣчаютъ смутны взоры:
Здѣсь башни безъ верховъ и труповъ видны горы,

Тамъ кучи бомбъ и ядръ наметанныхъ лежатъ:
Какое множество для гибели громадъ!
Ужасное къ властямъ алчбы изобрѣтенье!
Почто ты дало мечъ людей на пораженье?
Иль не довольно намъ въ семъ мірѣ кратокъ вѣкъ,
Чтобы еще войной былъ пожранъ человѣкъ?
Петръ видя Готфску рать оружія лишенну
И ревность взпомянувъ къ отечеству явленну,
Неустрашимость онъ въ врагахъ почтить хотѣлъ,
Съ военной честью имъ вонъ выступить велѣлъ.
Побѣды Росской въ знакъ рать Готфска чрезъ проломы,
Отверзли что въ стѣнахъ ПЕТРОМЪ пущенны громы,
При звукѣ бубновъ, трубъ, пространствомъ новыхъ вратъ
Съ потупленнымъ челомъ выходитъ вонъ за градъ;
Оружіе несетъ съ примкнутыми штыками
И распущенными по вѣтру знаменами.
Молва, крылатое изчадіе людей,
Сложенное изъ устъ, языковъ и очей,
Вездѣ вперяя слухъ, все внемлетъ, зритъ, вѣщаетъ,
И истиною свѣтъ и ложью наполняетъ;
Отъ шествія растетъ, и вдругъ, какъ исполинъ,
Касаясь облаковъ, лепчаетъ сверхъ пучинъ;
Молва пущая звукъ изъ тысящи гортаней
Двухъ сѣверныхъ державъ гласитъ судьбину браней.
Промчался по градамъ Россійской славы громъ:
Утѣшилась Москва, возтрепеталъ Стокгольмъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ ПѢСНИ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОДЕРЖАНІЕ.

По повелѣнію Государеву, подъ предводительствомъ Шереметева выступаетъ изъ Москвы Россійское войско для вспоможенія Августу II му; Самъ же Государь, для пресѣченія непріятельскихъ набѣговъ, на Финскомъ заливѣ полагаетъ основаніе С. Петербурга. — Построивъ тамъ крѣпость во имя святыхъ Апостолъ Петра и Павла, оставляетъ въ оной гарнизонъ, а Самъ съ нѣсколькими полками на мѣлкихъ судахъ входитъ въ Чудское озеро; пристаетъ къ берегамъ и дѣлаетъ высадку близъ Дерпта, который сдается ему на договоръ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О вы, что средь торжествъ Россіи возхищенной
Достигли славы въ храмъ Героямъ посвященной!
Недавно съ завистью дивился цѣлый свѣтъ,
Что вы чрезъ весь востокъ промчали громъ побѣдъ;
Примѣромъ древнихъ дѣлъ и щастьемъ ободренны,
Величествомъ души со предками сравненны,
Подобно, какъ они парѣніемъ орла,
Явили при ПЕТРѢ неслыханны дѣла,
И щастью вопреки, и злобѣ, и судьбинѣ,
Въ даръ царства принесли второй ЕКАТЕРИНѢ;
При АЛЕКСАНДРѢ такъ сотрите гордыхъ рогъ.
Что можетъ васъ препнуть, коль съ вами вѣра, Богъ?
Ужъ Готфъ склонилъ главу предъ вашими полками,
Трепещетъ Отоманъ Дуная за брегами;

И Галлъ, надмѣнный Галлъ въ кичливости своей,
Со страхомъ вашихъ чтитъ могущество Царей.
Побѣдоносный Карлъ на полнощь простирался, (7
И въ шествіи своемъ онъ лаврами вѣнчался.
Какъ шумный съ горъ крутыхъ свергается потокъ
И въ низъ съ собою мчитъ илъ мутный и песокъ,
На пажитяхъ кладетъ кремнистый хрящь буграми,
И класы повализъ спрягается съ морями:
Съ толикой быстротой въ Сарматскихъ областяхъ
Готфъ вѣси пустошилъ и грады рушилъ въ прахъ,
И, кровію рося вѣнцы свои лавровы,
Въ Саксонію пренесъ сраженья и оковы.
Нещастный Августъ былъ вездѣ врагомъ стѣсненъ:
Въ отечествѣ гонимъ, на полѣ побѣжденъ.
Уже престолъ его клонился къ разрушенью,
Назначенъ Станиславъ всей Польши къ управленью.
ПЕТРЪ съ Августомъ всегда священнымъ чтя союзъ
И дружественныхъ съ нимъ издавна твердость узъ,
Велѣлъ въ Москвѣ полкамъ, ко брани ополченнымъ,
Въ путь выступить съ вождемъ, въ сраженьяхъ отличеннымъ,
Чтобъ Россы, одолѣвъ въ походѣ тьмы препонъ,
Сарматскій поддержать не укоснили тронъ
И, ревностно его исполнивъ повеленье,
Пресѣкли быстрое враговъ къ Москвѣ стремленье.
О муза! опочи гласяща трудъ ПЕТРОВЪ,
И пренесись со мной отъ Ладожскихъ бреговъ
Въ прекрасныя мѣста, на тѣ луга зелены,
Куда бросаютъ тѣнь Кремлевски горды стѣны.
Съ высокаго холма воззрѣвъ на ратный строй
И на оружій блескъ среди пыли густой,

На разный видъ мужей, на ихъ различны свойства,
Одушевленныя однимъ огнемъ геройства,
Представь вселенной ты минувшихъ славу лѣтъ,
И храбрыхъ чадъ Москвы, рожденныхъ для побѣдъ.
Хилковъ, искусный вождь, на ближню взводитъ гору
Изъ древнихъ полкъ дворянъ Россійскихъ странъ подпору.
Отличнѣйшихъ стрѣлковъ Отрепьевъ былъ главой;
Онъ ходя по рядамъ бодритъ сердца на бой.
Френевъ, какъ гордый левъ, имѣя видъ суровый,
Неколебимый духъ, на всѣ бѣды готовый,
Который въ подвигѣ чѣмъ больше зритъ препонъ,
Тѣмъ вяще дерзновенъ и страшенъ въ брани онъ;
Поставленную въ рядъ зря тучу громовую,
Придвигнулъ онъ свою къ ней рать передовую;
На строй и на поля, на возвышенья горъ,
На златоверхій градъ бросалъ орлиный взоръ.
Микулинъ, велъ отрядъ изъ воиновъ избранныхъ,
Покрытыхъ сталію, и шлемами вѣнчанныхъ.
Сія ужасна рать близь Волги сложена,
Являлась межъ полковъ, какъ твердая стѣна.
Микулинъ, храбрый вождь, ужасный въ ратной сѣчи,
Поднявъ крутую грудь, широки кажетъ плечи;
Не устрашимъ въ бою и твердъ, какъ исполинъ,
Не дерзокъ, не свирѣпъ, и гнѣва властелинъ;
Не мечется къ врагамъ, назадъ не отступаетъ,
Пущенну смерть въ него самъ смертью отражаетъ,
Подобно, какъ утесъ, кремнистыхъ связей полнъ,
Стоитъ, не чувствуя біенья бурныхъ волнъ:
Не возмущался духъ его грядущимъ рокомъ,
Къ походу знака ждалъ въ молчаніи глубокомъ.

Со всадниками къ нимъ вождь Стрѣшневъ прилетѣлъ,
Онъ несся по полямъ, какъ дерзостный орелъ;
Крутился конь подъ нимъ и ржалъ, топоча ниву,
По вѣтрамъ распустивъ свою волнисту гриву.
Казалось, Стрѣшневъ былъ изъ мѣди изваянъ,
Доспѣхами гремящь внесъ вящшу бодрость въ станъ.
Изъ десяти дружинъ былъ каждый полкъ составленъ,
Надъ коимъ отъ ПЕТРА особый вождь поставленъ,
И каждый у себя въ начальствѣ изъ вождей,
Двѣ тысячи имѣлъ избраннѣйшихъ мужей,
Которы равнымъ всѣ къ Царю пылали рвеньемъ;
А Шереметевъ былъ главой надъ ополченьемъ.
Подобно, какъ перунъ, предъ войскомъ онъ леталъ,
Всѣхъ доблести вождей въ себѣ одномъ вмѣщалъ;
Возпламененный взоръ, и поступь въ немъ Геройска
Вниманіе влекли всего Россійска войска;
Къ отважности подавъ сподвижникамъ примѣръ,
Онъ громкимъ гласомъ рѣчь ко полчищамъ простеръ:
„О храбрые сыны! краса и честь героевъ!
„Ужасные врагамъ среди кровавыхъ боевъ!
„Издревле знаменитъ побѣдами вашъ родъ,
„Предъ коимъ трепеталъ сосѣдственный народъ.
„Не множествомъ полковъ, но ревностью пылая,
„Димитрій сокрушилъ кичливаго Мамая.
„Внимали славы звукъ и Невскія брега,
„Гдѣ храбрый АЛЕКСАНДРЪ стеръ сильнаго врага;
„По грозной брани тамъ въ знакъ Росскія побѣды,
„Оставили костры смердящихъ труповъ Шведы.
„Великій Іоаннъ, ведя съ ордою брань,
„Со царствомъ покорилъ подъ скипетръ свой Казань.

„Отцевъ геройскій духъ въ наслѣдье вы стяжали:
„Падутъ отъ насъ враги, какъ древле Россомъ пали.
„Со страхомъ Сѣверъ зрѣлъ близь Ладожскихъ валовъ
„Громъ мещуща ПЕТРА на дерзостныхъ враговъ.
„Вездѣ находимъ мы безсмертныхъ дѣлъ примѣры,
„Со именемъ Царя, святой подъ сѣнью вѣры.
„Что можетъ устрашить въ насъ храбрыя сердца?
„Для ищущихъ побѣдъ и райскаго вѣнца
„И даже сама смерть есть къ вѣчной славѣ двери.
„Да нерыдаютъ днесь отцы и ваши дщери;
„Но, въ радость облачась, составятъ свѣтлый ликъ,
„И въ пѣсняхъ вознесутъ, колико Россъ великъ!
„Что онъ идетъ спасать отечество любезно:
„Не скорби намъ друзья, но мужество полезно.
„И Сергій, пастырь душъ, съ высотъ на насъ воззря,
„Побѣдой надъ врагомъ возвеселитъ царя.
Все воинство вождю со тщаніемъ внимало,
Когда же онъ умолкъ, съ восторгомъ возплескало.
Благословляютъ всѣ грядущую судьбу,
И, шлемы снявъ съ себя, на небо шлютъ мольбу:
„О Боже! возвеличь и возпрославь Россію!
„Повергни предъ ПЕТРОМЪ враговъ надмѣнну выю!
„И мы, чтобъ возвратясь съ побѣдой въ отчій градъ,
„Увидѣли своихъ супругъ и милыхъ чадъ!
Скончали—и, главы покрывъ, въ уныньe впали;
Взирая на Москву изъ глубины вздыхали.
Съ отечествомъ тяжка разлука для сердецъ!
Не вѣдаютъ какой предписанъ имъ конецъ;
Но, лишь раздался громъ военною трубою,
Отъ праздности воззвавъ сердца геройски къ бою:

Изчезли скорьби вдругъ, явилась слава тамъ,
И указала путь къ безсмертію орламъ.
Какъ буря съ юга бѣгъ на полночь простираетъ,
Возхитя легкій листъ въ верхъ съ шумомъ завиваетъ,
Такъ двигнулись полки соединенны вдругъ:
Оружье раздалось пространныхъ мѣстъ вокругъ:
Поколебалися и горы, и долины
Подъ тяжестью, гдѣ шли Россійски исполины.
Поднявшись тучей пыль, простерлась надъ Москвой
И скрыла отъ очей долины, лѣсъ и строй;
Носилось лишь сквозь дебрь и воздуха дыханье,
Крутящихся коней въ дали глухое ржанье.
Отъ войска отдѣлясь вождь ревностный полковъ,
Долгъ сродникамъ воздать стремится въ домъ отцовъ:
Онъ рождшаго имѣлъ отъ древности согбенна,
Ждала его къ себѣ супруга огорченна.
Для нѣжныя души о сколь ужасенъ часъ!..
Ужъ мыслитъ сей герой ихъ зрѣть въ послѣдній разъ;
Онъ горесть своего отца воображаетъ,
И робкою стопой въ чертогъ къ нему вступаетъ.
Зря сына своего облекшагось на брань,
Отецъ къ нему простеръ свою дрожащу длань,
И съ твердостію рекъ: „о вождь готовый къ бою!
„Почто я не могу на брань идти съ тобою?
„Когда бы древность лѣтъ не истребила силъ,
„Я также какъ и ты себя бъ вооружилъ;
„Но возрастъ всякъ сужденъ имѣть свои забавы:
„Во младости и я искалъ воинской славы,
„Во древности жъ, когда мечемъ нельзя служить;
„Долгъ старца юношъ духъ совѣтомъ ободрить.

Съ симъ словомъ съемлетъ мечь въ возглавіи висящій,
Металломъ дорогимъ и камнями блестящій.
„Прими, гласитъ, сей даръ, который много лѣтъ
„Мнѣ прежде отверзалъ путь славный для побѣдъ;
„Сарматска кровь на немъ, есть знакъ неложной брани:
„Да Готфскою ее твои отмоютъ длани;
„Отъ дѣда получилъ я сей въ наслѣдье даръ,
„Съ которымъ грозенъ былъ врагамъ его ударъ;
„Къ нему жъ достигъ сей мечь щастливою судьбою,
„Тогда какъ Іоаннъ на Ордъ ходилъ войною;
„Рукой побѣдной врагъ на полѣ палъ сраженъ,
„Съ Ордынска Князя былъ доспѣхъ имъ совлеченъ.
Съ весельемъ вождь полковъ премудру старцу внемлетъ,
И отъ героя мечъ въ десницу возприемлетъ.
Такъ дарствовалъ отецъ, чѣмъ въ кратко время могъ,
Потомъ вручаетъ щитъ любви своей въ залогъ.
Сей щитъ изображалъ изъ мѣди изваянной,
Какъ палъ языческъ храмъ Владимиромъ попранной;
Чеканію на немъ и хитростной рѣзьбой
Представленъ былъ Зломиръ покрытый смертной мглой:
Зломиръ, коварный жрецъ, что, въ ярости безмѣрной,
Погански олтари багровилъ кровью черной.
Тамъ трупы Христіанъ закланные лежатъ,
Надъ тлѣнной плотью ихъ птицъ стаи брань творятъ;
Тамъ грознаго рѣзецъ изобразилъ Перуна,
Ни верженна съ высотъ во области Нептуна,
И осѣняющій Христову церковь перстъ,
Которымъ въ вѣчну жизнь путь праведнымъ отверзтъ.
Во свѣтломъ торжествѣ являлась наша вѣра,
И погруженна въ тьму языческа химера.

„Какъ знаменье, сей щитъ имѣя предъ собой,
„Мой сынъ, дражайшій сынъ, дерзай отважно въ бой!
„Хотя не нужно днесь щитовъ употребленье,
„Но въ скорбяхъ онъ тебѣ напомнитъ провидѣнье,
„Съ которымъ побѣдишь противныхъ крѣпость силъ.
Скончалъ, и сына онъ на брань благословилъ.
Приходитъ къ нимъ въ чертогъ вождя млада супруга,
Чтобъ видѣть своего защитника и друга.
Младенца, плодъ любви, держала на рукахъ,
И возгласила такъ въ прерывистыхъ словахъ:
„О свѣтъ моихъ очей! отрада жизни слезной!
„Куда отъ нашихъ глазъ спѣшишь, супругъ любезной?
„Ты оставляешь насъ въ нещастномъ сиротствѣ . . .
„Какія мнѣ грозятъ печали во вдовствѣ!
„Когда постигнетъ смерть тебя средь звучной славы,
„Научитъ сына кто защитой быть державы?
„Что слабая жена удобна сотворить?
„Научитъ лишь его съ собою слезы лить. . .
Къ супругу съ рѣчью сей въ объятья упадаетъ,
И нѣжною рукой героя обнимаетъ.
Казалось, что, спѣша духъ жалостью тронуть,
Младенецъ съ ней къ отцу главой приникъ на грудь;
Не знавъ, что скоро онъ лишится сей отрады,
Съ улыбкой на отца веселы мещетъ взгляды.
Невинный сына видъ, супруги скорбный гласъ,
Изторгъ потоки слезъ и духъ вождя потрясъ.
Онъ нѣжныя своей супруги въ утѣшенье,
Жмя къ персямъ съ сыномъ мать простеръ сіе рѣченье:
„О вѣрная жена! отринь душевный страхъ;
„Всѣхъ жребій на земли у вышняго въ рукахъ:

„Не можно вѣдать намъ грядущія судьбины;
„Постыдно мужу ждать во праздности кончины.
„Безславно умереть, доживъ власовъ сѣдыхъ,
„Есть обща смертныхъ часть; но тотъ, кто въ дняхъ младыхъ
„Отечеству служа, домъ, кровныхъ оставляетъ,
„И въ ратномъ полѣ смерть безъ ужаса встрѣчаетъ,
„Во вѣки будетъ жить въ позднѣйшихъ временахъ,
„Потомками его благословится прахъ.
„Такая славна смерть Россіи чадъ достойна.
„Готовься къ торжествамъ, и духомъ будь спокойна;
„Всевышняго рука, мнѣ въ брани твердый щитъ,
„Для щастья твоего супруга сохранитъ.
„Быть можетъ, возвращусь съ побѣдой въ здѣшни стѣны,
„Повергну предъ ПЕТРОМЪ противныхъ силъ знамены.
„Ты сей глаголъ внуши, и жди событія;
„Когда жь мою главу сложу во брани я,
„Младенца возрасти, вдохни въ него геройство,
„Природное сіе душамъ великимъ свойство,
„Тверди, что палъ его въ сраженіяхъ отецъ,
„И смертью приобрѣлъ безсмертія вѣнецъ.
„О Боже! сотвори, да отрокъ сей въ то время
„Подъиметъ на себя трудовъ похвальныхъ бремя,
„И, громку одержавъ побѣду надъ врагомъ,
„Пріидетъ въ домъ отцевъ со свѣтлымъ торжествомъ!
„Чтобъ въ славѣ зря его сподвижники, и други,
„Рекли: сей мужъ явилъ отечеству заслуги;
„И рождшая его, забывъ печаль свою,
„Взыграетъ радостью; внимая рѣчь сію!
Умолкъ; къ полкамъ летѣть пылаетъ въ немъ желанье.
Съ супругою творитъ послѣднее прощанье;

Качая на рукахъ младенца онъ лобзалъ,
И рождшую его надеждой ободрялъ.
Такъ Шереметевъ, бывъ подвигнутъ громкой славой,
Оставя отчій домъ, стремится въ бой кровавой.
Супруга въ слѣдъ за нимъ до тѣхъ взирала поръ,
Доколь его отъ глазъ не скрыли цѣпи горъ.
Какъ бурный вихрь, чрезъ степь въ дремучу дебрь стремился,
И съ храброй ратью онъ не мѣдля съединился.

Какой внезапно гласъ бодритъ и умъ и слухъ?
И звукъ небесныхъ лиръ восторгомъ полнитъ духъ?
Не се ли девять сестръ въ веселіи великомъ,
Торжественнымъ склонясь ко мнѣ взываютъ ликомъ?
Велятъ во слѣдъ ПЕТРУ подвигнуть Геликонъ,
И спѣшно премѣнить печальной лиры звонъ;
Идущу Росску рать до времени оставить,
И новыя дѣла ПЕТРОВЫ возпрославить?
Послушенъ имъ, беру я лиру вновь свою,
Касаюсь громкихъ струнъ и, что велятъ, пою.
О естьли бы глася о подвигахъ безсмертныхъ,
Неслыханныхъ досѣль, но днесь ПЕТРОМЪ свершенныхъ,
Со ревностью моей сравнилась мощь пера,
Достоинъ былъ бы трудъ Великаго ПЕТРА!
На Чудскихъ берегахъ лежала злость попранна;
Стоглава гидра та, на части бывъ раздранна,
Составы двигая, слагалась въ тѣло вновь,
И превращала въ ядъ свою пролиту кровь.
Разсѣянны толпы Вандаловъ побѣжденныхъ,
Оружіемъ ПЕТРА на время устрашенныхъ,
Съ обычной злобой имъ войну воздвигли вдругъ:
На Ладожскихъ валахъ раздался ратный звукъ,

Предшествуя своей отъ Росскихъ силъ кончинѣ.
Тамъ множество судовъ носясь въ сѣдой пучинѣ
Выводятъ изъ пещеръ на брегъ свои полки;
Покрыла грозна рать зыбучіе пески.
Три краты дерзскій врагъ съ незапнымъ нападеньемъ,
Ореховцу грозилъ бѣдой и разрушеньемъ;
И есть ли былъ ударъ здѣсь Россомъ отвращенъ,
Пылалъ военный огнь съ другой страны возженъ.
Смущала духъ ПЕТРОВЪ месть злобнаго народа;
Способствовала въ томъ врагамъ сама природа:
Озера, камыши, дремучіе лѣса,
Которы отъ очей скрываютъ небеса,
Безплодная земля, во мраморъ превращенна,
И длинными вокругъ горами обложенна.
Сія сурова мать внутри своихъ громадъ,
Подобно какъ сама, раждала твердыхъ чадъ.
Изъ каменныхъ пещеръ, гдѣ древъ густыхъ сплетенье,
Враги на Россіянъ творили нападенье,
И въ тѣ часы, когда незрѣлися никѣмъ,
На насъ бросали громъ съ пылающимъ огнемъ.
Чтобъ дерзость прекратить, простертую врагами,
ПЕТРЪ долженъ былъ пресѣчь сношенье ихъ съ водами
И неприступнымъ тотъ для нихъ содѣлать брегъ,
Который столько кратъ зрѣлъ буйственный набѣгъ.
Съ престола вѣчнаго, создавый круги звѣздны,
Творецъ, низвелъ свой взоръ въ ужасны Фински бездны;
И видя въ сей странѣ, лежащей средь зыбей,
Что споритъ вѣчно тамъ съ природою Борей;
Что полгода тягча поверхности крутыя,
Надъ Бѣлымомъ распустивъ власы свои сѣдыя,

Жестокая Зима тамъ съ скипетромъ сѣдитъ,
П превращаетъ долъ въ дикообразный видъ;
Тамъ лѣтомъ вся земля покрытая туманомъ
Какъ мѣль изъ твердыхъ скалъ лежитъ подъ океаномъ:
Судилъ во власть ПЕТРУ вручить сей дикій край,
И въ сѣверѣ открыть вторый эдемскій рай.
Уже горитъ въ душѣ Монаршеской желанье
Исполнить Вышняго Творца предначинанье;
Песчаныя поля трудами угобзить,
Гдѣбъ могъ съ весельемъ Россъ въ довольствѣ полномъ жить;
И чтобъ пресѣчь враговъ набѣги сильнымъ флотомъ,
И Чудскіе брега поставить имъ оплотомъ:
На устіяхъ Невы, гдѣ древностью временъ
Со Ладогою Бельтъ проливомъ раздѣленъ,
При сихъ водахъ герой воздвигнуть хочетъ стѣны;
Измѣриваетъ брегъ бѣлѣющій отъ пѣны.
Недоумѣющь, гдѣ назначить точно градъ,
Остановился вдругъ бывъ ужасомъ объятъ:
Возникъ изъ безднъ гигантъ величины чудесной —
Стопы его въ моряхъ, глава во поднебесной;
Носились бури вкругъ угрюмаго чела,
И на густыхъ бровяхъ висѣла черна мгла;
Его косматa грудь, какъ горы превысоки;
Съ брады сѣдой текли ревущи въ долъ потоки;
Крутыя ребра въ немъ огромныхъ камней рядъ.
Увѣнчанъ соснами простеръ на полночь взглядъ:
Грозилъ Монарху онъ на брань подвигнувъ бури.
Померкнулъ солнца свѣтъ и горней видъ лазури;
Свились туманы въ клубъ, завылъ ужасный вѣтръ,
Перуны потрясли тотъ брегъ, стоялъ гдѣ ПЕТРЪ,

И въ тучахъ извилась дуга огнебагряна.
„Не се ли грозный стражъ бездонна океана,
„Иль дикій островъ тотъ, виталище звѣрей,
„Гдѣ неприступный брегъ былъ ужасомъ людей?
Такъ ПЕТРЪ къ себѣ вѣщалъ; и се—какъ трубы многи,
Промчался страшный гласъ чрезъ влажные пороги:
„На мѣстѣ семъ тебѣ воздвигнуть должно градъ,
„И утвердить престолъ твоихъ грядущихъ чадъ;
„Но прежде побѣдить меня устройся къ бою,
„И мужество яви приличное герою.
„Изъиду я на брань; коль буду низложенъ,
„Возстану, процвѣту лучами озаренъ,
Чудовище рекло, и въ черны скрылось волны.
Свѣтъ солнца возсіялъ: Монархъ видѣньемъ полный,
Явленье ново зритъ грядущее за симъ:
На звѣздной высотѣ въ столпы сложенный дымъ,
Надъ Бельтомъ низпустясь, по брегу разстилался,
И каждый въ немъ предмѣтъ особо отдѣлялся.
Изъ множества частей составилась стѣна,
Какъ свѣтлымъ кристалемъ, водой обведена;
Зеленые древа, верхи склонивъ, стояли,
И длинну тѣнь свою на спящій Бельтъ бросали;
Тамъ гордыхъ башенъ видъ простертыхъ къ облакамъ,
Огромныхъ зданій блескъ, и флоты по морямъ;
Открылся наконецъ предъ взоры изумленны
Величественный градъ во славу облеченный:
Петрополь, въ видѣ томъ, какъ въ наши времена;
Предъ нимъ поверженъ левъ, въ затмѣніи луна.
Съ восторгомъ внемлетъ ПЕТРЪ всходящи въ воздухъ клики,
И пречисляетъ въ немъ вселенной всей языки.

„О Боже! онъ воззвалъ, ужели смертныхъ трудъ,
„И бренны руки ихъ громады тѣ взнесутъ?
„Я цѣлыхъ зрю вѣковъ рачительно творенье,
„Народовъ многихъ тамъ внимаю пѣснопѣнье;
„Въ потомство поздно родъ ихъ вѣтви распростеръ,
„И къ Богу шлетъ мольбы различностію вѣръ.
Онъ дальше знать хотѣлъ; но призракъ вдругъ затмился,
Смѣшался, изтончалъ, и въ воздухъ превратился.
Небесну власть ПЕТРУ являлъ сей дивный знакъ.
Монархъ вокругъ бреговъ возводитъ свѣтлый зракъ,
И бывшей тутъ при немъ дружинѣ устрашенной
Онъ тако возгласилъ: „друзья, Творецъ вселенной
„Симъ знаменьемъ зоветъ къ великимъ насъ трудамъ:
„Запремъ пути врагу по Ладожскимъ валамъ.
„Да будетъ здѣсь сей градъ, назначенный судьбою; (8
И въ землю водрузилъ онъ жезлъ своей рукою.
Мѣста, откуда къ намъ во станъ текли бѣды,
Пресвитеръ освятилъ кропленіемъ воды.
Тутъ первый камень ПЕТРЪ для зданья возлагаетъ,
И двуапостольный храмъ Богу начинаетъ.
Вкругъ пристани каналъ великой проведенъ;
Для огненныхъ махинъ видна окружность стѣнъ;
Отверстьемъ длинныхъ рвовъ Невы стремленье дивно
Зловонье въ Бельтъ несло для здравія противно.
Сглаждаются трудомъ кремнистыхъ горъ верхи;
Природа чувствуетъ власть сильныя руки.
Лучами процвѣло угрюмыхъ бурь жилище,
И звѣрь, лежавшій тамъ, оставилъ логовище.
Приятная весна льетъ въ воздухъ ароматъ;
Искуствомъ превращенъ былъ островъ въ юный садъ.

О какъ ты въ наши дни Петрополь премѣнился!
Какою славою и блескомъ ты покрылся!
Бывъ пристанью простой, главою сталъ градовъ,
Святилищемъ наукъ и ужасомъ враговъ!
Уже къ твоимъ брегамъ течетъ богатство міра,
И злато южныхъ странъ, и ткани древня Тира;
Къ тебѣ пространный путь чрезъ бездны отворенъ,
Ты общимъ градомъ сталъ торгующихъ племенъ.
Монархъ грядетъ почить съ дружиною избранныхъ,
На пестрыхъ гдѣ коврахъ, природою сотканныхъ,
Подъ сводами небесъ устроенъ сельскій пиръ,
Гдѣ зыбляся синѣлъ сквозь листвія эфиръ.
Цвѣты алѣли тамъ на зелени мѣдяной,
И рѣзвился зефиръ съ поверхностью багряной;
На верхъ крутыхъ холмовъ, возникшихъ изъ морей,
Горяще солнце блескъ свой сыпало съ лучей;
Тамъ воды изъ пещеръ, крутясь между скалами,
Съ ужаснымъ ревомъ въ низъ свергалися рѣками.
Природа чудная обворожала взоръ,
То цѣпію златыхъ, то вдругъ алмазныхъ горъ.
На дерновыхъ столахъ, гдѣ роскошь простиралась,
Прелестная весна зардѣвшись улыбалась;
Мѣшая бѣлизну со розами лилей,
Украсила столы роскошностью своей;
Съ боковъ бросала тѣнь кудрявая кранея,
И благовонный тисъ розросся зеленѣя;
Тамъ, изъ ущелинъ соснъ матерыхъ, вѣковыхъ,
Медъ капалъ отъ сотовъ въ стволы тростей златыхъ;
Румянѣли плоды сложенны въ многихъ грудахъ,
И нектаръ пламенный кипѣлъ въ златыхъ сосудахъ.

Едва отъ сладкихъ брашнъ пресытился весь сонмъ,
Герой приявъ потиръ, наполненный виномъ,
Гдѣ пѣною густой мутился нектаръ бѣлой,
И оной вознеся на верхъ рукою смѣлой,
Провозглаголалъ такъ: „да въ поздны времена,
„Какъ чаша отъ лозы здѣсь влажностью полна,
„Богъ славой Россіянъ превознесетъ подобно,
„И мира не смутитъ войною племя злобно.
Скончалъ, извлекъ вино; всѣ мужи тожъ творя,
Отъ мѣстъ возставши пьютъ за здравіе Царя.
По пиршествѣ Монархъ къ отпору безопасну
Твердыню довершилъ для зависти ужасну.
Ужъ мѣдь изъ звонкихъ жерлъ съ высокія скалы
Готова пламень свой изрыгнуть на валы.
На сушѣ и водахъ врагъ дерзкій зритъ препоны:
Встрѣчаетъ смерть, гдѣ онъ не чаялъ обороны.
Уже освобожденъ Ореховецъ отъ бѣдъ,
И тернами поросъ бродящихъ Готфовъ слѣдъ.
Изъ новыхъ пристаней суда вооруженны
Несутъ ко Дерпту громъ, боря валы надмѣнны.
На Чудскихъ берегахъ явилась Росска власть:
Трепещетъ гордый Готфъ, предчувствуя напасть.
Быстропарлща вѣсть вселенну наполняетъ,
Что грады новые ПЕТРЪ въ безднахъ воздвигаетъ,
Даетъ законъ морямъ, природы руша чинъ;
Что Ингерскихъ племенъ онъ нынѣ властелинъ.
Предъ Росскимъ кораблемъ лишь волны забѣлѣли,
Финдлянски берега отъ страха поблѣднѣли;
И дерзости дивясь ПЕТРОЫМЪ Бельтъ судамъ,
Смутился, заревѣлъ, поднялся къ небесамъ,

Наводитъ на чело глубокія морщины,
И мрачный бросивъ взоръ съ верховъ сѣдой пучины,
Напрягъ всю крѣпость мышцъ, подвигнулъ рамена —
Возтрепетала сушь, завыла глубина.
Отверзлось мрачно дно; сквозь ревъ отъ мачтъ высокихъ
Далеко слышенъ трескъ поверхъ пучинъ глубокихъ.
Съ ужасной злобой вдругъ свирѣпая вода
Объ каменную мѣль ударила суда;
Лежатъ кормами въ низъ, біенью волнъ открыты,
И трупы отдаетъ изрыгнувъ Бельтъ несытый;
Покрылась грудой тѣлъ прибрежная гора:
Послѣдню дань взяла природа отъ ПЕТРА.
О какъ скорбѣлъ Монархъ зря чадъ конецъ позорный!
И рекъ: „мы побѣдимъ терпѣньемъ рокъ упорный!
Со честью повелѣлъ тѣла землѣ предать
И къ подвигу другимъ ихъ должности занять.
Для скрѣпы кораблей рачительныя руки
Простерлися къ трудамъ: ужъ тяжкихъ млатовъ звуки
Въ пучинѣ раздались съ ударами сѣкиръ;
Зритъ новы чудеса, дивяся новый міръ.
Сей трудъ, что требовалъ теченья цѣла года,
Свершился въ десять дней отъ ревностна народа;
Воздвиглись корабли разбитыя средь водъ;
Способный вѣтръ зоветъ ко плаванію флотъ.
Уже крылатый Эвръ во предній парусъ дуетъ,
Уже Россійскій флотъ сѣды хребты волнуетъ;
Шумитъ пѣнистый валъ подъ быстрою кормой,
Изъ вида у пловцовъ сокрылся брегъ крутой.
Чрезъ цѣлу нощь неслись защитники Россіи
Съ перуномъ на враговъ средь грозныя стихіи.

Отверзла въ миръ врата багряная заря,
И солнце блескъ златой простерло на моря;
При возрожденіи прекрасныя денницы
Воздвигли громкій шумъ пернатыя станицы,
И, вынырнувъ на верхъ чудовищи со дна,
Нахмурясь, гдѣ кипитъ подъ флотомъ глубина,
Играя вкругъ судовъ, одинъ другаго давятъ,
Взвиваютъ волны ввыспрь, жемчужны горы ставятъ;
Самъ Царь ужасныхъ безднъ, возникнувъ надъ водой,
Тучь густость прогонялъ державной острогой,
Чтобъ вихри и огонь, родитъ что лѣтня нѣга,
Россійскимъ кораблямъ не препинали бѣга.
Покорствуя Царю бездонной глубины
Летѣли бури прочь въ дальнѣйшія страны;
И укрощенный Бельтъ, свирѣпствомъ прежде полный,
Предъ флотомъ разстилалъ, какъ ризу, гладки волны.
Споспѣшествуетъ все Россійскимъ мстить врагамъ.
Открылся въ далекѣ лѣсистый брегъ пловцамъ:
Изъ за крутыхъ бугровъ, стѣной обнявъ равнину,
Взиралъ спокойно градъ на черную пучину,
Къ которому отъ селъ съ благословенныхъ паствъ,
Довольствіе текло вина и тучныхъ яствъ;
На полночь близь бреговъ храмъ Богу сооруженный,
Простеръ до облаковъ верхъ гордый позлащенный,
Вокругъ его стоялъ древесъ тѣнистыхъ рядъ,
И въ знойны времена прохладу лилъ на градъ;
Гражданъ знатнѣйшихъ тамъ являлись пышны гробы,
Хранящи память ихъ временъ отъ лютой злобы;
Изъ мрамора блестятъ тамъ съ надписью златой
Созданны облики художника рукой.

Издревле въ міръ вошло сіе обыкновенье,
Отцамъ усопшимъ въ честь, потомству въ утѣшенье,
Чтобъ память ихъ предать грядущимъ времянамъ,
Животворять металлъ и страсть давать кремнямъ.
Трофеевъ пышныхъ видъ, сей знакъ кровавыхъ боевъ,
Ведя съ вѣками споръ, хранитъ дѣла героевъ.
Столь суетная честь достойна чадъ земныхъ,
Что мертвымъ воздаютъ для гордости живыхъ:
Изтлѣвшіе тѣла того не ощущаютъ,
Что памятникомъ ихъ потомки украшаютъ.
Чей въ жизни умъ паря касался небесамъ,
Плотоядущій червь въ главѣ гнездится тамъ,
И грудь, что на войнѣ странамъ была ограда,
Содѣлалась въ землѣ корыстью хищна гада.
Свирѣпый воя вихрь порывно межъ гробовъ,
Казалось спорилъ онъ съ остатками отцовъ,
И вдругъ удвоивъ мощь сугубымъ напряженьемъ,
Всѣ мраморы потрясъ и имъ грозилъ паденьемъ.
При жизни человѣкъ бывъ жертвой многихъ бѣдъ,
По смерти камнемъ ставъ еще войну ведетъ!

Присталъ ко сушѣ флотъ, покрылись войскомъ бреги.
Готфъ зритъ приходъ орловъ, не наглые набѣги;
Не хитростью въ расплохъ отверзстый къ граду путь,
Но возвѣщенну брань, готову къ битвамъ грудь.
Казалось, взглядъ вперя на вѣющи знамены,
Подвиглись берега восторгомъ возхищенны;
И горы и древа, дающи тѣнь полямъ,
Отставъ отъ вѣчныхъ гнѣздъ шли въ стрѣтенье полкамъ.
Врагъ запертый въ стѣнахъ, волнуемый сомнѣньемъ,
Упратилъ бодрый духъ войскъ Росскихъ съ наступленьемъ;

Отъ Горна ожидалъ къ себѣ на помощь силъ,
И здачу града онъ предлогомъ хитрымъ длилъ;
Но тщетно: къ связи ихъ затворены пучины,
И Канцъ ужъ облегли вокругъ полки орлины;
Надъ Нарвою висѣлъ рѣшительный ударъ;
Градъ Эзель, красный мысъ очамъ являлъ пожаръ.
Въ тѣ дни, какъ грозный Карлъ полночны трясъ державы,
ПЕТРЪ въ Инграхъ возвращалъ старинны Россамъ правы;
Его гдѣ предковъ власть во древности цвѣла,
Туда приближилъ онъ пареніе орла.
Межъ тѣмъ, гдѣ черный Донъ спокойно катитъ воды,
Тамъ населяющи велику степь народы,
Дающіе ПЕТРУ свою охотно дань,
Къ защитѣ Росскихъ странъ подвиглися на брань:
Мазепа лишь одинъ бездѣйственъ оставался:
Его коварный духъ измѣной колебался.
Простерся въ сердцѣ зломъ нечестья смертный ядъ;
Мазепа отвратилъ отъ общей пользы взглядъ.
Уже съ врагомъ снесясь, къ предательству готовый,
Съ презрѣніемъ отвергъ велѣнія ПЕТРОВЫ,
И мысли мрачныя скрывая отъ вождей,
Сбираетъ сильну рать близь Дисненскихъ зыбей,
Подъ видомъ, что сіе велико ополченье,
Воздвигнуться должно ПЕТРА на защищенье.
Какъ стадо ястребовъ, пущенныхъ съ путелъ вдругъ,
На добычу летитъ и кроетъ злачный лугъ;
Подобно ратниковъ въ станъ ревность призывала:
Несутся отъ Днѣпра, и мутнаго Урала;
Обильныя поля, любимы отъ небесъ,
Надъ жатвою златой являютъ копій лѣсъ.

Но Музы, помолчимъ, отложимъ тяжко бремя,
Доколь измѣну намъ возпѣть настанетъ время.
Объятый войскомъ Дерптъ, какъ тучей громовой,
Свое спасенье зрѣлъ въ покорности одной.
Едва явился ПЕТРЪ предъ градскими стѣнами,
Отверзли вдругъ врата предъ нимъ граждане сами:
Вступилъ во древній градъ полночныхъ странъ герой,
Держа въ рукѣ перунъ, оливну вѣтвь въ другой.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Командующій Шведскими войсками въ Ингріи Нарвской Комендантъ, Горнъ, возбужденный коварствомъ, посылаетъ повелѣніе къ градоначальнику Канца или Нейшанцовъ, дабы онъ сдалъ свой городъ безъ обороны ПЕТРУ; а другимъ повелѣніемъ въ тоже время назначилъ учинить нападеніе въ разплохъ на Россійское войско, около Дерпта разположенное, стоящему со флотомъ подъ Нейшанцами Генералу Нумберсу, которой не теряя времени, послѣ сдѣланныхъ по Россійскимъ судамъ выстрѣловъ, высадилъ близъ города свои войски, гдѣ по жестокомъ сраженіи принужденъ былъ броситься на суда и спасаться бѣгствомъ. ПЕТРЪ Великій его преслѣдуетъ, подвергаетъ жизнь свою крайней опасности и одерживаетъ надъ непріятелемъ полную побѣду, доставившую ему въ подданство всѣ города, лежащіе при Чудскомъ озерѣ.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Россійская страна средь общія отрады
Величественный взоръ взвела на Фински грады,
И видя ихъ главы склоненны предъ собой,
Россіянамъ рекла: „не се ли вѣкъ драгой
„Мнѣ паки возсіялъ усердными сынами?
„Тотъ вѣкъ, когда мой скиптръ надъ бѣлыми водами
„Во трепетъ приводилъ завистливыхъ враговъ,
„И страшной мой перунъ гремѣлъ поверхъ валовъ?
„Воздвиглась власть моя, забвенно прежне бѣдство:
„ПЕТРОМЪ возвращено старинное наслѣдство.
„Зрю грады новые созданны средь зыбей
„И быстрый бѣгъ въ моряхъ Россійскихъ кораблей;
„Невозмущаются войной мои предѣлы;
„Въ довольствіи цвѣтутъ благословенны селы;

„Оратай въ полѣ свой не оставляетъ плугъ,
„Близь стада подъ кустомъ безбѣдно спитъ пастухъ;
„Ликуютъ вкругъ меня луга и холмы злачны;
„По стогнамъ торжество, во храмахъ пѣсни брачны.
„И въ тѣ часы, когда вкушаю я покой,
„На тысящи смертей летитъ защитникъ мой.
„Ужъ вѣютъ наши тамъ и флаги и знамены
„Гдѣ сильной онъ рукой разсыпалъ горды стѣны;
„Еще багрову мглу зритъ съ ужасомъ Нептунъ,
„Дымился гдѣ ПЕТРОМЪ изверженный перунъ.
„Пускай жестокій Карлъ въ свирѣпости безмѣрной
„Съ поспѣшностью своей до днесь неимовѣрной
„Въ союзныя страны и огнь и смерть несетъ,
„И знаменуетъ свой развалинами слѣдъ;
„Градовъ моихъ и селъ ПЕТРОВА грудь ограда.
„По немъ поборникъ Богъ; сей пастырь Росска стада
„Предшествуетъ ему противной рати въ страхъ,
„Какъ нѣкогда огнемъ Израилю въ нощахъ.
„Отечество свое въ Монархѣ Россы чтите,
„И въ жертву за ПЕТРА жизнь вашу принесите.“
Сей гласъ до высоты небесныя возникъ,
И въ ревностны сердца полночныхъ чадъ проникъ.
Геройски души ихъ горятъ сугубымъ жаромъ,
И Россъ разитъ враговъ крушительнымъ ударомъ:
Вѣнчалась лаврами Монаршеска глава;
ПЕТРЪ зритъ у ногъ своихъ поверженнаго льва.
Злодѣйство, притупивъ свое на время жало,
Ядъ каплюще изъ устъ подъ тернами лежало,
И, умышляя казнь на неповинну кровь,
Отъ чрева своего зміевъ раждало вновь.

Уже предсталъ Царю блюститель гордый града,
Какъ пастырь своего хранящій цѣлость стада;
Рукою указавъ на собранный народъ,
Монарху рекъ: „се зришь твоей побѣды плодъ:
„Не страхъ моихъ гражданъ, лишенныхъ обороны,
„Принудилъ чтить твои, намъ чуждые, законы.
„Съ оружіемъ въ рукахъ моглибъ мы дать отвѣтъ:
„Но чтобъ предупредить вину всеобщихъ бѣдъ
„И, тучу отвративъ, воздвигнутую рокомъ,
„Необагрить земли гражданской крови токомъ.
Умолкъ, и ПЕТРЪ въ отвѣтъ: „я взялъ отъ васъ свое,
„И новое даю вамъ нынѣ бытіе.
„Что въ смутный было вѣкъ похищено измѣной,
„То днесь я возвратилъ рукой вооруженной.
„Коль явитесь моихъ достойными наградъ,
„Причту, о Готфы! васъ къ числу Россійскихъ чадъ.
Онъ сими ободривъ сердца гражданъ словами,
Осматриваетъ градъ веселыми очами:
Вездѣ встрѣчаетъ онъ труды художныхъ рукъ,
И знаки грозные Беллониныхъ наукъ;
Въ отверзстыхъ для него хранилищницахъ темныхъ,
Находитъ множество снарядовъ онъ военныхъ;
Махинъ громовыхъ рядъ, сокрывшихъ тьму смертей,
Являются очамъ для пагубы людей.
Межъ прочими была громада изваянна,
Изображающа ликъ грозный Іоанна.
Тамъ копья и щиты Россійскіе лежатъ,
И надмѣваютъ сей добычею весь градъ.
Въ нещастны Россамъ дни напавъ внезапно Шведы
Простерли до Москвы кровавыя побѣды.

Предѣлы Ингерски, наслѣдье древнихъ лѣтъ,
Вотще приобрѣсти ПЕТРОВЪ старался дѣдъ.
Двукратно возбужденъ къ отечеству любовью,
Хотѣлъ Россійскій мечь омыть противныхъ кровью;
Самъ рокъ возсталъ на брань; неистовый Борей,
Крылами льдистыми поднявшися съ морей,
Подулъ изъ хладныхъ устъ мятели, мразы, снѣги,
Затмилъ сіянье звѣздъ, лишилъ природу нѣги,
И въ шествіи препнулъ полночную страну,
Подвигнувъ встрѣчу ей на сушу глубину.
Снаряды обозрѣвъ ПЕТРЪ рекъ ко предстоящимъ,
Со гнѣвомъ на сіи орудія смотрящимъ:
„Вы видите друзья не робости примѣръ,
„Но знакъ невѣжества, раскола и химеръ.
„Въ минувши времена Россія усыпленна,
„Стонала подъ ярмомъ враговъ порабощенна;
„Терпѣла горести, гоненье, плѣнъ и гладъ,
„И плавала въ крови своихъ любезныхъ чадъ.
„Сколь кратъ отъ наглыхъ Ордъ ея дробились члены,
„Свергалась въ бездну золъ отъ внутренней измѣны!
„Во храмахъ прервалось куренье олтарей;
„Сарматы на престолъ взводили къ намъ царей.
„Виною оныхъ бѣдъ не наши ль предки были,
„Которые любовь къ отечеству забыли?
„Восточной пышностью, забавами плѣнясь,
„Средь роскошей велъ дни и подданный и Князь.
„Границы безъ защитъ, Москва безъ управленья,
„Заслуги безъ наградъ, труды безъ уваженья,
„Отверзли для ея грабителей врата,
„И пожигались въ ней прекрасныя мѣста;

„Внутрь страшный змій гнѣздясь терзалъ ее на части.
„Нещастна та страна, гдѣ тронъ колеблютъ страсти!
„Мужайтеся, друзья! намъ строгій долгъ велитъ
„Духъ Россовъ оправдать, загладить древній стыдъ.
„Не слабости однѣ, но славныя дѣянья
„Зримъ въ прадѣдахъ своихъ себѣ для подражанья.
„Пойдемъ неукосня послѣднимъ бодро въ слѣдъ,
„И почитать себя заставимъ цѣлый свѣтъ.
Глаголющу ПЕТРУ, поднявъ сѣдое темя
Предсталъ изъ круга мужъ враждебна Готфска племя;
„Отъ Горна онъ вѣщалъ, я къ Россамъ миръ принесъ:
„Да будетъ намъ сей миръ щедротою небесъ.
„Не можно знать кого постигнетъ рокъ во брани,
„Кто вящши принесетъ на полѣ смерти дани,
„И слава на кого возложитъ свой вѣнецъ:
„Но пагубенъ для всѣхъ кровавыхъ битвъ конецъ.
„И побѣдители и купно побѣжденны,
„Свирѣпость отложивъ кленутъ свой рокъ плачевный.
Скончавъ, ключи ПЕТРУ вручилъ отъ Канца онъ.
Ко Нарвѣ ходъ простерть ужъ Россамъ нѣтъ препонъ.
Отъ подвиговъ ПЕТРА враждебно стонетъ царство.
Къ защитѣ Готфскихъ странъ приемлетъ мечь коварство;
Со скипетромъ оно сѣдя у олтарей,
Всегдашни жертвы въ даръ приемлетъ отъ людей;
Змінну грудь свою питая чернымъ ядомъ,
На состоянья царствъ завистнымъ смотритъ взглядомъ;
Душа его всегда злодѣйствами полна,
Тревожится, кипитъ, какъ бурная волна;
Подъ видомъ святости выводитъ въ свѣтъ крамолы,
И въ даръ даетъ своимъ наперсникамъ престолы;

Во дерзскихъ замыслахъ чрезъ цѣлый кругъ вѣковъ,
Творитъ изъ свѣта тьму, Монарховъ изъ рабовъ;
Въ совѣтахъ предсѣдитъ, дѣла рѣшитъ по волѣ,
И ловитъ въ сѣть свою героевъ въ ратномъ полѣ;
Довольствуясь вездѣ чудесностью премѣнъ,
Смущаетъ тишину и рушитъ твердость стѣнъ.
Не многолѣтный трудъ, не сильные герои,
Коварство свергло въ прахъ твердыни гордой Трои;
Оно въ лицѣ гражданъ могуществомъ своимъ
Средь славы потрясло непобѣдимый Римъ;
Къ величью возводя поправшаго уставы,
Во Капитолію простерло мечь кровавый,
Въ сей памятникъ побѣдъ и знаменитыхъ дѣлъ,
Чѣмъ древній родъ Латинъ, въ подсолнечной гремѣлъ,
Въ сіе святилище ревнителей безсмертныхъ,
Отечества столповъ, въ порфиру облеченныхъ,
На неподвижныхъ гдѣ сѣдалищахъ своихъ
Они рѣшили въ мигъ судьбину царствъ земныхъ.
На тронъ, на олтари воззрѣвши грознымъ окомъ,
И съ шлема прахъ стряхнувъ въ волненьи чувствъ жестокомъ.
Оно вѣщало такъ: „гдѣ нынѣ власть моя,
„Гдѣ жертвы, чѣмъ всегда превозносилось я?
„Съ враждой воюя ПЕТРЪ разрушилъ всѣ препоны;
„Дымятся кровію моихъ любимцевъ троны;
„А я еще косню, въ груди скрывая месть,
„И не спѣшу ударъ противникамъ нанесть?
„Отнынѣ кто меня почтитъ даровъ куреньемъ,
„Когда не поражу Россіянъ ухищреньемъ?“
Умолкло, и созвавъ послушныхъ сонмъ духовъ,
Чѣмъ дѣйствуетъ оно надъ слабостью умовъ,

Велитъ, да будетъ въ путь готова колесница:
Глаголъ владычный внявъ крылатая возница,
Драконовъ къ дышлу двухъ немѣдленно впрягла,
И пламеннымъ бичемъ къ отъѣзду знакъ дала;
Чудовищи крутясь свирѣпства адска полны,
Косматы гривы въ верхъ вздымали будто волны;
Летитъ коварство въ путь для новыхъ Россамъ бѣдъ,
И въ воздухѣ его дымится мрачный слѣдъ;
Угрюмы облака, что кроютъ сводъ лазурный,
Какъ молнія сѣчетъ порывъ драконовъ бурный.
И се, уже внеслось чудовище во градъ,
Гдѣ чаяло обрѣсть себѣ покорныхъ чадъ —
И, Горна улучивъ въ дому уединенна,
Склоненнаго на одръ, въ мысль смутну погруженна,
Приближившись къ нему, возвысило чело,
На мечь свой оперлось и Горну такъ рекло:
„Не стыдно ли вождю непобѣдимыхъ воевъ
„Въ печали утопать среди Геройскихъ строевъ?
„Ты грады уступивъ ликующимъ врагамъ,
„И путь открывши имъ по Ладожскимъ зыбямъ,
„Не скорбью можешь ты загладить стыдъ великой:
„Возставлю я тебя надъ Ингріей владыкой:
„Кто сильный устоитъ противъ моихъ сѣтей?
„Я въ плѣнъ къ себѣ влеку народы и царей;
„Мнѣ въ честь на олтаряхъ пылаетъ огнь священной;
„Воздвигнутъ мой престолъ на трепетъ всей вселенной.
„Съ какимъ удобно мнѣ сравняться божествомъ,
„Вездѣ являюсь я, съ побѣдой, съ торжествомъ.
„Послѣдуй мнѣ, и будь моей покоренъ волѣ,
„Прославлю, вознесу тебя на ратномъ полѣ.“

Рекло, возпрянулъ вождь, почувствовалъ свой стыдъ,
И самъ противъ себя хулы изъ устъ стремитъ:
„Жалѣя кровь гражданъ, мечтами увлеченный,
„Я предалъ Дерптъ и Канцъ къ отпору ополченный:
„Но Ингріи на толь поставленъ я главой,
„Чтобъ вѣчный стыдъ пронесть въ потомство за собой?
„Внимаю Готфовъ стонъ, попранны зрю знамены,
„И, кажется, тягчатъ меня проклятьемъ стѣны,
„Тѣ стѣны, кои мнѣ довлѣло защищать....
„О слава древнихъ лѣтъ! героевъ Готфскихъ мать!
„Тобой клянуся я, что праведное мщенье
„Постигнетъ не косня Россійско ополченье!
„Ужъ вражески полки простерли къ Нарвѣ ходъ:
„Прерѣжу имъ пути и истреблю ихъ флотъ.
„Пускай освѣтятъ Бельтъ плачевные пожары,
„И врагъ почувствуетъ въ волнахъ мои удары.
„А ты, о Нарва! гдѣ отъ Карловой руки
„Сраженные легли Московскіе полки,
„Въ другой увидишь разъ, какъ мужественны Шведы
„Со славой принесутъ къ тебѣ свои побѣды,
„И плѣнными твои наполнятъ здѣсь мѣста:
„Тогда на полночь намъ отверзутся врата.
Составивши совѣтъ, въ тожъ самое мгновенье
Онъ къ Нубмерсу послалъ изъ Нарвы повелѣнье, (10
Который съ множествомъ близъ Канца кораблей
Въ заливѣ пребывалъ отъ Росскихъ скрытъ очей,
Чтобъ къ славѣ Готфскихъ странъ усерднымъ двигнутъ жаромъ,
На Россовъ онъ напалъ съ губительнымъ ударомъ,
И, въ ужасъ приведя ликующихъ въ стѣнахъ,
Внезапной сей войной вселилъ въ противныхъ страхъ;

Чтобъ покрывая Канцъ толь сильнымъ ополченьемъ,
Воспользовался ихъ разстройствомъ и смущеньемъ.
Коварство внявъ сей гласъ приемлетъ свѣтлый видъ,
И въ помощь къ Нубмерсу по воздуху летитъ;
Не возпященное въ пареніи оплотомъ,
Явилося оно предъ Шведскимъ вскорѣ флотомъ —
И изливая свой въ свирѣпы души ядъ,
Ведетъ ужасный флотъ съ перунами подъ градъ:
Какъ цѣпь великихъ горъ, на пагубу Россіи,
Неслися корабли сверхъ влажныя стихіи.
Едва завидя брегъ, враги съ своихъ судовъ
Изъ тучь пустили громъ на Дерптъ и флотъ ПЕТРОВЪ;
Ревуща мѣдь изъ жерлъ рыгаетъ огнь свирѣпый —
Колеблются брега и стонутъ вкругъ вертепы;
Со трескомъ въ низъ падутъ разбитыя скалы,
И зрятся въ глубинѣ горящими валы.
Такъ Этна, страховъ мать, изчадье грозно ада,
Сокрывшая въ своей утробѣ Энцелада,
Возмещетъ къ небесамъ изъ пламенныхъ хлябей
Дымъ, жупелъ и смолу сквозь устія пещей;
Все рушитъ вкругъ себя, свѣтъ тьмою покрываетъ,
И тысящію горъ отторгшихся стрѣляетъ;
Трясенье, клокотъ, ревъ, дробленіе бугровъ,
Внимаютъ поблѣднѣвъ отъ страха сто градовъ.
Уже вождь Готфскій мнилъ, что вскорѣ Росска сила
Оставитъ тѣ страны, что храбро покорила,
И понесетъ въ Москву не лавры, вѣчный стыдъ.
Въ надеждѣ сей къ брегамъ съ полками онъ спѣшитъ.
И се, велика рать подъ взяты Россомъ стѣны,
Оставя корабли, несетъ свои знамены,

Подобна быстротой парящимъ ястребамъ,
Иль тучѣ, вѣтрами несомой по зыбямъ.
Увидя Готфскихъ силъ ко граду приближенье,
Воздвиглось средь гражданъ незапное смятенье:
Вражда, изъ дома въ домъ нося свои стопы,
Подъ свой сзываетъ щитъ мятежныя толпы;
Стекается народъ, горя свирѣпымъ мщеньемъ,
И въ стогнахъ Россіянъ разитъ съ ожесточеньемъ;
Другіе ополчась стѣсняются близь вратъ,
И стражу низложивъ, выходятъ вонъ за градъ,
Соединяются со Готфскими полками;
Иные скрывшись тамъ, засѣли между рвами,
И къ пораженью ждутъ удобнаго часа.
Внѣ града и внутри военная гроза.
Смутился духомъ ПЕТРЪ, зря подданныхъ кончину,
И въ градѣ чернь смирить послалъ свою дружину:
„Коль кротостью, вѣщалъ, гражданъ нельзя смягчить,
„Повѣлеваю я противныхъ нещадить.
Головкинъ взявъ отрядъ, вотще привѣтнымъ словомъ
Хотѣлъ препнуть враговъ въ стремленіи суровомъ:
Съ мечами на него пустилися, какъ львы,
И многіе свои сложили тутъ главы;
Россійскимъ остріемъ во грудь на сквозь пронзенны,
Простерлися тѣла на стогнахъ низложенны.
Отцы узрѣвши казнь поверженныхъ сыновъ,
Страшась не равныхъ битвъ, сокрылись внутрь домовъ.
Содроглася вражда, узря ручьи багровы;
Ужъ средостѣніе хранятъ полки ПЕТРОВЫ.
Казалось что внутри воставленъ былъ покой:
Но се, единый Готфъ съ отчаянной душой,

Которая въ немъ была отмщеньемъ возпаленна
За сродника его отъ Россовъ пораженна,
Пробился въ тѣсный строй и тяжкимъ кистенемъ
Онъ Россовъ низлагалъ въ неистовствѣ своемъ;
Часть площади покрылъ кровавыми тѣлами,
И, съ множествомъ одинъ сражаясь предъ вратами,
Ослабъ, и жизнь свою спасти онъ бѣгствомъ мнилъ,
Но пулей во вратахъ пронзенъ отъ Россовъ былъ;
Какъ облакомъ глаза его покрылись мглою,
Онъ язву ухвативъ великою рукою
И бросивъ мрачный взоръ на раненый хребетъ,
Шатнулся, и, черпя по камнямъ рдяный слѣдъ,
Упалъ, извергъ свой духъ во область вѣчной ночи —
И кровожадна смерть его сомкнула очи.
Сей казнію мятежъ былъ въ градѣ прекращенъ,
И снова средь гражданъ покой возстановленъ.

Межъ тѣмъ противна рать принесшися ко граду,
Окопы облегла, и начала осаду:
Съ отрядомъ храбрыхъ войскъ подвигнувшись въ передъ,
Единъ отъ Готфовъ вождь перуны въ градъ несетъ;
Предмѣстій широту ихъ пламень освѣщаетъ,
Дымится зданіе и въ стогнахъ смерть летаетъ.
Граждане устрашась, и первый въ жизни разъ,
Къ защитѣ Россіянъ прибѣгли въ оный часъ.
Уже Великій ПЕТРЪ, коварствомъ раздраженный,
Ведетъ свои полки къ отпору учрежденны.
Апраксинъ управлялъ отрядъ передовой,
Онъ встрѣтился съ врагомъ — и первый началъ бой;
За щастливый успѣхъ онъ былъ Царю порукой.
Середню часть полковъ велъ храбрый Долгорукой,

Десное войскъ крыло Голицынъ подвизалъ,
И вящшій жаръ въ сердца безтрепетны вливалъ;
ПЕТРЪ лѣвую страну приялъ во управленье,
И каждо назидалъ противныхъ силъ движенье.
Подобно какъ орелъ, висящій въ облакахъ,
Зря многи стаи птицъ разсѣянныхъ въ поляхъ,
Спущается, сѣчетъ воздушну зыбь крылами,
И образуетъ мглу великими кругами,
И, гдѣ его корысть, сужденна рокомъ, ждетъ,
Склоняетъ въ тѣ мѣста онъ бурный свой полетъ;
Какъ тучи южныхъ странъ, рожденныя отъ зноя,
Угрюмой темнотой полдневну ясность кроя,
Въ утробахъ пламенныхъ несутъ разящій громъ,
И ставши супротивъ надъ понтовымъ хребтомъ,
Перуны изъ себя со трескомъ извергаютъ,
И разрушеніемъ вертепамъ угрожаютъ:
Такъ сближась межъ собой враждебныхъ сонмъ полковъ,
Простерли ужасъ, смерть отъ града и бреговъ.
Удары отъ ПЕТРА изъ мѣди раскаленной,
Почувствовалъ съ стыдомъ и страхомъ врагъ надмѣнной;
Смерть кажетъ въ ихъ рядахъ кровавые слѣды,
И Россамъ путь творитъ чрезъ мертвые ряды.
Апраксинъ нудитъ ихъ прейти за рвы глубоки,
Чтобъ могъ удобнѣй онъ, занявъ мѣста высоки,
Пустить въ враждебный строй громовыхъ тучу стрѣлъ,
И лютой дерзости поставить тѣмъ предѣлъ.
Ужъ многіе изъ нихъ отъ сильнаго отпору,
Вдались въ позорный бѣгъ и кроются за гору.
На встрѣчу Нубмерсъ къ нимъ, оставя бой, спѣшитъ,
И, гнѣвомъ разпаленъ, бѣгущимъ такъ гласитъ:

„Бѣгите, робкіе, и возвратитесь въ домы —
„Я буду отражать съ мужами Росски громы;
„Иль скройтесь не косня въ густой тѣни лѣсовъ,
„Какъ серны слабыя отъ разъяренныхъ львовъ:
„Не вамъ принадлежатъ въ бояхъ вѣнцы лавровы,
„Для храбрыхъ честь сія, а ваша мзда, оковы.
Окончивъ рѣчь сію, явилъ презрѣнья видъ —
Страхъ двигнулъ Готфовъ въ бѣгъ, остановляетъ стыдъ.
Отважность въ ихъ сердцахъ вздремавшая проснулась,
На блескъ оружія, на войско оглянулась:
Зря славу предъ собой сіяющу въ лучахъ,
Въ строй ставитъ бѣглецовъ и дышетъ въ ихъ рядахъ;
Возпламенились вдругъ, и въ страшномъ изступленьѣ
На Россовъ обратясь, вновь начали сраженье:
На добычь тако львы несутъ разверзстый зевъ.
Сей ревностью они въ вождѣ смягчили гнѣвъ.
Хваля ихъ бодрый строй и чувствіе сурово,
Се Нумберсъ къ воинамъ простеръ пріятно слово:
„Какая честь вамъ въ даръ назначена судьбой!
„Славнѣе всѣхъ побѣдъ, побѣда надъ собой.
„Кто робкими назвать васъ можетъ справедливо?
„Вашъ духъ не устрашимъ, но сердце нерадиво.
„Когда бы каждый Готфъ шелъ бодро Карлу въ слѣдъ,
„Въ то время бы для насъ былъ тѣсенъ цѣлый свѣтъ;
„Вашъ подвигъ оправдалъ мое о Готфахъ мнѣнье;
„И ежели падетъ Россійско ополченье,
„Вся слава будетъ вамъ друзья, принадлежать —
Скончалъ и вящшій гнѣвъ воспламеняетъ рать.
Достигнувши тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ мощь ПЕТРОВА
Бросала смерть и гдѣ лилась рѣка багрова,

Въ трехъ сомкнутыхъ рядахъ великой тѣснотой
Вступаетъ Готфска рать съ Россіянами въ бой.
Ужъ съ нашей стороны громадъ ревущихъ сила
Свирѣпости враговъ внезапно уступила;
Такъ быстро ихъ ряды дерзали нападать,
Что Росскій громъ не могъ ужъ Готфовъ поражать.
Оружіе въ рукѣ должно рѣшить судьбину:
Отъ крѣпкой мышцы всякъ имѣлъ свою кончину.
Въ ужасной ярости, поставя къ груди грудь,
Отверзли съ двухъ сторонъ кровавый къ смерти путь;
Ни Готфы утомясь назадъ не отступаютъ,
Ни Россы лавровъ имъ изъ рукъ не выпущаютъ.
Тамъ цѣлые ряды, на трупы ставъ пятой,
Наносятъ сверху смерть стоящу надъ главой.
Ужъ многіе полки умыты кровью пали;
Иной насквозь пронзенъ, по острой движась стали,
Влечетъ врага съ собой не отпуская длань,
И умираючи тѣснитъ его гортань.
Неистовство одно сердцами управляло.
Другой въ устахъ своихъ вертя желѣзно жало,
Противною рукой ко смерти пригвожденъ,
Въ немъ гаснетъ жизни лучь, но гнѣвъ непотушенъ;
Рыгая черну кровь великими кусками,
Еще по острію скрежещетъ онъ зубами.
Такъ Готфъ приемлетъ смерть, для славы брань творя,
Такъ Россъ кончаетъ жизнь за вѣру, за Царя.
Сомнѣнъ былъ рока судъ въ часы сраженья гнѣвны:
Весъ воздухъ стономъ полнъ, и видъ вездѣ плачевный.
Опредѣленію покорствуя небесъ,
Судьбой удержанъ былъ побѣды перевѣсъ.

Монархъ, не зря конца толь бѣдственнаго пренья,
Къ Апраксину послалъ полки для подкрѣпленья;
И Долгорукой вдругъ врагамъ зашедши въ тылъ,
Изъ пламенныхъ громадъ перуны въ нихъ пустилъ;
Тутъ Готфовъ цѣлый полкъ низверженъ былъ мгновенно —
Бѣлѣло поле вкругъ тѣлами покровенно.
ПЕТРЪ чаялъ, что за симъ послѣдуетъ конецъ
И Россамъ рокъ отдастъ съ побѣдою вѣнецъ;
Но щастіе еще противной рати льстило,
И въ оный день ПЕТРУ путь къ славѣ заградило.
Съ полками Нумберсъ самъ чрезъ груды мертвыхъ тѣлъ
Быстрѣе молніи на Россовъ налетѣлъ,
Прерѣзалъ имъ стези, межъ двухъ огней поставилъ,
И мнилось, въ оный часъ судьбой по волѣ правилъ;
Смѣшалися ряды расторженны огнемъ,
И врагъ, средь Россовъ ставъ съ губительнымъ мечемъ,
Разитъ съ обѣихъ странъ, исполненъ адской злобы,
И торжествуя смерть отверзла Россамъ гробы.
Князь Долгорукой самъ вбѣжавъ на длинный валъ,
Изъязвленный мечьми полмертвъ на землю палъ;
Соратоборцы тутъ вождя вѣнчанна славой
Возхитивъ, унесли съ полей войны кровавой.
Достигла до ПЕТРА сія плачевна вѣсть:
На части рвутъ въ немъ духъ гнѣвъ праведный и месть.
Съ Голицынымъ Монархъ на Готфовъ нападаетъ,
Вторгается въ ихъ строй и силы раздѣляетъ.
Онъ способъ подаетъ своимъ разить враговъ.
Какъ свѣтло божество, являлся зракъ ПЕТРОВЪ,
И трубный гласъ его былъ слышенъ межъ громами.
Вострепеталъ Нумберсъ со храбрыми полками.

Уже Монархъ, сомкнувъ разорванный свой строй
И отразивъ враговъ, въ порядкѣ началъ бой;
Россійскіе полки отъ Готфскихъ отдѣленны,
Какъ будто въ первый разъ ко брани ополченны,
Всѣ заняли свои обычныя мѣста:
Отверзлись на враговъ громовыя уста.
Такъ Богъ, разгнавъ веществъ грубѣйшихъ съединенье,
Въ величествѣ открылъ руки своей творенье,
Воздвигнулъ въ небесахъ горящихъ тьмы свѣтилъ,
И власть свою мірамъ закономъ возвѣстилъ;
Единый правитъ перстъ чудесною громадой,
Единъ являлся ПЕТРЪ Россійскихъ войскъ оградой:
И вскорѣбъ сокрушилъ онъ войскъ враждебныхъ мочь,
Когдабъ не принеслась въ ужасныхъ тучахъ ночь.
На крылѣхъ бурь она по воздуху летѣла
И градомъ и дождемъ надъ войскомъ зашумѣла;
Простерлась черна тѣнь по Марсовымъ полямъ
И заградила тьма входъ солнечнымъ лучамъ,
Посыпались изъ тучь перуны въ низъ зміями,
Ударилъ съ трескомъ громъ надъ холмными хребтами,
И воздымились вдругъ верхи кремнистыхъ горъ:
Сквозь мракъ густой въ дали зрѣлъ блѣдный пламень взоръ,
Который къ небесамъ направивши стремленье,
Являлся въ высотѣ, какъ страшно привидѣнье.
Уже сокрыла ночь отъ гласъ противный строй,
И гдѣ лилася кровь, тамъ дождь шумитъ рѣкой;
Подъемлясь съ ревомъ въ верхъ надутыхъ водъ громады,
Грозили стерть лѣса и низпровергнуть грады.
Внезапный страхъ объялъ противоборцевъ духъ —
Огнь ярости въ сердцахъ враждующихъ потухъ,

Умолкъ оружій звукъ, пресѣкся бой кровавый,
Всѣ скрыть себя спѣшатъ въ ближайшія дубравы.
Готфъ ждетъ разсвѣта дня, собравшися въ лѣсахъ,
А Россы, уклонясь на горныхъ высотахъ.
Ни та, ни инна рать оружья не слагала,
И бдительныхъ очей дремотой не смѣжала.
Въ душахъ воинскихъ гнѣвъ хотя и не пылалъ,
Но свившися какъ змій внутри сердецъ лежалъ,
Дабы въ наставшій день излить всю зельность яда:
И се, простершись вдругъ столпъ огненный отъ града,
Багровый длинный хвостъ влекъ быстро за собой
И сталъ какъ исполинъ у Готфовъ надъ главой;
Чудесное сіе изчадіе природы
Предзнамѣньемъ слыветъ военной непогоды.
Такъ Марій, равное сему явленье зря
При осажденіи Арменскаго царя,
Сказалъ, что къ славѣ всѣ одолѣны препоны,
И Римски поздравлялъ съ побѣдой легіоны;
Ахейцы и доднесь отъ самыхъ древнихъ лѣтъ
Воздушный оный знакъ предвѣстьемъ чтутъ побѣдъ.
Дивясь явленью ПЕТРЪ, и мановеньемъ длани
Онъ войску показалъ предтечу грозной брани
И рекъ: „Коль вѣрить намъ преданьямъ бытія,
„Въ успѣхѣ нашихъ дѣлъ несомнѣваюсь я:
„Сей огневидный столпъ, къ врагамъ склоня теченье,
„Предвозвѣщаетъ ихъ ужасное паденье,
„А намъ преславный бой, вѣнцы и торжество;
„Когда участвуетъ во смертныхъ естество,
„Повѣрить должно намъ явленью благотворну,
„И ко врагамъ нести грудь мужествомъ упорну.

„ Не столько знакамъ симъ, я больше вѣрю вамъ,
„ Любви къ отечеству и ревностнымъ сердцамъ.
„ Оружіе въ рукахъ во время ратныхъ преній,
„ Вѣрнѣе для меня пророчествъ и явленій.
„ Се брани предстоятъ — насъ долгъ зоветъ разить.
Умолкъ, . . . и воинство клянется побѣдить.
И се, уже летятъ покрыты мракомъ бури
Сіянью уступить небесныя лазури;
Багряная заря густую гонитъ тѣнь,
Грядетъ на высоту въ лучахъ горящихъ день.
Война, геенны дщерь, отмщеніемъ разжженна,
Явилась ужасомъ и смертью ополченна,
Воскраніе щита ударила жезломъ:
То былъ къ сраженію знакъ — межъ горъ роздался громъ.
Едва противна рать вступила на равнины,
Россійскіе полки подвиглися съ вершины;
Самъ ПЕТРЪ предводитъ ихъ, и се, какъ браней Богъ,
Онъ къ Готфамъ въ строй влетѣлъ и силы ихъ разторгъ.
Отъ сильнаго враги смутились нападенья:
Не могутъ удержать Россійскихъ войскъ стремленья.
Голицынъ ихъ разитъ со шуіей страны,
Апраксинымъ они съ другой окружены;
Уже коварный Готфъ, искусный въ ратномъ полѣ,
Спасенія себѣ не зритъ въ искуствѣ болѣ;
Россійской храбрости онъ долженъ уступить,
Иль бѣгствомъ кончить бой, иль смертну чашу пить.
Какъ робкихъ стая птицъ во дни погодъ ненастныхъ
Летятъ со крикомъ въ дебрь отъ ястребовъ ужасныхъ,
И воздухъ зыблютъ весь нестройствомъ голосовъ,
Съ такимъ стремленьемъ врагъ пустился вдоль бреговъ,

И чаетъ, избѣжавъ на полѣ грозной смерти,
На Россовъ съ кораблей перуны въ долъ простерти.
Достигнувши тѣхъ мѣстъ, гдѣ кроткая вода
Держала у бреговъ Нумберсовы суда,
Возшедъ на корабли, Россіянъ предъ очами,
Несутся Готфы въ Бельтъ попутными вѣтрами.
ПЕТРЪ гнѣвомъ возкипѣлъ зря быстрый бѣгъ враговъ,
И въ легкія ладьи со множествомъ гребцовъ
Разставивши свои побѣдоносны войски,
Летитъ постичь враговъ и наказать геройски.
Со молніями смерть Монарху предгрядетъ:
Шумитъ свинцовый градъ бѣгущимъ Готфамъ вслѣдъ:
Такъ въ знойныхъ левъ степяхъ, томимый жаждой, гладомъ,
Текуща отъ него зря пастыря со стадомъ,
Преслѣдуетъ корысть и вторгшися стрѣлой,
Онъ душитъ, рветъ овецъ едину надъ другой.
Россійскія суда сомкнутыми рядами,
Постигнувъ Шведскій флотъ межъ острыми мѣлями,
Два горды корабля повергли на песокъ;
Ихъ ребра сокрушивъ объ камни гнѣвный рокъ,
Съ волнами смерть вносилъ въ отверзстыя утробы,
И Готфовъ заключилъ въ колеблющися гробы.
Иные льстясь продлить безъславны дни свои,
Бросались съ высоты на мѣлкія ладьи;
Другіе видя вкругъ Россіянъ предъ собою,
Оружья упразднивъ, сдались вождямъ безъ бою.
Снявъ Нумбергъ паруса и котвы ввергнувъ въ Бельтъ,
На грозномъ кораблѣ ПЕТРА къ сраженью ждетъ.
Ужъ Нумберса ладьи Монарши окружаютъ,
Россійскія суда Нумберса окружаютъ — —

Сомкнулися — и ПЕТРЪ быстрѣй пущенныхъ стрѣлъ
Съ дружиной на корабль противничій влетѣлъ;
Надмѣнный Карловъ вождь, зря мужество ужасно,
Простіеръ кичливу рѣчь ко Готфамъ велегласно:
„Не храбрость Россіянъ вамъ смертію грозитъ,
„Но робость ваша ихъ столь дерзскими творитъ.
„Мужайтесь, пусть нашъ вѣкъ судьба преторгнетъ злостна;
„Честнѣе смерть въ бою, чѣмъ жизнь въ плѣну поносна.
„Послѣдуйте за мной, сія безъ страшна грудь,
„Отверзетъ къ гробу вамъ, иль къ вѣчной славѣ путь.
Вѣщалъ, и Готфы вдругъ, сей рѣчью ободренны,
Пустились на ПЕТРА мечами ополченны;
Сошлись лице съ лицемъ, грудь встрѣтилась съ рукой,
Блеснули молніи, воспламенился бой;
Багровая рѣка по трупамъ низложеннымъ
Несла ужасну дань пучинамъ устрашеннымъ;
Полуумершихъ стонъ и острыхъ трескъ мечей
Сливался съ шумомъ тамъ пѣнящихся зыбей;
Погрузли ладіи, бездушныхъ воевъ полны;
Въ глубокихъ безднахъ Бельтъ вертѣлъ кровавы волны.
Слабѣетъ Росска рать отъ превосходныхъ силъ:
Хоть съ многими единъ упорну брань творилъ,
Но сила премогла разгнѣваннаго рока;
Какъ туча въ знойный день, поднявшись отъ востока,
Изъ корня рветъ древа, куда свой клонитъ бѣгъ:
Отъ Готфовъ тако строй сыновъ Россійскихъ легъ.
Отъ всей дружины ПЕТРЪ остался межъ врагами,
Сраженьемъ утомленъ и окруженъ смертями;
Онъ тщетно помощи отъ Росскихъ ждалъ судовъ:
Среди низпавшей мглы сокрытъ былъ рокъ ПЕТРОВЪ.

Смущеніе въ царѣ, въ Нумберѣѣ радость зрится,
Уже надмѣнный врагъ безсмертной славой льстится,
И мыслитъ, что сія превыше всѣхъ побѣдъ,
Когда онъ къ Карлу въ плѣнъ Монарха приведетъ.
Тутъ воиновъ своихъ остановивъ стремленье,
Съ героемъ прекратилъ не равное сраженье,
И, не теряя столь щастливаго часа,
Всѣ котвы отрѣщивъ, въ вѣтръ бросилъ паруса.
Дыханье сѣвера, спустясь на Бельтъ надмѣнной,
Помчало вдругъ корабль по безднѣ безъпредѣльной:
Содроглись небеса ПЕТРОВО бѣдство зря,
И стонъ произнесли и камни и моря.
Но Богъ къ нему простеръ спасительну десницу:
Прогнавъ густую мглу, очамъ отверзъ денницу,
И свыше мужествомъ исполнивъ духъ ПЕТРОВЪ,
Побѣду славную изторгъ изъ рукъ враговъ.
Безтрепетный герой, властитель полуночи,
Во всѣ страны бросалъ свои смущенны очи —
И созерцая огнь возженный средь горнилъ,
Пріявъ горящу вервь, онъ мачту возпалилъ.
Раздутый вѣтромъ огнь въ стремленьи бурномъ, яромъ,
Обьемлетъ весъ корабль ужаснымъ вдругъ пожаромъ;
Тутъ измѣряюща пространные шаги,
Съ мечами на ПЕТРА въ мигъ бросились враги,
Но онъ, отторгнувъ флагъ и не колеблясь страхомъ,
Канатъ, державшій ботъ, отсѣкъ единымъ махомъ,
Добычей возхищенъ въ низъ съ палубы скочилъ,
И торжествуя въ Бельтъ съ побѣдою вступилъ.
Отчаянны враги, противясь казни рока,
Не могутъ укротить толь пламени жестока;

Горящая смола изтлѣніемъ своимъ
Къ открытымъ небесамъ лѣнивый шлюща дымъ,
Чѣмъ больше водныхъ влагъ къ тушенью принимаетъ,
Тѣмъ вящще зашипѣвъ, крутится и пылаетъ.
Ввѣряются враги ярящимся волнамъ,
Отъ смерти льстясь избыть, даются смерти тамъ.
Въ опасномъ плаваньи самъ Нумберсъ зритъ спасенье.
Съ пучиною борясь пришелъ въ изнеможенье;
Но вѣкъ его продлить еще хотѣлъ Творецъ:
На берегъ вѣтромъ онъ изверженъ наконецъ,
Умилостивя рокъ, въ гоненіи столь гнѣвный,
Со брега зритъ въ волнахъ для сердца видъ плачевный;
Ужъ весъ его корабль былъ пламенемъ покрытъ,
Селитра возпылавъ громаду въ воздухъ мчитъ;
Ужасны раздались превыше облакъ громы,
Раздранны члены въ верхъ надъ бездною несомы,
Усугубляли страхъ позорища сего:
Къ спасенію врагамъ не зрѣлось ни чего.

Голицынъ между тѣмъ, стремясь по Царску слѣду,
Достигъ — сразилъ вразовъ и довершилъ побѣду.
Монархъ, приплывъ къ своимъ, веселье ощутилъ;
Всѣ Шведскія суда Апраксинъ захватилъ.
Летала слава вкругъ торжественнаго строя:
Но гнѣвъ еще смущалъ великій гухъ героя.
За множество обидъ, творимыхъ отъ враговъ,
Онъ въ Нарву громъ понесъ со частію полковъ.
Коварство видя рать Вандаловъ истребленну,
Въ терзаньи отъ стыда сокрылося въ геенну;
Уже со страхомъ зритъ вооруженный градъ,
Россійскихъ множество пылающихъ громадъ.

Не могутъ удержать ПЕТРА высоки стѣны;
Падутъ съ стрельницъ враги металломъ сокрушенны.
Горнъ Нарву уступить вмѣнялъ себѣ за стыдъ,
И воиновъ своихъ еще надеждой льститъ.
Упорство Готфское жестоку битву длило,
Но къ разрушенью стѣнъ ужъ время наступило:
Зажглась подземна хлябь, покрыла ночь поля,
И возгрянула въ верхъ подъ крѣпостью земля;
Съ полками погреблись во рвахъ горящихъ стѣны;
По грудамъ тѣлъ пути отверзлись въ градъ надмѣнный.
Уже подъ сѣнію двуглаваго орла
Россійска рать съ ПЕТРОМЪ торжественно вошла;
Ослабша Готфска мощь, судьбинѣ ставъ покорна,
Оружіе сложивъ, сдалась велѣньемъ Горна;
Но раздраженный Россъ упорностью враговъ,
Съ свирѣпостью разилъ средь улицъ и домовъ;
Взыванію вождей не внемлетъ въ иступленьи,
И возрождаетъ вновь пресѣченны сраженьи;
Все рушитъ предъ собой, не уважая лицъ,
И даже нещадитъ младенцевъ и дѣвицъ.
О стыдъ минувшихъ лѣтъ! уже главы съ убранствомъ
Сѣкутъ мечами прочь не сытые тиранствомъ!
И чаютъ отомстить, проливши кровь рѣкой,
Подъ Нарвою предъ симъ за неудачной бой.
О музы! для чего несуждено мнѣ рокомъ,
Сей подвигъ вѣчно скрыть въ молчаніи глубокомъ?
Но слава требуетъ, и сама Россовъ честь,
Не лестію чтобъ имъ вѣнцы похвальны плесть.
Воздвигнутый мятежъ на гнѣвъ подвигъ героя,
И самъ отмщаетъ ПЕТРЪ рушителямъ покоя;

Его громовый гласъ, присудствіе и видъ,
Заснувшій разбудилъ въ сердцахъ мятежныхъ стыдъ,
Пресѣкся въ градѣ бунтъ, спаслись отъ смерти Шведы,
И Россъ въ единой день вдругъ двѣ свершилъ побѣды.
Тогда Монархъ вознесъ предъ Готфами свой мечъ,
И съ важностью вѣщалъ сію ко плѣннымъ рѣчь:
„Вы зрите сколько бѣдъ сопряжено съ войною:
„Хоть страшенъ былъ мой гнѣвъ въ сей день во время бою,
„Но не для васъ однихъ, вашъ городъ мной спасенъ —
„И мечь сей кровію Россійской обагренъ.
Онъ рекъ, и гласъ ПЕТРОБЪ щедроты былъ залогомъ.
Герой среди гражданъ тогда являлся Богомъ.
О сколь великъ примѣръ для будущихъ вѣковъ!
Завоеватель самъ спасалъ своихъ враговъ!
Вся Ингерска страна и съ нею ратна сила,
Повергшись предъ ПЕТРОМЪ, огнь брани потушила.
О музы! поспѣшимъ, благословивъ судьбу,
Въ станъ Карловъ пренести военную трубу.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ПѢСНИ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Россійскія войски, слѣдуя къ Гроднѣ, безпрестанно сражались съ непріятелемъ, почему и не могли взпомоществовать Августу II му. Между тѣмъ Карлъ, перешедъ Шлезію, вступилъ въ Варшаву, гдѣ разрушивъ Сеймъ, принудилъ Поляковъ признать Станислава Лещинскаго законнымъ Королемъ. Синявскій, славной Польскій Генералъ, соединясь съ Шилинбергомъ, Саксонскимъ полководцемъ, за собственную свою обиду сражается съ Ранхильдомъ, который надъ нимъ одерживаетъ полную побѣду.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Вандаловъ грозна рать, увѣнчанная славой,
Въ Саксоніи еще лила потокъ кровавой;
Имѣя Данію и Польшу подъ пятой,
Потрясла Вѣнскій дворъ сугубою войной:
Отверженныхъ Князей отъ Цесарскаго трона,
Опасныхъ членовъ сихъ стоглаваго дракона,
Принудилъ Карлъ признать сильнѣйшаго права:
Не Цесарь былъ, но онъ Германіи глава.
ПЕТРОВЫХЪ громъ побѣдъ, раздавшись по вселенной,
Подвигнулъ къ мщенію во Карлѣ духъ надмѣнной.
На Россовъ онъ занесъ въ Сарматіи ударъ,
Селенья и поля преобращалъ въ пожаръ,
Все рушилъ предъ собой, гдѣ только зрѣлъ препоны,
И Августа лишивъ отечества, короны,

Въ ужасной ревности и мщеніи своемъ
Признать ему судилъ Лещинскаго Царемъ.
Возтрепетали всѣ полнощныхъ странъ народы:
И наконецъ, презрѣвъ права Царей, природы,
Россійскаго посла выводитъ Карлъ на казнь —
Паткуль окончилъ жизнь; простерлася боязнь
Отъ Казимирскихъ стѣнъ до волнъ свирѣпа Дона,
И къ жителямъ бреговъ, что напаяетъ Прона.
Мазепа, улучивъ пріятный случай сей,
Для пользы Карловой склонилъ своихъ вождей,
И, чтобы замыслы свои свершить коварны,
Отъ Готфовъ слова ждалъ Гетманъ неблагодарный;
Готовилъ стрѣлы онъ на Россовъ, на ПЕТРА.
Сколь низкая душа къ предательству скора!

Межь тѣмъ Россійска рать ко Гроднѣ бриближалась,
Какъ туча грозная надъ Неменомъ являлась.
Тамъ Шереметевъ свой остановилъ походъ,
Чтобъ нужный взять припасъ, и станъ воздвигъ близъ водъ.
Сарматы видя войскъ союзныхъ приближенье,
Съ надеждей и въ дѣлахъ перемѣнили мнѣнье;
Насильствомъ своего лишенные Царя,
И къ вольности всегда желаніемъ горя,
Всемъ жертвовали ей; но въ дни толико слезны
Готовы предпочесть свободѣ скиптръ желѣзный;
Стыдясь принять царя отъ Карловой руки,
Къ защитѣ правъ своихъ подвигнули полки.
Уже достигла къ нимъ та вѣсть въ минуту ону,
Что Августъ волею сложилъ съ себя корону.

Какъ Россы сей народъ, изшедшій отъ Славянъ,
Чрезъ многи вѣки былъ красой полночныхъ странъ;

Къ отечеству любовь и доблести военны
Являлъ въ себѣ его духъ твердый и надмѣнный;
Но гордость, наконецъ нарушивъ свой предѣлъ,
Затмила скоро въ немъ сіянье древнихъ дѣлъ;
Въ позднѣйши времена, какъ буря вдругъ крутая,
Смутила нравы, умъ къ корыстямъ алчность злая.
Тогда среди крамолъ возникнувшихъ Раздоръ
На слабости вельможъ возвелъ кровавый взоръ,
И раздувая огнь въ сердцахъ ожесточенныхъ,
На сеймахъ засѣдалъ коварствомъ съединенныхъ.
Рожденный внутрь ихъ змій кровь собственну сосалъ,
И цѣлую страну къ паденію склонялъ.
Уже не могъ Полякъ разсудку быть послушенъ:
Во щастіи сталъ гордъ, въ нещастьи малодушенъ.

Изнѣженнымъ сердцамъ среди всеобщихъ бѣдъ
Обиженная честь отважность придаетъ:
Еще возпомянувъ минувшу предковъ славу,
Знатнѣйшихъ сонмъ вельможъ сбирается въ Варшаву,
Чтобъ средства изобрѣсть къ продленію войны
И выборомъ Царя рѣшить судьбу страны.

Средь града, близь дворца, въ чертогахъ позлащенныхъ
Собранью старшихъ главъ страны опредѣленныхъ,
Премудрыхъ ликъ вельможъ, вѣнчанныхъ сѣдиной,
И бодрыхъ юношъ сонмъ, цвѣтущихъ красотой,
Приходятъ на совѣтъ, да утвердятъ закономъ
Владѣтеля странамъ, и да не льстится трономъ
Ни кто изъ чуждыхъ имъ враждующихъ племенъ:
Таковъ былъ слышанъ гласъ отъ ревностныхъ устенъ.

Лѣтами древній мужъ, и видомъ сановитый,
Любовью къ истинѣ Сапега знаменитый,

Возставъ предъ сонмомъ рекъ: „благословенъ тотъ часъ,
„Въ который намъ Царя возставитъ общій гласъ:
„Да промыслъ Вышняго, поборникъ нашей славы,
„Духъ юношъ озаря, внушитъ совѣты здравы!
„Да отженется лесть и гордость отъ сердецъ —
„И распрямъ всѣмъ теперь положимъ мы конецъ.
„Всеобща польза быть должна однимъ предмѣтомъ.
„Нещастье нашихъ странъ предъ цѣлымъ явно свѣтомъ:
„По селамъ и градамъ возникъ у насъ раздоръ,
„А Карлъ ужъ произнесъ Сарматамъ приговоръ,
„Назначилъ намъ Царя: какъ будто межъ собою
„Избрать не можемъ мы, ктобъ былъ у насъ главою?
„Въ священномъ сонмѣ семъ колико есть мужей,
„Столь много чаю быть достойныхъ въ немъ Царей.
„Хотя Творецъ великъ въ щедротахъ неизщетныхъ,
„Но купно всѣхъ даровъ своихъ не льетъ на смертныхъ:
„Кто доблестью межъ насъ всѣхъ паче вознесенъ,
„На тронѣ долженъ тотъ быть нами утвержденъ.“
Онъ симъ окончилъ рѣчь, безмолвіе ліется —
Въ недоумѣньи сонмъ, и внутренно мятется.
Ни кто въ совѣтѣ семъ на важный столь предлогъ
Рѣшительнаго дать отвѣта вдругъ немогъ.
Вкругъ собранныхъ мужей окинувъ взглядъ орлиный
Витійствуя возсталъ Кзелинскій изъ средины:
За опытность свою и прозорливый умъ
Сей мужъ орудьемъ слылъ общенародныхъ думъ;
Отечество любилъ и чужды нѣгамъ нравы;
Сражался много кратъ съ врагомъ у стѣнъ Варшавы;
Ни дружбы, ни родства тогда не уважалъ,
Всеобщей пользы гласъ къ нему когда взывалъ.

Изъ круга вышедъ вдругъ и давши знакъ къ молчанью,
Онъ громко возгласилъ безмолвному собранью:
„Въ толь смутны времена, средь брани и крамолъ,
„Не можетъ зависти предмѣтомъ быть престолъ;
„Не мню, чтобъ кто изъ насъ во безразсудной страсти
„Охотно возъалкалъ самодержавной власти.
„Коль доблестей примѣръ на власть права даетъ,
„Сапеги должно днесь одобрить намъ совѣтъ.
„Средь насъ, о други, есть достойный мужъ короны:
„Ему вручимъ престолъ и Польски легіоны.
„Побѣдами отверзъ онъ трудный къ славѣ путь,
„Защитой намъ была его во браняхъ грудь;
„Къ отечеству всегда исполненный любовью,
„Онъ жертвовалъ своимъ имѣніемъ и кровью,
„И съ малымъ войскъ числомъ противу страшныхъ силъ,
„Ведя упорну брань, Срацыновъ низложилъ;
„И въ днешнюю войну не побѣдимы Шведы
„Познали надъ собой Сарматскія побѣды.
„Быть можетъ, что Вандалъ, ужасныхъ дѣлъ примѣръ,
„Далеко такъ своей къ намъ властибъ не простеръ,
„Когдабъ разсудку мы во всемъ повиновались,
„И не о титлахъ здѣсь, но пользой занимались;
„Давно бы, можетъ быть, сей мужъ, краса гражданъ,
„Несносно иго свергъ съ раменъ полночныхъ странъ:
„Но мы столь слабы днесь, (простите дерзновенью) (1)
„Что позабыли долгъ заслугамъ, чести, рвенью.
„Сей мужъ, о комъ теперь взываетъ къ вамъ мой гласъ,
„Еще вѣщаю вамъ, находится средь насъ.“
Умолкъ, подвигъ сердца сей рѣчи простотою —
И на Собецкаго онъ указалъ рукою.

Синявскій, зря, что весь поколебался сонмъ,
Какъ странникъ на пути, изъ тучи внемля громъ,
Куда главу склонить отъ ужаса не знаетъ,
И въ чемъ спасенье зритъ, къ тѣмъ средствамъ прибѣгаетъ:
Такъ духъ въ немъ былъ смущенъ, но не измѣненъ зракъ:
Потоцкому онъ вдругъ къ вѣщанью подалъ знакъ.
Синявскій средь побѣдъ взращенъ былъ въ ратномъ полѣ
И славу онъ любилъ всего на свѣтѣ болѣ;
Со храбростью въ войнѣ, гдѣ часто лавры жалъ,
Всѣ доблести вождя искусно съединялъ;
Но алчная душа, порабощенна страсти,
Желаньемъ тлѣла въ немъ къ самодержавной власти.
Поклонниковъ собравъ и истинныхъ друзей
Орудья всѣ подвигъ ко цѣли онъ своей.
Потоцкій, другъ его, и славныхъ дѣлъ свидѣтель,
Въ Синявскомъ уважалъ военну добродѣтель:
Не меньше, какъ и въ томъ, властолюбивъ въ немъ духъ,
Но меньше онъ явилъ отечеству заслугъ.
Синявскій нуженъ былъ во время бѣдъ народу:
Онъ доблести имѣлъ, а тотъ одну породу.
Съ Синявскимъ изъ гражданъ, средь смутныхъ сихъ годинъ,
Стязаться о вѣнцѣ Собецкій могъ одинъ.

Собецкій, какъ и тотъ, не устрашимъ, искусенъ,
Заслугой знаменитъ, но кротокъ, равнодушенъ;
По бранныхъ буряхъ онъ, когда свой мечь слагалъ,
За подвиги отнюдь наградъ не принималъ;
По сродному своихъ великихъ свойствъ влеченью,
Блескъ царскій предпочесть не могъ уединенью;
И естьлибъ о дѣлахъ его народовъ забылъ,
Спокойнобъ средь побѣдъ на лаврахъ онъ почилъ.

Потоцкій гласъ вознесъ со видомъ ухищреннымъ:
„Кзелинскаго совѣтъ почелъ бы я священнымъ,
„Когдабъ представя двухъ соперниковъ изъ насъ,
„Одобрилъ одного народа общій гласъ.
„Собецкій знаменитъ, не спорю, и предъ вами
„Признаюсь, удивленъ я самъ его дѣлами.
„Но естьли инный мужъ есть равныхъ качествъ съ нимъ,
„Такъ должноли спѣшить намъ выборомъ такимъ?
„Синявскаго дѣла извѣстны меньшель свѣту?
„Другому иль тому порфирой быть одѣту,
„Для Польши есть равно: лишь толькобъ духъ Царя
„Любовью къ подданнымъ и ревностью горя,
„Низвергъ съ Сарматскихъ странъ стыда народна бремя,
„Которо низложить давно настало время.
„Собецкій храбръ въ войнѣ: но храбрость ли одна
„Главнѣшей доблестью въ Монархѣ быть донжна?
„Щедрота, благость, духъ, способность, терпѣливость,
„Познаніе двора, умъ хитрый, прозорливость,
„Вотъ качествы Царя — въ Синявскомъ зрите ихъ."

Онъ рекъ, и мужи всѣ, возставъ отъ мѣстъ своихъ,
Молили, да народъ безъ лести средь собранья
Согласье изъявитъ Монарха для избранья.
Синявскій, иль другій сію возприметъ честь,
Въ томъ сила, чтобъ на тронъ достойнаго возвесть.
Синявскаго друзья съ великой быстротою
Раздвигнувъ весь народъ стоящій предъ собою,
Изторглись на среду и вдругъ какъ гласомъ трубъ
Пустили яркій вопль: „Синявскій Польшѣ любъ!
Кзелинскій врагъ пронырствъ познавъ злоумышленье,
Спѣшилъ остановить мятежныхъ дерзновенье,

Къ совѣту обратясь онъ съ гнѣвомъ возгласилъ:
„Граждане, и судьи! ни кто изъ насъ не мнилъ,
„Чтобъ, наглой заговоръ употребивъ коварство,
„Насильно увѣнчалъ Синявскаго на царство!
„Кто алчетъ тронъ стяжать измѣной иль мечемъ,
„Достоинъ ли тотъ мужъ Сарматскимъ быть Царемъ?
„Вы ясно зрите днесь, что хитрость и крамола
„Простерли хищну власть къ снисканію престола.
„Потоцкій, не стыдясь быть въ сонмѣ побродягъ,
„Отечеству и намъ сталъ нынѣ лютый врагъ.
„Не польза общая, но собственные виды,
„Подвигли духъ его для сей вельможъ обиды;
„Онъ свой нарушилъ долгъ, права народны, честь:
„И должно ли его въ числѣ гражданъ почесть?
Едва онъ кончилъ рѣчь, трепещущь отъ досады,
Съ презрѣньемъ на него возведъ Потоцкій взгляды,
Вѣщалъ: „кто можетъ гласъ Кзелинскаго внимать?
„Безчестному ли здѣсь о чести разсуждать?
„Когдабъ къ совѣту я нарушить смѣлъ почтенье,
„Ты бъ кровью мнѣ воздалъ за люто оскорбленье.
Онъ рекъ; Кзелинскаго объемлетъ ярый гнѣвъ.
Какъ острымъ копіемъ во грудь пронзенный левъ,
Боль раны не стерпя, свирѣпствуетъ, рыкаетъ,
И бурно на стрѣлка неистовъ нападаетъ:
Кзелинскій тако внявъ обидну чести рѣчь,
Прещеніемъ дыша, изторгнулъ вдругъ свой мечь —
Подвигнулся, и въ семъ ожесточеньи яромъ
Потоцкагобъ сразилъ единымъ въ мигъ ударомъ;
Но се, возпрянувъ сталъ Собецкій между нихъ,
И удержалъ ударъ глаголомъ устъ своихъ.

„Престань, вложи свой мечь, не нарушай законы.
„Не нужны титла мнѣ, ни почести, ни троны:
„Не распри должно намъ внутрь царства возраждать,
„Но думать, какъ отъ бѣдъ отечество спасать.
„Я скиптра не ищу, ни власти надъ полками.
„Въ порфирѣ иль бронѣ сражаться со врагами
„Готовъ, когда сего потребуетъ народъ.
„Ты нынѣ оскорбленъ при ликѣ воеводъ
„И знатныхъ всѣхъ гражданъ: но укроти волненье;
„Въ законахъ ты найдешь для чести защищенье.
„Я въ томъ тебѣ клянусь народомъ и мечемъ,
„Заслугою моей и будущимъ Царемъ.
Онъ рекъ, и укротясь Кзелинскій рѣчью тою,
Свой мечь въ ножны пустилъ лѣнивою рукою;
Но мщенья огнь еще въ душѣ его пылалъ.
Объ камень раздробясь, свирѣпый тако валъ
Въ стремленіи своемъ всю силу вдругъ теряетъ
И отступая вспять, лишь ропотъ изпущаетъ.
Кзелинскій оскорбленъ изъ сонма вышелъ вонъ.
Въ сомнѣньи былъ совѣтъ, кого возвѣсть на тронъ.
Межъ тѣмъ, когда умы Сарматовъ раздѣленны
Смущались выборомъ, храня законъ священный,
Дающій право имъ изъ собственныхъ гражданъ
Назначить, утвердить владѣтеля ихъ странъ,
Побѣдоносный Карлъ направилъ путь въ Варшаву,
Чтобъ тамъ, разрушивъ сеймъ, дать скипетръ Станиславу.
Ужъ вождь его Ранхильдъ, прославленный въ войнахъ,
Отъ Цесарскихъ градовъ простеръ къ Сарматамъ страхъ;
Саксонію прошедъ, опустошалъ селенья,
И въ Польшѣ ожидалъ онъ съ Карломъ съединенья

Дрожаща Шлезія отъ сихъ крутыхъ премѣнъ,
Зритъ Карловы полки средь Макдебургскихъ стѣнъ,
И Готфамъ не творя въ походѣ ихъ препоны,
Впущаетъ въ Польскій край враждебны легіоны.
Уже достигнулъ Карлъ щастливыхъ тѣхъ полей,
Гдѣ осень, какъ весна ликуетъ средь лилей.
Межь злачныхъ острововъ древами осѣненныхъ
И пестрой изъ цвѣтовъ порфирой облеченныхъ,
Трудолюбивой гдѣ оратая рукой
Обилуетъ земля вкругъ жатвою златой,
Подъемлется гора съ кремнистыми холмами
И гордое чело скрываетъ подъ снѣгами.
Тамъ вѣчная зима воздвигла свой престолъ.
Текутъ изъ внутрь пещеръ ревущи токи въ долъ;
Вѣнчанный верхъ горы великой льдовъ громадой,
При солнцѣ зрится быть зажженною лампадой.
Прозрачныхъ камней рядъ, родящійся металлъ
И падающій въ низъ клокочущій кристалъ
Бросаютъ яркій свѣтъ на радостны долины:
Горятъ вокругъ холмовъ алмазы и рубины.
На радуги дѣлясь блистаетъ златомъ лугъ,
И токъ, крутясь, на брегъ со дна влечетъ жемчугъ;
Прохладны рощи тамъ стоятъ веселья полны;
Отъ юга Одра къ нимъ стремя сѣдыя волны,
И вдругъ на западѣ прервавъ земли упоръ,
Съ свирѣпостью течетъ въ сердца кремнистыхъ горъ.
Подъ сводомъ мрачнымъ тамъ въ жилищѣ вѣчной ночи,
На чудо естества взираютъ съ страхомъ очи.
Въ пространной пустотѣ лишь вѣтровъ слышанъ вой,
Которы каждый мигъ сражаются съ водой.

Вся тощая гора съ разверзтымъ въ безднѣ зевомъ
Ужасну реву бурь отзывнымъ платитъ ревомъ;
Отъ гнѣздищь отдѣлясь огромны камни тамъ,
Сѣдымъ порозши мхомъ, висятъ по сторонамъ,
Изъ внутренности горъ, изъ мрачнаго вертепа,
Изторгшися шумитъ въ поляхъ рѣка свирѣпа,
И раздѣляяся на множество частей,
Всѣ вѣси вкругъ бодритъ прохладою своей;
Бреславль, смотрясь въ ея кристаловидны воды,
Въ ничто вмѣняетъ шумъ военной непогоды,
Гордится крѣпостью и башенъ высотой,
Стѣнами облеченъ, какъ тучей громовой:
Издревле славенъ онъ обильными полями,
И красотою женъ, и бранными мужами;
Чрезъ малую рѣку изъ отдаленныхъ странъ,
Къ нему приноситъ въ даръ богатство океанъ.
Уже прешедши Карлъ благословенны селы,
Съ громадой войскъ вступилъ въ Сарматскіе предѣлы,
Минулъ Калишскихъ горъ песчаные хребты
И Плоцкихъ островов цвѣтущи красоты;
Уже очамъ его открылись, полны нѣги,
Подъ тѣнію лѣсовъ крутые вислы бреги.
Возникнулъ тамъ страны Сарматской властелинъ,
Высоковерхій градъ, какъ будто исполинъ;
Облекшися вокругъ зелеными лугами,
Взиралъ, какъ шелъ къ нему Карлъ съ грозными полками,
И тщетно для своихъ защиты дряхлыхъ стѣнъ
Воздвигнулъ сверхъ стрѣльницъ Сарматскихъ рядъ знаменъ,
Къ которымъ призывалъ онъ воиновъ къ отпору;
Но Карлъ, взведя полки свои на ближню гору,

И громы показавъ на гордыхъ высотахъ,
Грозилъ Варшаву всю преобратить во прахъ.
Разрушился совѣтъ; Сарматско ополченье,
Прибѣгло не къ мечу, поверглося въ смущенье:
Лишенные Царя и безъ вождей полки
Отважить не могли на брань своей руки;
Для договору шлютъ единаго изъ воевъ
Въ побѣдоносный станъ властительныхъ героевъ;
Но Готфскій отзывъ былъ: „Карлъ съ сильнымъ брань ведетъ—
А плѣнникамъ свои законы подаетъ;
Условій никакихъ не знаетъ онъ, ни Шведы:
Всѣ распри со врагомъ рѣшатъ его побѣды.
Кичливый сей отвѣтъ повергнулъ въ ужасъ градъ.
Отъ Готфовъ долженъ былъ законъ принять Сарматъ.
Отверзла Карлу путь внутрь стѣнъ своихъ Варшава,
Гдѣ сильная рука вѣнчала Станислава.
Въ то время въ первый разъ Сарматъ дивился, зря,
Что отъ враговъ своихъ имѣетъ онъ Царя,
Но въ прежни времена средь роскошей и мира,
По выбору вручалъ онъ скипетръ Казимира.
Лещинскій, Карловъ другъ, врагъ Августа, ПЕТРА,
Зналъ свойства сихъ Царей и таинства двора;
Бывъ мудрымъ, хитрымъ сталъ кичливости внушеньемъ.
Не рѣдко щастья блескъ намъ служитъ предкновеньемъ.
Умы Сарматовъ онъ на части раздѣля,
Простерся отъ наукъ на Марсовы поля;
И, зря въ народѣ духъ къ превратностямъ готовый,
На слабости гражданъ взглагалъ свои оковы.
Едины чтили въ немъ свойствъ прежнихъ простоту,
Другіе, льстясь взойти чиновъ на высоту,

Еще и безъ вѣнца Лещинскаго любили,
И съ радостью предъ нимъ колѣна преклонили.
Всѣ средства онъ обрѣлъ льстить умъ, ловить сердца,
Желаній чтобъ своихъ достигнуть вдругъ конца.
Ужъ Августъ былъ забытъ, вся Польша въ восхищеньи
Приняла нову жизнь средь общихъ наслажденій;
Корыстолюбье, лесть, воздвигнувъ щастью храмъ,
Предъ новымъ Королемъ курили фиміамъ.
Лещинскаго престолъ, народомъ утвержденный,
И Карловыми внѣ полками огражденный,
Казался страшнымъ быть для сѣверныхъ державъ:
Вознесъ свою главу вѣнчанный Станиславъ.

Синявскій средь торжествъ не чувствовалъ отрады,
Терзался духъ его полнъ мщенья и досады:
Лишенный Карломъ вдругъ престола и друзей,
Опасность забывалъ въ свирѣпости своей;
Искалъ, чтобъ утолить ужасну ярость мщеньемъ,
И смерть пренебрегалъ, подвигнутъ дерзновеньемъ.
Отчаянъ, уязвленъ, имѣлъ суровый видъ —
Отъ чувствъ его покой и сонъ отъ вѣждъ бѣжитъ
Потоцкаго ужъ онъ нигдѣ не созерцаетъ,
Мержинскаго клянетъ и слезы проливаетъ:
Мержинскій былъ ему нелицемѣрный другъ,
Величествомъ его не побѣждался духъ.
Когда Синявскій былъ сопутствуемъ льстецами,
И къ трону шествовалъ пространными шагами,
Тогда Мержинскій съ нимъ блаженства не вкушалъ;
Въ нещастьи жъ друга зря, къ Синявскому предсталъ,
И хочетъ раздѣлить съ нимъ бѣдства и мученье.

О дружба! ты одна въ напастяхъ утѣшенье!

Синявскій друга зритъ, объемлетъ — и въ тотъ часъ
Онъ многихъ былъ царей щастливѣе сто разъ;
Потухъ на время гнѣвъ въ душѣ страстьми возженной,
Являлся агнцемъ звѣрь пріязнью укрощенной;
Но долго онъ не могъ скрывать свой стыдъ, презоръ:
Огнь мщенія всегда къ возпламененью скоръ.
„О другъ! воскликнулъ онъ, теперь яви услугу,
„Вспомоществуй въ бѣдѣ сподвижнику и другу:
„Ты вѣдаешь, чѣмъ духъ Синявскаго сраженъ:
„Нѣтъ щастья для меня, доколь я не отмщенъ.
„Карлъ могъ лишить меня желанныя короны —
„Но остаются мнѣ Сарматски легіоны,
„Которы безъ вождя разсыпавшись въ поляхъ,
„Не вѣдаютъ еще, кто царь ихъ въ сихъ странахъ:
„На нихъ надѣжду я имѣю несомнѣнну.
„Я съ ними защищалъ страну врагомъ стѣсненну,
„Я съ ними понесу горящу местью грудь,
„И, можетъ быть, препну ко славѣ Карлу путь.
„Пускай познаетъ сей непобѣдимый воинъ,
„Что скипетромъ владѣть Синявскій былъ достоинъ.
„Хотя престола тѣмъ ужъ я не возвращу,
„Но радость мнѣ и то, что Карлу отомщу.“
Онъ рекъ, грядетъ — и въ станъ Сарматскій достигаетъ.
Мержинскій лишь одинъ его сопровождаетъ.
И се, не мѣдля вождь предъ воинствомъ предсталъ,
Которымъ прежде онъ со славой управлялъ.
Обыкшихъ ратниковъ къ жестокости военной
Томился праздностью духъ храбростью надмѣнной,
На ржавые мечи, на збрую и снарядъ
Въ бездѣйствіи своемъ бросали смутный взглядъ,

По ранамъ на груди побѣды изчисляли,
И лаврами они поблекшими скучали.
Видъ прежняго вождя, споспѣшника побѣдъ,
Въ печальныя сердца незапну радость льетъ.
Намѣреній его ни кто не проницаетъ;
До нихъ имъ нужды нѣтъ, сражаться всякъ желаетъ,
Всякъ хочетъ принести свою на жертву кровь;
Столь къ доблестнымъ вождямъ въ полкахъ сильна любовь!
Великой ревностью и славою влекомы,
Синявскому во слѣдъ готовы двигнуть громы.
Проникъ надмѣнный вождь, изполненный утѣхъ,
Сколь быстрый произвелъ приходъ его успѣхъ;
Желаннымъ ободренъ соратоборцевъ рвеньемъ,
Возпользовался онъ щастливымъ симъ мгновеньемъ.
„О воины! вѣщалъ, коль славы прежней гласъ
„Удобенъ возбудить заснувшу храбрость въ васъ
„И къ новымъ торжествамъ направить ваши слѣды,
„То бодрствуйте — пойдемъ въ отверзтый храмъ побѣды.
„На полѣ чести вы обыкли лавры жать:
„Се нынѣ часъ насталъ отечество спасать,
„Возставить Августа съ престола низложенна
„И показать сколь честь Сарматамъ драгоцѣнна.
„Лещинскому вѣнецъ данъ Карловой рукой;
„Во страхѣ весь народъ, нарушенъ вашъ покой;
„Грозитъ надмѣнный Карлъ, изполненъ дерзновеньемъ,
„Блескъ прежнихъ вашихъ дѣлъ на вѣкъ покрыть забвеньемъ;
„Рожденными насъ чтя для плѣна для цѣпей,
„Полкамъ Сарматскимъ онъ даетъ своихъ вождей,
„И хочетъ, что бы мы, пріявъ его уставы,
„Безчестно сдѣлались орудьемъ Готфской славы;

„Но я вашъ знаю духъ и мужество въ сердцахъ.
„Доколь еще у васъ оружіе въ рукахъ,
„Надѣжда Польшѣ есть. Се прежній вождь предъ вами,
„Подвигнутъ ревностью и вашими дѣлами,
„Готовъ начальства честь надъ войскомъ возприять,
„Сармановъ превознесть, иль славно жизнь скончать:
„Се избирайте днесь, иль рабствовать безъ бою,
„Иль вольность защищать послѣдуйте за мною."
Вѣщалъ, и общій кличь былъ воиновъ отвѣтъ,
А рвеніе къ вождю ихъ клятвѣнный обѣтъ.
Раздался къ ближней звукъ оружія дубравѣ — —
Уже спѣшатъ полки отъ праздности ко славѣ;
Уже Синявскій тѣхъ желанныхъ мѣстъ достигъ,
Гдѣ славный Шилинбургъ Саксонскій станъ воздвигъ.
Нещастливый сей вождь, заслугой знаменитый,
Въ сраженьяхъ ранами и лаврами покрытый,
Отечеству всегда бывъ вѣренъ средь крамолъ,
Поддерживалъ еще Сармаціи престолъ,
Но бранью утомясь и общихъ странъ волненьемъ,
Спасалъ свои полки отъ Гопфовъ отступленьемъ;
Отъ Россовъ ожидалъ на помощь храбрыхъ силъ,
Которыхъ щастію упрямый рокъ претилъ.
Отъ Гродна Россъ, къ ПЕТРУ исполненный любовью,
Творилъ къ Варшавѣ путь сраженьями и кровью;
На каждомъ онъ шагу встрѣчаясь со врагомъ,
На сѣверны полки бросалъ полночный громъ,
И мѣдленный походъ вѣнчая звучной славой,
Не могъ пособья дать Сарматамъ подъ Варшавой.
На мѣсто помощи отъ Росскія руки
Саксонскій видитъ вождь Краковскіе полки:

Страшась подлога, онъ питалъ въ душѣ сомнѣнье.
Изъ стана шлетъ посла въ противно ополченье,
Ктобъ нибылъ въ ономъ вождь, чтобъ прежде стрѣтясь съ нимъ,
О дружбѣ иль войнѣ рѣшеніемъ своимъ
Предъ войскомъ утвердилъ. Послу Синявскій внемлетъ,
И дружественно онъ соратника объемлетъ;
Грядущіе свои полки остановилъ,
Къ свиданью двухъ вождей гласъ трубный знакомъ былъ.
И се, дабы рѣшить сомнительну судьбину,
Отъ воинства вожди выходятъ на средину:
Уже Сарматскій вождь простеръ къ Саксонцу гласъ
И рекъ: „насталъ теперь желанный мщенья часъ:
„Къ защитѣ Августа Сарматы ополченны,
„Храня имъ сродну честь и клятвы долгъ овященный,
„Съ охотою несутъ перуны на враговъ,
„И каждый умереть изъ нихъ со мной готовъ;
„Вели своимъ полкамъ устроиться ко брани:
„Да громы будутъ ихъ Вандаламъ вмѣсто дани.
„Ранхильдъ, что устрашалъ Германскія страны,
„Ждетъ съ Карломъ съединясь рѣшить судьбу войны,
„Какъ будто ослабѣвъ Сарматски легіоны
„Не могутъ ужь ни въ чемъ творить ему препоны:
„Ты въ тылъ зашедъ врагамъ, начни кровавый бой,
„Меняжъ, они узрятъ лицомъ передъ собой.
„Покажемъ свѣту тѣмъ, что намъ и сами бѣдства
„Къ отважнымъ подвигамъ даютъ надежны средства;
„Чтобъ изумленный Готфъ, не мнивъ насъ зрѣть ни гдѣ,
„По всюду находилъ — и смерть встрѣчалъ вездѣ.
Такое Польскій вождь представилъ изкушенье
Саксонскому вождю на лестное сраженье,

И собственную месть нося въ душѣ своей,
Подъ видомъ ревности искалъ онъ пищи ей.
Но мудрый Шилинбургъ, отъ Карла побѣжденный
И осторожности нещастьемъ наученный,
Хотя усердья жаръ въ Синявскомъ одобрялъ,
Но слѣпо вѣрить онъ Сармату не дерзалъ;
Во глубинѣ души скрывъ радость чрезвычайну,
Извѣдать онъ хотѣлъ его сердечну тайну,
И се, внималъ Сарматъ; „искусный вождь полковъ,
„Мнѣ лестно зрѣть твой мечь подъятый на враговъ;
„На полночи гремитъ твоя во бранехъ слава:
„Но ты, свободы другъ, соперникъ Станислава,
„Врагъ Августовъ — я зрю, сей рѣчью ты смущенъ:
„Возможно ли, чтобъ былъ со мною откровенъ?"
„То истина, вѣщалъ Синявскій съ быстротою,
„Лещинскій нынѣ ставъ монархіи главою
„И лестію стяжавъ назначенну мнѣ честь,
„Возжегъ во мнѣ вражду и духъ подвигъ на месть.
„Я Августа любилъ, доколь вѣнца сіянье
„Родило въ сей душѣ величества желанье.
„Почтенъ казался мнѣ въ Монархѣ гражданинъ,
„Но въ гражданинѣ мнѣ противенъ властелинъ,
„Не могъ любить царя и жить въ его законѣ.
„Я гордъ, властолюбивъ, а Августъ былъ на тронѣ!
„Вотъ чувствія мои; теперь не вопрошай
„Синявскій предъ тобой, будь другъ ему . . . . отмщай,
„Сражайся за царя, за Польшу оскорбленну,
„За собственную часть и славу помраченну.
Умолкъ, отмщенья огнь блисталъ въ его очахъ,
Предвозвѣщающій грядущей брани страхъ.

Весельемъ процвѣли вождей геройски лицы:
Въ знакъ дружбы сопрягли они свои десницы.
Уже и сей, и тотъ, возвращшися къ полкамъ,
Подвигли грозну рать вдоль Вислы по брегамъ.
Какъ два младые льва низвергнувши ограду,
Несутся обуявъ на общу добычь къ стаду:
Такъ храбрые вожди стремились на враговъ.
Уже былъ видѣнъ станъ Ранхильдовъ межь лѣсовъ.
Чтобъ въ тылъ зайти врагамъ, съ Саксонскими полками
Искусный Шилинбургъ пошелъ двумя рядами;
Чрезъ блата страшныя творя опасный ходъ,
Перунами далъ знать онъ къ Готфамъ свой приходъ.
Удары грома внявъ Синявскій, полнъ отрады,
Для мщенья своего приближилъ войскъ громады.
Уже изъ мѣдныхъ жерлъ шумитъ разящій градъ:
Лѣса и воздухъ весъ сталъ пламенемъ объятъ.
Ранхильдъ, хотя сего нечаялъ нападенья,
Но былъ всегда готовъ враговъ для отраженья;
Ранхильдъ, сей славный мужъ, извѣстный Карловъ другъ,
Съ властителемъ своимъ имѣлъ единый духъ:
Подобно, какъ и тотъ, кичливъ, свирѣпъ, упоренъ,
Хоть былъ бы побѣжденъ, но гордъ и не покоренъ;
И естьли иногда онъ лавры уступалъ,
И въ тѣ часы враговъ во трепетъ повергалъ.
Таковъ былъ Готфскій вождь. Онъ рать устроилъ къ бою,
Имѣя ближній лѣсъ защитой за собою;
Сомкнувши полкъ съ полкомъ и ставъ къ врагу лицемъ,
Готфъ силы отражалъ въ безстрашіи своемъ.
Синявскій, чтобъ привесть противный строй въ смятенье,
Двукратно на враговъ онъ дѣлалъ нападенье.

Какъ твердая стѣна стояла Готфска рать:
Сарматы не могли ее поколебать.
Ревутъ съ обѣихъ странъ разженныя гортани;
Отъ разящихъ смерть приемлетъ равны дани.
Какъ будто въ знойный день изъ тучи громовой,
Перуны сыпались отъ Готфовъ въ Польскій строй:
Не могъ Синявскій войскъ своихъ придвигнуть болѣ:
Бѣднѣло трупами покрыто ратно поле.

Мержинскій, другъ вождя соплеменныхъ полковъ,
Сквозь грудь пронзенъ свинцомъ безъ чувствъ низвергся въ ровъ,
Но смерть еще его отсрочила кончину;
Износится сей мужъ на злачную равнину,
Гдѣ громы не могли отъ Готфовъ досягать.
Синявскій, видя то, составилъ храбру рать;
Къ Мержинскому достигъ; зря раны въ немъ глубоки,
Удерживаетъ онъ рукой кровавы токи,
Другою же надъ нимъ немѣдленно простеръ
Хоругвь Сарматскихъ войскъ, подобно какъ шатеръ.
Въ молчаньи вкругъ него сподвижники избранны
Стояли на штыки опершися трегранны.
Въ семъ видѣ вождь полковъ со стономъ возгласилъ:
„О рокъ! почто ты дней моихъ не прекратилъ!
„Не возприялъ бы я мучительной сей дани,
„Которую принесъ мнѣ вѣрный другъ во брани.
„Хотябъ вѣщалъ мою побѣду трубный гласъ,
„Не ощутилъ бы я веселія въ сей часъ!
„Вотъ мщенія плоды! . . . о другъ! какою мздою
„Воздамъ тебѣ за кровь пролитую тобою?
Въ отвѣтъ къ нему простеръ сію Мержинскій рѣчь:
„Не трать драгихъ минутъ, дерзай на подвигъ течь:

„Примѣромъ обоих ослабши бранью войски
„И въ бѣдствахъ покажи имъ духъ вождя геройскій;
„Возстань, иди — и рать противну поражай,
„И тѣмъ взаимный долгъ ты дружеству воздай.
Умолкъ, и вождь полковъ, средь лютыя напасти,
Сподвижника вручилъ небесъ всесильной власти.
Хоругвь, что онъ воздвигъ десницею своей,
Возпринялъ отъ него единый изъ мужей.
Простясь со другомъ вождь, летитъ стрѣлы быстрѣе
Къ отрядамъ преднихъ войскъ, гдѣ брань горитъ сильнѣе;
Достигнувъ видитъ тамъ средь Гродненскихъ полковъ
Поверженныхъ вождей перунами враговъ:
Багрѣютъ вкругъ тѣла въ крови сгущенной прахомъ.
При видѣ семъ герой поколебался страхомъ.
Лежитъ Муравскій тамъ съ отторженной главой;
Хамара безъ руки, что первый началъ бой;
Рудольфъ, Пашкевичъ, Янъ, и сѣдиной покрытый,
Огинскій, вождь полка, наѣздникъ знаменитый.
Онъ вторгся къ Готфамъ въ строй, и съ малымъ войскъ числомъ
Едва не одержалъ побѣду надъ врагомъ;
Но бывши встрѣченъ вдругъ изъ жерлъ разящимъ градомъ,
Погибъ, и полкъ его съ нимъ легъ на мѣстѣ рядомъ.
„Отмщу за вашу смерть Синявскій къ нимъ вѣщалъ;
И съ громомъ на враговъ не мѣдля поспѣшалъ.
Носясь изъ строя въ строй, смерть къ Готфамъ бѣгъ склоняетъ,
И слѣдъ ея ряды кровавыхъ тѣлъ являетъ.
Тамъ вождь шести дружинъ безстрашный Тигерштетъ,
Уязвленный въ чело на землю мертвъ падетъ,
Тамъ Шульцъ, стрѣлковъ ополотъ, тамъ Крузъ, махинъ правитель,
И храбрыхъ всадниковъ Гиршпарбегъ предводитель,

Менау, Травенфельдъ; Британцы: Штеръ, Сидней,
Почили вѣчнымъ сномъ средь Марсовыхъ полей.
И ты, какъ цвѣтъ, увялъ, потомокъ Римскихъ воевъ,
Младый Іуліусъ, краса и честь героевъ!
И испускающій послѣдній съ жизнью стонъ,
Окончилъ дни свои знаменоносецъ Бронъ.

Межь тѣмъ Саксонска рать, прешедъ сквозь дебрь дремучу,
Открыла по врагамъ громоносящу тучу:
Смутился храбрый Готфъ, объятый вкругъ огнемъ;
Но щастьемъ ободренъ, надѣждой и вождемъ,
Мечталъ, неусумнясь, съ царемъ своимъ надмѣннымъ,
Что онъ не можетъ быть отъ смертныхъ побѣжденнымъ.
Другимъ побѣды плодъ отчаянье даетъ;
Готфъ твердостью души во брани лавры жнетъ.
Саксонска всадники трекратно нападали,
Но свержены съ коней стрѣлками жизнь скончали;
Не можно было имъ пробиться въ Готфскій строй:
Съ толикой силой врагъ творилъ кровавый бой!
Въ то время Шилинбургъ съ храбрѣйшими мужами,
Напавши на стрѣлковъ и ихъ разя мечами,
Отверзъ пространный путь къ враждебному крылу,
И, мужествомъ своимъ превысивъ похвалу,
Онъ нудитъ Готфовъ въ бѣгъ, полки свои сзываетъ,
Колеблетъ вражій строй, разитъ и расторгаетъ.
И вскорѣ бъ увѣнчалъ онъ лаврами себя:
Но злый измѣны духъ, свой ковъ употребя,
Приемлетъ на себя геройской образъ славы:
Въ сіяніи лучей летитъ въ поля кровавы —
Достигъ въ Саксонску рать и сталъ въ томъ мѣстѣ онъ,
Гдѣ Готфовъ поражалъ отъ Галловъ легіонъ:

Тѣхъ Галловъ были въ немъ позднѣйшіе потомки,
Которы въ древности дѣлами стали громки.
Отечество свое оставя ихъ сыны,
Служили Августу съ начала сей войны.
Духъ мрака вѣдалъ ихъ сердца неблагодарны,
Обуреваемы страстями и коварны:
И тако имъ вѣщалъ: „потомки славныхъ чадъ,
„Какихъ за подвигъ сей надѣетесь наградъ?
„Сіяньемъ Готфскихъ дѣлъ вашъ духъ да озарится,
„И храбрый Галловъ полкъ предъ Карломъ да смирится:
„Стыдитесь защищать, усердіемъ горя,
„Лишеннаго вѣнца, изгнанника — Царя;
„Безъ власти, безъ друзей, сраженнаго судьбою,
„Влекущаго вездѣ безчестье за собою,
„Который, какъ бѣглецъ, скрываясь по лѣсамъ,
„Страшится показать себя своимъ полкамъ:
„Низвергните съ себя невольничьи оковы.
„Награды съ Карломъ вамъ и почести готовы.
Сей гласъ, какъ быстрый огнь, промчался по сердцамъ.
Полкъ Галловъ сталъ тогда въ себѣ не властенъ самъ.
Выходитъ изъ рядовъ, колѣна преклоняетъ,
И съ Готфомъ съединясь Саксонцевъ низлагаетъ.
Простерлися вездѣ смятеніе и страхъ;
Надежда ожила въ Ранхильдовыхъ полкахъ.
Собравши бѣглецовъ, сей вождь, съ сугубымъ жаромъ,
Несется на враговъ съ рѣшительнымъ ударомъ.
Саксонцы въ страхѣ мнятъ, что Готфовъ нова рать
Пришла къ Ранхильду въ день сраженья помогать;
Оружье побросавъ, среди рядовъ смѣшенныхъ,
Бѣгутъ какъ стадо сернъ отъ скимновъ разъяренныхъ.

Сарматовъ тотъ же страхъ пресѣчь понудилъ бой.
Покрылися поля бѣгущихъ воевъ тьмой.
Десница Готфска всѣхъ не мѣдлябъ истребила,
Когда бы мрачна ночь отъ взора ихъ не скрыла:
Синявскій, Шилинбургъ, съ остатками полковъ,
Спаслися темнотой и бѣгствомъ отъ враговъ.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ ПѢСНИ.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Между тѣмъ, какъ Государь отправился изъ Ингріи въ Москву для укрощенія 5-го Стрѣлецкаго бунта, Мазепа предался на сторону Карлову, и, распустивъ рирегулярныя войски, Запорожское, Донское, Уральское и Калмыцкое, соединился съ Карломъ съ нѣсколькими полками предателей. Карлъ, ожидая прибытія Левенгаубтова, вознамѣрился всѣми силами, соединясь съ нимъ, ударить на Москву. ПЕТРЪ Великій спѣшитъ отъ Смоленска, чтобъ отрѣзать Левенгаубта и возпрепятствовать его соединенію съ Карломъ.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Умолкшу грому битвъ въ поляхъ войны плачевной,
Гдѣ храбрыхъ трехъ племенъ крутился подвигъ гнѣвной,
Скрывала въ мракѣ нощь поверженны тѣла,
Доколь златая въ міръ денница не взошла:
Тогда въ поляхъ полкамъ представилося ясно
Минувшія вражды позорище ужасно.
Межь тысящами тѣлъ вкусившихъ смерть мужей
Тамъ Готфы зрятъ своихъ и кровныхъ и друзей:
И славную сію побѣду надъ врагами
Не свѣтлымъ торжествомъ, но празднуютъ слезами;
Стяжанный кровію героями вѣнецъ
Прискорбенъ для самихъ свирѣпѣйшихъ сердецъ.
Печальны воины, Ранхильда внявъ велѣнью,
Спѣшатъ предать своихъ со честью погребенью;

Противныхъ же тѣла, простерты по полямъ,
Оставили въ корысть пернатымъ и звѣрямъ.
Такъ гордыя души, величьемъ уязвленной,
Потухъ воинскій жаръ, отмщеніемъ возженной.
Героямъ родный стыдъ въ случаяхъ таковыхъ
Сталъ Польскому вождю творцомъ мученій злыхъ.
Казалось будто власть всеправящей судьбины
Ко славѣ Готфской всѣ подвигнула причины,
Чтобъ Карла вознести превыше всѣхъ владыкъ,
Чтобъ онъ въ сраженьяхъ былъ не побѣдимъ, великъ,
Чтобъ всю Европу имъ привесть во изумленье:
И сдѣлать тѣмъ его ужаснѣе паденье.
Подвластенъ Готфамъ сталъ Сармаціи предѣлъ.
Еще не зрѣлся тамъ полночныхъ странъ орелъ;
Еще отстроченъ былъ Петровой полдень славы,
Что предназначилъ Богъ ему въ поляхъ Полтавы.
По громкихъ въ Ингріи побѣдахъ надъ врагомъ,
Въ Россію обратилъ Монархъ свой страшный громъ,
Чтобъ внутреннюю брань, возженну вновь расколомъ,
Пресѣчь, и наглыхъ сонмъ повергнуть предъ престоломъ.
Всѣ бѣдствія стеклись, и всѣ ПЕТРУ грозятъ:
Здѣсь Августъ побѣжденъ; въ Россіи злобы ядъ
Разлился по сердцамъ стрѣльцовъ, бояръ надмѣнныхъ,
Еще въ невѣжествѣ старинномъ закоснѣнныхъ;
Измѣна отъ вождя копіеносныхъ силъ,
Конюры для ПЕТРА предатель ополчилъ.
Ударъ сей былъ Царю опаснѣе, чѣмъ Шведы,
Простершіе свои на полночи побѣды.
Мазепа отверзалъ къ Москвѣ измѣнной путь,
И вящше надмѣвалъ тѣмъ Карлову онъ грудь.

Свирѣпый сей герой, возпламененный мщеньемъ,
Россіи угрожалъ великимъ ополченьемъ:
Съ Ранхильдомъ сьединясь, Мазепу въ помощь ждалъ;
И Левенгаубтъ войскъ съ громадой поспѣшалъ,
Неся во Карловъ станъ перуны и снаряды:
Уже сей вождь протекъ При-двински многи грады.
Крылатая молва гремящею трубой
Гласитъ по всѣмъ странамъ Ранхильдовъ славный бой;
Паденье Августа, лишеннаго державы
И вновь грядущія сраженія кровавы:
Лжевѣтница сія столь въ шествіи быстра,
Что прежде истины достигла до ПЕТРА;
Представила ему власть Карловой десницы,
И розрушеніе Россійскія столицы,
Къ которой грозный вождь не оборимыхъ силъ,
Направилъ мысль свою и громы обратилъ.
Сей вѣстію Монархъ поверженный въ смущенье,
Велѣлъ остановить Россійскихъ войскъ движенье,
Чтобъ Шереметевъ свой пренесъ не мѣдля громъ,
И Готфовъ ожидалъ, воздвигшись надъ Днѣпромъ.
О музы! пѣли мы досѣль кровавы бои,
Гдѣ, Росски лаврами увѣнчанны герои,
По тернамъ шли съ ПЕТРОМЪ безсмертной славы въ храмъ,
И ужасъ разнесли по сѣвернымъ странамъ:
Великую въ дѣлахъ и чудну зря премѣну,
Гласите, музы, днесь коварство, лесть, измѣну.
Уже Уральскихъ войскъ При-донскихъ и степныхъ
Батуринъ не вмѣщалъ въ окрестностяхъ своихъ:
Несмѣтныхъ копій видъ и стрѣлоносцевъ славныхъ,
И ржаніе коней въ долинахъ многоправныхъ

Разпространяли страхъ по селамъ и градамъ;
Но паче, сродный духъ безтрепетнымъ мужамъ,
Блисталъ у всѣхъ въ очахъ и въ каждомъ ихъ движеньѣ.
Надѣжда побѣдить усугубляла рвенье.
Различныхъ странъ племенъ полки среди полей
Подъ предводительствомъ обычныхъ ихъ вождей
Къ Мазепѣ собрались, да ими управляетъ,
И за Россію въ бой противъ враговъ дерзаетъ.
Оружье сихъ мужей, стрѣла и копіе,
Сырое мясо, снѣдь, кровь конска, питіе;
Одѣжда ихъ, хитонъ изъ неискусной ткани;
Селенія, шатры, наука, ратны брани.
Межъ многими изъ сихъ воинственныхъ племенъ
Являлись всадники невѣдущіе женъ;
Звѣрямъ подобну жизнь ведя въ пустыняхъ мрачныхъ,
Ни сладости любви, ни узъ не знали брачныхъ.
Воловей кожей ихъ покрыты рамена;
Угрюмость на челѣ и злость въ очахъ видна:
Не слава, но корысть во брани ихъ награда.
Оружье было ихъ изполненное яда,
Которо, естьли въ плоть противничью унзитъ,
Въ смертельну рану вдругъ все тѣло обратитъ.
Сей грозной рати вождь съ двумя въ рукахъ копьями,
Свирѣпостью дыша—носился предъ полками,
И въ знакъ, что жданный часъ кровавыхъ битвъ насталъ,
По свойству варваровъ зубами скрежеталъ.
Мезепа, возмечтавъ Царю противустати,
Отъ страха взтрепеталъ при видѣ оной рати:
Онъ зналъ, что заградитъ она къ измѣнѣ путь,
И, бывъ другихъ хитрѣй, предпринялъ обмануть.

ПЕТРОМЪ взведенный сей на верхъ Гетманской власти,
Онъ долго сокрывалъ свои зловредны страсти.
Къ измѣнѣ склонный духъ питающій тиранъ,
Коварствомъ приобрѣлъ довѣренность гражданъ;
И уважая въ немъ дѣла и духъ геройскій,
Любилъ его Монархъ и чтили храбры войски:
Злокозненна душа наружностью простой
Далеко увлекла вниманье за собой.
Мазепа ждалъ того не терпѣливо время,
Въ которобъ могъ съ себя сложить подданства бремя.
Казалось, древность лѣтъ, ліюща въ сердце хладъ,
Должна бы потушить страстей горящихъ ядъ,
Но въ немъ она лишь ихъ усугубляла пламень
И превращала въ огнь волшебной силой камень.
Мазепа преклонясь на Карлову страну,
Паденіемъ ПЕТРА окончить мнилъ войну.
Рѣшителенъ и храбръ, средь самыхъ бѣдъ коваренъ,
Властолюбивъ, свирѣпъ, кичливъ, не благодаренъ,
Хоть грозной рати видъ его повергнулъ въ страхъ,
Хоть ревность зрѣлъ къ ПЕТРУ горящую въ сердцахъ:
Но вскорѣ всѣ его разрушились сомнѣнья,
Онъ долго не привыкъ въ душѣ питать смущенья.
Тѣ войски, что Монархъ на Готфовъ ополчилъ,
Мазепа для ПЕТРА на гибель обратилъ.

Собравшимся вождямъ полковъ племенъ различныхъ,
Быть праздными въ рукахъ съ оружьемъ необычныхъ,
Измѣнникъ такъ вѣщалъ: „кто бъ нынѣ бывши мной
„Веселья не вкусилъ столь бодрый видя строй?
„Какая честь ПЕТРУ! о вождь, копійметатель!
„Обильныхъ водъ, полей щастливый обладатель!

„Желаю, да твои безтрепетны полки
„Сподобятся всѣхъ благъ отъ Вышняго руки!
„Тебѣ же, крѣпкій вождь врагамъ во брани грозный,
„Защитникъ царскихъ правъ, герой калчаноносный,
„Желаю тучныхъ стадъ для пиршествъ средь друзей
„И быстроскачущихъ въ сраженіи коней.
„Вамъ такъже, о вожди При-Дона и Урала,
Которыхъ честь всегда для славы сполчала,
„Хвалы принадлежатъ въ награду тѣхъ трудовъ,
„Къ подъятью коихъ васъ подвинулъ гласъ ПЕТРОВЪ.
„Монархъ моими вамъ устами объявляетъ,
„Что онъ на подвигъ вашъ съ веселіемъ взираетъ.
„Повиновенья долгъ къ велѣніямъ его
„Въ душѣ своей цѣнитъ онъ болѣе всего.
„Сложась отъ всѣхъ сторонъ враждебныя стихіи,
„Не давно бѣдствіемъ грозили всей Россіи;
„Мятежниками внутрь терзалася она,
„Отъ внѣ смущала духъ кровавая война.
„Уже надмѣнный Карлъ хвалился Готфамъ вскорѣ
„Россійскія странны въ Сарматско ввергнуть горе.
„Недавно Августъ. Царь, зря рушеннымъ свой тронъ,
„Лобзалъ десницу ту, которой сверженъ онъ.
„Се вашего сюда собранія причина.
„Но нынѣ видъ иной дѣламъ дала судьбина.
„Монархъ мнѣ повелѣлъ всѣ войски распустить,
„И знаки своего признанья изъявить.
„Прискорбно видѣть мнѣ, что столь ужасны громы
„Безъ дѣйства должно вамъ пренесть обратно въ домы.
„Великій подвигъ сей достоинъ былъ наградъ:
„Всеобщимъ торжествомъ, да будетъ вашъ возвратъ.”

Онъ рекъ, и грамоту подложну возвѣщаетъ,
И именемъ ПЕТРА имъ дары предлагаетъ:
Донскій начальникъ мечь сподобился приять,
Имущій изъ сребра драгую рукоять,
Богатую челму украшенну бобрами
И сулицу съ двумя златыми ободами;
Уральскій награжденъ хитономъ и сѣдломъ,
Покрытымъ изъ шелковъ со тканнымъ чепракомъ;
Калмыцкій получилъ два острые кинжала:
Поверхность ихъ ноженъ каменьями блистала;
А запорожскихъ силъ вождю въ награду данъ
Съ стрѣлами изъ сребра изваянный калчанъ
И бурный Маврскій конь съ гремящими браздами:
Крутился онъ и ржалъ, и воздухъ билъ ногами.
Потомъ вся оныхъ рать съ избыткомъ почтена,
Частьми изящныхъ мясъ и кубками вина.

Наградою Царя вожди довольны были,
И всю велику рать къ походу учредили.
Какъ многи стаи птицъ, летящихъ отъ морей,
Такъ войско поднялось съ Батуринскихъ полей;
Вилась густая пыль предъ быстрыми полками
И сокрывала ихъ отъ зрѣнья облаками.

Предатель, удаливъ препонъ ужасный видъ,
Свободно замыслъ злой къ метѣ своей стремитъ,
И, чтобъ желаннымъ въ томъ успѣхомъ увѣнчаться,
Осталось лишь ему своихъ склонить стараться.
Сей пагубный союзъ Россіи со врагомъ
Желаетъ онъ начать всеобщимъ торжествомъ:
Близь Дисненскихъ бреговъ, въ юдоли изпещренной,
Для пиршества шатеръ воздвигся позлащенной:

Онъ крылья разпростеръ далеко по полямъ,
Убранствами гордясь, стоялъ, какъ пышный храмъ;
По верхъ его въ признакъ Гетманскія свободы,
Обычно, какъ творятъ всѣ варварски народы,
Три конскіе хвоста пущенные на вѣтръ
Вкругъ вѣяли знаменъ, что далъ Гетману ПЕТРЪ;
Для ратниковъ простыхъ въ сосудахъ чистой мѣди
Являлись на лугахъ вино и тучны снѣди.
При каждомъ тамъ столѣ велѣніемъ вождей
Возсѣло пятьдесятъ воинственныхъ мужей.
Въ доль брега ихъ кони стояли отрѣшенны,
И копья, будто лѣсъ, тряслися въ долъ вотченны.
Довольствъ и нѣги дщерь, веселость, мать отрадъ,
Ликующа среди щастливыхъ брани чадъ,
Съ зардѣвшимся челомъ, съ двумя въ рукахъ ковшами,
И полными огня и живости очами,
Летала вкругъ столовъ съ клубящимся виномъ:
Столовъ же было всѣхъ четыреста числомъ.
Пресытившися всѣ отъ роскоши трапезной,
Готовятся въ походъ для брани многослезной.
Во ожиданіи Гетмана и вождей,
Въ десницы копья взявъ, взлетѣли на коней.
Отверзлися врата на сѣверъ сорученны:
Является Гетманъ вождями провожденный:
Ходъ мѣдленный творя, едва къ шатру достигъ,
Какъ вдругъ отъ рати всей гласъ радосный возникъ:
Въ два длинные ряда стояще ополченье
Изобразило тѣмъ любовь къ нему и рвенье.
Мазепа, возприявъ отъ войскъ достойну честь,
Далъ знакъ рукой вождямъ, чтобъ имъ въ шатрѣ возсѣсть:

Возсѣли съ нимъ за столъ, гдѣ роскошь съ простотою
Разсыпала дары всещедрою рукою.
Изящныя мяса, обилье тучныхъ стадъ
И сладкіе плоды по вскраніямъ стоятъ;
Гордятся полны тамъ, для пиршества отраднымъ,
Сосуды изъ сребра съ напиткомъ виноградным.
Уже златый потиръ съ виномъ цѣны драгой
Переходилъ къ мужамъ пирующимъ чредой,
Уже у всѣхъ въ очахъ духъ радости сіяетъ,
Веселья лишь одинъ Гетманъ не ощущаетъ:
Коварны помыслы, какъ бурной тучи мгла,
Носились вкругъ его угрюмаго чела;
Надежда и боязнь и призракъ ложной славы
Держали передъ нимъ сосудъ изполнь отравы:
При видѣ семъ въ душѣ колеблется Гетманъ,
Раскаянье питать удобенъ и тиранъ.
Но плѣнный духъ страстьми, обманутый мечтою,
Гласъ совѣсти глушилъ тщеславія трубою.
Онъ гонитъ отъ очей душевныхъ правды свѣтъ,
И чашу смертную со жадностью піетъ.
Такъ, злый предатель ковъ сплетая сокровенно,
Готовилъ для ПЕТРА позорище плачевно.
Едва въ умѣ своемъ золъ дѣйства начерталъ,
Какъ будто вдругъ отъ сна глубокаго возсталъ;
И на присущихъ съ нимъ возведши взоръ свирѣпый,
Отрыгнулъ словеса достойныя Мазепы:

„Сподвижники, вожди, носящи въ бранехъ страхъ,
„Всеобща польза насъ собравъ на сихъ поляхъ,
„Не подлу робость днесь должна внушать, но славу.
„Послѣдуемъ, друзья, во всемъ ея уставу.

„Преклонна жизнь моя, какъ токъ съ горы крутой,
„Страсть почестей мірскихъ умчала за собой.
„Для щастія гражданъ, для общія защиты,
„Предпринялъ я дѣла велики, знамениты.
„Разрушить рабства цѣпь давно пылалъ мой духъ.
„Насталъ сей жданный часъ. Безсмертный Карлъ, нашъ другъ,
„Спѣшащій на Москву взложить свои оковы,
„И уничтожить тѣмъ намѣренья ПЕТРОВЫ,
„Намъ явно доказалъ различье межъ собой:
„ПЕТРЪ дѣйствуетъ какъ вождь, тотъ мыслитъ какъ герой.
„Одинъ едва возникъ, и съ робкими полками
„Не можетъ потушить возженный бунтъ стрѣльцами:
„Колеблютъ мятежи Россійскій весъ предѣлъ.
„Другій, какъ исполинъ, иль въ воздухѣ орелъ,
„Паритъ, все рушитъ въ прахъ, съ престоловъ низвергаетъ,
„Даетъ вѣнцы рабамъ, и царствы раздѣляетъ,
„Грозитъ пренесть въ Москву свой громъ въ грядущій годъ
„И истребить огнемъ ПЕТРОМЪ созданный флотъ.
„Въ сей славѣ хочетъ онъ чтобъ мы участье взяли
„И лаврами себя въ Россіи увѣнчали.
„Въ награду онъ сулитъ Смоленскихъ область странъ,
„Гдѣ будетъ управлять народомъ вашъ Гетманъ,
„Подобно всѣмъ вождямъ, разрушившимъ преграды,
„Назначилъ за дѣла достойныя награды.
„Въ сей день опредѣленъ полкамъ моимъ походъ:
„То вамъ извѣстно всѣмъ, то знаетъ весь народъ.
„Отъ данныхъ клятвъ ПЕТРУ я васъ освобождаю,
„И Карлу, какъ Царю и другу присягаю:
„Клянусь моимъ мечемъ и храбростью полковъ,
„Доколь зрю солнца свѣтъ, держаться оныхъ словъ.„

Умолкъ, и всѣ вожди присягу утвердили;
Да здравствуетъ Король! согласно возопили.
Одинъ лишь пребылъ твердъ изъ собранныхъ вождей,
Начальникъ трехъ полковъ, прозваньемъ Кочубей.
Не могъ терпѣть сей мужъ коварства и обиды:
Давно проникнулъ онъ во всѣ Гетмански виды;
И зря, что цѣла рать къ предательству склонна,
Онъ ярростенъ возсталъ, и шуменъ отъ вина,
Схвативъ свое копье, сотрясъ его рукою,
И въ землю углубя, поставилъ предъ собою:
„Какъ древо копія во вѣкъ не процвѣтетъ,
„Такъ, рекъ онъ, Кочубей на Россовъ не пойдетъ.
„Оружіемъ владѣть мои обыкли длани.
„За Карла, иль ПЕТРА лить кровь на полѣ брани,
„Едино для меня. Я былъ всегда вождемъ,
„И почести снискалъ заслугой и мечемъ.
„Когда бъ тѣснилась здѣсь гражданская свобода,
„Я первый бы отвергъ обѣты для народа;
„Не бывши одолженъ ничѣмъ сему Царю,
„Я могъ бы съ нимъ вести за обще благо прю.
„Но ты, коварный мужъ, забытый цѣлымъ свѣтомъ,
„Возвышенный ПЕТРОМЪ сталъ зависти предмѣтомъ!
„Коль въ домѣ я твоемъ свой взоръ куда простру,
„Зрю ясно, что за все обязанъ ты ПЕТРУ:
„Твоя велика власть, твой санъ, твое стяжанье,
„Монаршія руки есть щедро изліянье;
„И ты дерзаешь днесь Россіи измѣнять!..
„Пусть слѣдуютъ тебѣ вожди и цѣла рать,
„Пребуду вѣренъ я обѣтамъ даннымъ мною,
„Доколь могу вращать копье и мечь рукою?

Вѣщалъ, и изъ земли изторгнулъ копіе.
Оцѣпенѣлъ Гетманъ зря мужество сіе.
Возстали всѣ вожди объяты удивленьемъ:
Но храбрый Кочубей, къ ПЕТРУ подвигнутъ рвеньемъ,
Хулы произнеся, достигъ къ своимъ полкамъ,
И вкратцѣ возвѣстилъ свой рокъ премѣнный тамъ.
Возшедши на коней полки ему послушны,
Спѣшатъ, куда ведетъ ихъ вождь великодушный.
Сомнѣніемъ вся рать поколебалась вдругъ,
И ропотъ пробѣжалъ отъ воинства вокругъ.

Мазепу ярый гнѣвъ средь пиршества объемлетъ:
Онъ длинное копье въ десницу возприемлетъ,
Выходитъ изъ шатра, полнъ мстительна огня,
И быстро возлетѣвъ на бурнаго коня,
Какъ буря грозная, съ дружиной ополченной,
За Кочубеемъ въ слѣдъ отъ рати устрашенной
Помчался, чтобъ ему нанесть скорѣйшу смерть,
И кровію его свой стыдъ при войскѣ стерть:
Но тотъ предупредилъ, и въ предпріятьи смѣломъ,
Поставилъ предъ собой рѣку Дисну предѣломъ.
Неистовый Гетманъ бывъ вящще разъяренъ,
Хотѣлъ пуститься вплавь, но былъ остановленъ.
Тогда, подобно льву, въ поляхъ лишенну лова,
Отмщеніе влекло предателя сурова
Въ средину ратныхъ силъ, гдѣ онъ разсвирепѣвъ,
Искалъ, дабы надъ кѣмъ свершить свой страшный гнѣвъ.
При видѣ семъ его полки возтрепетали.
Тутъ жертвы двѣ на казнь мучителю предстали,
Которы въ слѣдъ вождю, подвигшись изъ среды,
Пробиться не могли сквозь сомкнуты ряды,

Творили силой путь къ безстрашну Кочубею,
Ослабли, и въ корысть досталися злодѣю.
Единому Гетманъ въ хребетъ копье вонзилъ,
Другому онъ главу на части разрубилъ;
И кровью утоливъ ужасну жажду мщенья,
Онъ войску возгласилъ исполненъ возхищенья:
„Еще моя рука тѣхъ силъ не лишена,
„Что требуетъ отъ насъ кровавая война:
„Оружіемъ она владѣть удобна въ полѣ.
„Теперь къ походу намъ препонъ не зрится болѣ.
„И ежели въ бою во дерзости своей
„Предстанетъ предъ кого измѣнникъ Кочубей,
„Того ущедрю я богатою рукою,
„Кто явится изъ васъ ко мнѣ съ его главою.“
Скончалъ, подвигъ полки отъ Дисны въ Карловъ станъ.
Прещеніемъ дыша и злобою тиранъ,
Походъ свой окончалъ кровавыми слѣдами.
Уже Прилуки, градъ надъ Пронскими струями,
Обильный пажитью и множествомъ стадовъ
И разнородностью пріятнѣйшихъ плодовъ,
Былъ въ пепелъ обращенъ Мазепинымъ велѣньемъ.
Повѣдай, муза, мнѣ, съ какимъ остервененьемъ
Лютѣйшій Россовъ врагъ мучительства простеръ,
И имена градовъ съ лица земли сотеръ?
Низверглись отъ него крамольныя десницы
Со смѣжными вѣсьми Гадячь, Роменъ, Лохвицы;
Ужаснымъ пламенемъ грабитель ополченъ,
Подъ пепломъ погребалъ съ отцами чадъ и женъ.
Свидѣтельница бѣдъ, быстротекуща Прона
Сей ужасъ пронесла до волнъ угрюма Дона.

Уже готовъ былъ течь кровавый въ Лубнахъ токъ;
Но къ граду путь сему препнулъ тирану рокъ.
Казалось, что рука злодѣйствомъ утомленна,
Почила отъ убійствъ, желанныхъ жертвъ лишенна.
Кровавая корысть ограбленныхъ мужей
Страшила, бременя, Гетмановыхъ коней:
Побитыхъ тѣни тамъ летали надъ полками,
Мечтались имъ древа ужасными звѣрями;
Вздымалися на брань чудовищи изъ водъ,
Являли небеса багровый солнца всходъ;
Чернѣли дебри тамъ, гдѣ пестрыя долины;
Здѣсь горы, тутъ пески простерты отъ пучины.
Гдѣ пажить мнилась быть, тамъ вязкихъ блатъ округъ:
И гибло множество утопшихъ воевъ вдругъ.
Такъ Богъ каралъ убійцъ чудеснымъ ослѣпленьемъ:
Пороки служатъ намъ для насъ самихъ отмщеньемъ.
О сколь ужасенъ рокъ, когда небесный Царь
Вожденію страстей предастъ преступну тварь!
Очарованіемъ неслыханнымъ природы
Спаслися отъ убійцъ Украински народы:
Градъ Лубны и другихъ градовъ лежащихъ цѣпь
Отъ варварскихъ очей пространна скрыла степь,
Но храбрый Кочубей, Мазепой раздраженный,
По ту страну Дисны стоялъ вооруженный;
Съ весельемъ ожидалъ, чтобъ Гетмански полки
Прияли должну казнь отъ ревностной руки,
Или чтобъ жребій ихъ съ Гетманомъ за презорство
Свершило при очахъ вождей единоборство:
Когдажъ увидѣлъ онъ, что рать отъ шумныхъ водъ,
Какъ буря, поднялась въ назначенный походъ,

Повелъ свои полки въ нашъ станъ къ брегамъ Днѣпровымъ,
Гдѣ Шереметевъ былъ со воинствомъ ПЕТРОВЫМЪ;
И тамъ соединясь съ орлиной ратью онъ,
Для мщенія врагу не зрѣлъ себѣ препонъ.

Въ тѣ смутны дни, когда Россія вновь рожденна,
Въ младенчествѣ своемъ врагами окруженна
И бурями отъ всѣхъ колеблемая странъ,
Терзалась и внутри отъ собственныхъ гражданъ,
Дивился Югъ воззря чрезъ льдисты въ сѣверъ воды,
Гдѣ съ древнихъ лѣтъ слывутъ жестокими народы,
Гдѣ храбрость безъ наукъ отверзла славы храмъ,
И ужасомъ была полуденнымъ странамъ,
Что полночи герой, въ толико кратко время,
Россію просвѣтилъ, упрековъ свергнувъ бремя,
Что дань къ его стопамъ надмѣнный несъ Востокъ,
Что Индски корабли боря упорный рокъ,
Достигли въ градъ ПЕТРОВЪ чрезъ бурны понта волны,
И у бреговъ Невы стоятъ сокровищъ полны;
Что въ Ингерскихъ градахъ ПЕТРОВЫХЪ громъ побѣдъ
Потрясши сѣверъ весъ повергнулъ въ ужасъ свѣтъ,
И что плоды трудовъ неслыханныхъ дотолѣ,
Карлъ гордый изтребить летѣлъ на ратно поле.

Но Богъ судьбину царствъ держа въ рукѣ своей,
Предъ коимъ есть ничто могущество Царей,
Рѣшилъ въ своемъ судѣ унизить гордыхъ выю,
Возвысить рогъ ПЕТРА и превознесть Россію.

Монархъ нашъ преходя Смоленскихъ горъ пески,
Чрезъ мрачну дебрь ведетъ на брань свои полки.
Въ тѣ дни еще слѣды оставилъ рокъ жестокой
Нещастія людей отъ древности глубокой.

Обширно мѣсто есть средь страшной дебри сей,
Гдѣ видимы костры наметанныхъ костей:
Тамъ храмъ языческій воздвигнутый гордился,
Въ которомъ тучныхъ жертвъ нечистый дымъ курился,
Коварные жрецы обманывали свѣтъ;
Древа давали тамъ пророческій отвѣтъ.
Но въ наши времена, къ забвенію и родну,
Судьба открыла тамъ пучину непроходну:
Порозшій терномъ путь поверхъ зыбучихъ блатъ
Изслѣдоватъ претитъ признаки тѣхъ громадъ.

Прешедши трудный путь полковъ для подкрѣпленья
Монархъ назначилъ часъ въ поляхъ отдохновенья:
Тогда собравши онъ къ себѣ своихъ вождей,
Вѣщалъ: „друзья! насъ Богъ, прославя средь морей,
„Для вящшихъ днесь побѣдъ ведетъ на ратно поле:
„Когдажъ не побѣдимъ, спасенья нѣтъ намъ болѣ.
„Отъ всѣхъ сторонъ тѣснитъ Россію страшный врагъ,
„И ужъ къ Москвѣ ему одинъ остался шагъ.
„Онъ только ждетъ того, чтобъ Левенгауптъ славный,
„Ужасный въ брани вождь, искуствомъ Карлу равный,
„Достигнулъ въ станъ его со тучей новыхъ силъ,
„И нашу бы судьбу побѣдою рѣшилъ.
„Сношенье ихъ прервать намъ должно непремѣнно,
„И уничтожить тѣмъ намѣренье надмѣнно.
„Вы видѣли меня средь пламени и водъ,
„Въ напастяхъ и трудахъ; и нынѣшній походъ
„Свидѣтельствуетъ вамъ, что я между вождями,
„Какъ подданный служилъ, дѣля всѣ нужды съ вами;
„Увидите меня и въ оный грозный часъ,
„Когда несыта смерть взнесетъ свой серпъ на насъ,

„Съ такимъ же духомъ брань творящаго, какъ прежде.
„Мой мечь порука вамъ, пребудьте въ сей надѣждѣ.
„Желаю лишь того, чтобъ слѣдуя по мнѣ,
„Былъ каждый, какъ и я, неутомимъ въ войнѣ.
Онъ рекъ, и сонмъ вождей, Монархомъ ободренный,
Со клятвой отвѣчалъ, что Россъ вооруженный
Не будетъ побѣжденъ во вѣкъ своимъ врагомъ,
Когда онъ предводимъ въ сраженіяхъ ПЕТРОМЪ:
Съ отвѣтомъ симъ блисталъ въ очахъ ихъ пламень рвенья.
Уже парятъ орлы враговъ для пораженья:
Самъ Ангелъ брани имъ предходитъ на поляхъ,
И слава въ слѣдъ спѣшитъ со лаврами въ рукахъ.
Ликующа Двина покрывъ луга зелены,
Являетъ во струяхъ Россійскія знамены;
Войны предтеча, страхъ, несется по градамъ;
Далеко слышанъ звукъ оружья по лѣсамъ.
Неустрашимый Россъ, водимъ геройскимъ духомъ,
О шествіи своемъ наполнилъ сѣверъ слухомъ.
Сарматъ возтрепеталъ, и въ ужасѣ своемъ,
Отчаялся защитъ со избраннымъ Царемъ.

Межъ тѣмъ уже Гетманъ достигъ къ полкамъ противнымъ.
Приемлетъ Карлъ его, объятъ восторгомъ дивнымъ;
Но въ радости своей измѣннику далъ знать,
Что онъ къ нему пришелъ служить, не помогать.
Побѣду надъ Москвой щитая несомнѣнной,
Собравшимся вождямъ предъ ратью восхищенной
Онъ тако возгласилъ: „съ тѣхъ поръ, какъ мой отецъ,
„Отдавъ природѣ долгъ, оставилъ мнѣ вѣнецъ,
„До днешняго часа страшились храбры Шведы,
„Чтобъ я не помрачилъ ихъ древнія побѣды;

„Вельможи и народъ, средь сущихъ въ царствѣ бѣдъ
„Являли скорбный духъ, моихъ зря младость лѣтъ;
„Всѣ думали, что скиптръ поблекнувшій Густава
„Падетъ изъ сей руки; что Готфская держава
„Подавитъ бременемъ столь слабаго Царя:
„Но вы, о воины! во слѣдъ за мной паря,
„Попрали Данію, Германцевъ низложили,
„И въ Польшѣ Короля на тронъ возстановили;
„Трепещетъ предо мной полночная страна,
„И для побѣдъ моихъ содѣлалась тѣсна.
„Дотолѣ я въ Стокгольмъ не возвращуся съ вами,
„Доколь Россію всю не узрю подъ ногами,
„Доколь не истреблю всѣ флоты средь морей
„И множество въ цѣпяхъ не привлеку царей.
„Познаетъ пусть тогда странъ сѣверныхъ столица,
„Удобна ль скиптръ отцевъ носить моя десница?
„Давно Россія ждетъ, чтобъ славный миръ съ ПЕТРОМЪ
„Подписанъ мною былъ. Но Карлъ съ своимъ врагомъ
„Намѣренъ поступить со честью Готфамъ сродной.
„Да будетъ вѣдомъ вамъ сей подвигъ благородной:
„Хочу, чтобъ мнѣ Москва за Ингерскую брань
„Сугубо воздала своею кровью дань,
„Чтобъ храбрость моего велика ополченья
„Оставила вездѣ слѣды опустошенья.
„Я дамъ москвѣ Царя, того, кто въ брани сей
„Окажетъ больше всѣхъ успѣховъ изъ вождей.
„Равно, и ты, Гетманъ, во мзду заслугъ и славы,
„Пріимешь отъ меня Россійской часть державы.
Умолкъ и всѣмъ полкамъ къ походу подалъ знакъ:
Несется войско въ брань подобно, какъ на бракъ.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ ПѢСНИ.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Карлъ XII. переправляется съ своимъ воинствомъ чрезъ Днѣпръ, входитъ въ Украйну и располагаетъ свой станъ между двухъ рѣкъ, Днѣпромъ и Дисною. Тамъ дѣлаетъ онъ примѣрное сраженіе и награждаетъ отличившихся въ ономъ своихъ полководцевъ. Шереметевъ, дабы остановить Шведовъ, спустясь въ низъ по Днѣпру, нападаетъ на сторожевое ихъ войско и прогоняетъ оное до самаго стана, гдѣ находился Карлъ. Шведы, вооружась, останавливаютъ его стремленіе, и сраженіе происходитъ съ обѣихъ сторонъ весьма упорное. Наконецъ Россіяне должны были уступить силѣ. Шереметевъ съ малымъ урономъ и великою словою отступилъ и расположился по ту сторону Дисны, гдѣ ожидалъ прихода ПЕТРОВА.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

Подъ тѣнію лѣсовъ, гдѣ Днѣпръ свирѣпства полный
Въ песчаныхъ берегахъ крутитъ сѣдыя волны;
Дѣлясь на полы онъ, какъ будто двойцей рукъ,
Изъ тиннаго одра объемлетъ пестрый лугъ;
На пажити ліетъ обиліе, прохлады
И напаяетъ вкругъ лежащи вѣси, грады.
Спокойны жители приятной сей страны
Не знали шумныхъ битвъ, ни ужаса войны,
И древность, что дѣла въ забвенье погружала,
Минувшихъ браней тамъ слѣдовъ не оставляла.
Подъ свѣтлостью небесъ, на мягкихъ муравахъ
Тамъ нѣжилась любовь съ свирѣлію въ рукахъ;

Смѣшенны гласы нимфъ и пастырей влюбленныхъ
Гулъ нѣжно повторялъ въ дубравахъ отдаленныхъ:
Казалось, будто тамъ былъ чуждъ для смертныхъ стонъ,
И всѣми управлялъ одинъ любви законъ.
Туда надмѣнный Карлъ, на пагубу Россіи,
Полки свои подвигъ, какъ бурныя стихіи:
Предходятъ страхъ и смерть ужасной рати сей,
И молніи вдали сверкаютъ отъ мечей;
Оружья страшный звукъ, несомый Аквилономъ,
Наполнилъ дебри вкругъ и степь отзывнымъ стономъ.
Уже великій скатъ покрылъ хребетъ рѣки:
Проходятъ чрезъ нее безстрашные полки;
Они влекутъ, какъ цѣпь, воинскіе снаряды
И пламень рыжущи изъ мѣдныхъ жерлъ громады.
Тамъ ржаніе коней, сливаясь съ шумомъ водъ,
И гласы громкихъ трубъ, и быстрый войска ходъ,
И ближніе лѣса, густымъ покрыты прахомъ,
Живущихъ близъ Двѣпра поколебали страхомъ;
И самъ угрюмый Днѣпръ, излившись на траву,
Вѣнчанну тросникомъ поднявъ свою главу,
При видѣ Готфскихъ войскъ завылъ, во хляби скрылся,
Вертѣлъ зыбуче дно и къ брани ополчился:
Придвигнувъ онъ подъ скатъ высоки рамена,
Откуда прочь текла кипящая волна,
Надулся, поднялся, разторгнулъ скатъ горою,
И снасти на сѣдыхъ хребтахъ помчалъ съ собою.
Межъ ската двухъ краевъ, среди глубокихъ лонъ,
Отверстье видитъ Карлъ, пространно для пропонъ:
Тамъ часть его полковъ со тяжестью военной
Въ единъ погибла мигъ въ пучинѣ разъяренной.

Но Карлъ, сей грозный вождь, примѣръ геройскихъ дѣлъ,
Былъ вящше дерзновенъ, чѣмъ ближе бѣдства зрѣлъ.
Онъ къ войску обратясь, взываетъ велегласно:
„Да не смущаетъ васъ позорище ужасно!
„Я буду съ вами всѣ опасности дѣлить:
„Дерзайте вслѣдъ за мной природу побѣдить!
Вѣщалъ, и на конѣ пустился вплавь чрезъ бездну,
И ярость тѣмъ пресѣкъ пучины безполезну.
Уже, преправясь, рать взираетъ со бреговъ,
Что карлу вслѣдъ спѣшитъ другая часть полковъ,
Велики верви къ нимъ на помощь простираетъ,
И мѣдленную тѣмъ преправу сокращаетъ.
Кротящій волны Днѣпръ, съ смущениемъ зрѣлъ, что Шведъ
Вообласти его оставилъ дерзскій слѣдъ,
И, гордо посмѣясь могуществу пучины,
Полками вкругъ покрылъ зеленыя равнины.
Тамъ видѣнъ изъ шатровъ, какъ градъ, возникшій станъ:
Впреди его воздвигъ шатры Гетманъ.
Ликуя воины въ странѣ благополучной,
Во станъ влекутъ стада тельцовъ отъ паствы тучной;
Древа, что произвелъ съ вѣками купно міръ,
Натрученны падутъ подъ остріемъ сѣкиръ.
Въ пылающи костры преобративъ дубравы,
Ликуютъ средь полей любимцы громкой славы:
Возходитъ къ облакамъ отъ теплой снѣди паръ,
И пища во сердцахъ сугубитъ ратной жаръ.
Межъ тѣмъ Вандаловъ Царь, врагъ праздности и нѣги,
Съ раченьемъ обозрѣвъ Днѣпра крутыя бреги,
Назначилъ на поляхъ, героевъ древнихъ въ честь,
Ристаніе и брань потѣшну произвесть.

Вблизи высокій холмъ вокругъ обведши рвами,
Воздвигся онъ на немъ со храбрыми полками;
Другимъ же повелѣлъ, какъ будто на враговъ,
На соплеменну рать отъ шумныхъ течь валовъ:
Подвиглися полки къ умосозданну граду —
И пламенну творятъ со всѣхъ сторонъ осаду.
Тамъ первый велъ отрядъ, носящій въ брани страхъ,
Покрытый сѣдиной, отважный Шлипенбахъ;
Сей вождь въ движеньяхъ быстръ, во время битвы злобенъ,
И твердостью своей онъ стали былъ подобенъ,
Иль каменной горѣ, простершей въ понтъ хребетъ,
Что громы отразивъ, съ пучиной брань ведетъ;
Вслѣдъ шествовалъ за нимъ Крутъ хитрый и свирѣпый,
Который подкрѣпленъ былъ войскомъ отъ Мазепы;
Съ другой страны полки велъ храбрый Гамильтонъ;
И Розенъ въ полѣ сталъ ихъ всѣхъ для оборонъ.

Ранхильдъ, что защищалъ съ полками холмъ громовой,
Надеждой льстилъ себя приять вѣнецъ лавровой;
И къ преднимъ обратясь сподвижникамъ своимъ,
Онъ громко возгласилъ: „недавно рокомъ злымъ
„Едва не сверглись мы въ мракъ вѣчнаго забвенья,
„Когда предстали намъ съ Саксонцами сраженья.
„Приставъ Сарматы къ нимъ лишенны древнихъ правъ,
„Которы низпровергъ чрезъ Карла Станислазъ,
„Имѣя противъ насъ пять кратъ превыше силы,
„Грозили насъ вовлечь въ безславныя могилы;
„Но храбрость вашихъ душъ, усердіе къ Царю,
„Побѣдой громкою сію вѣнчали прю.
„Теперь противъ себя мы силы видимъ равны:
„Здѣсь робкихъ нѣтъ мужей и всѣ вожди здѣсь славны.

„Намъ больше предстоитъ въ побѣдѣ днесь труда;
„Не зрѣли мы враговъ столь храбрыхъ никогда:
„Но бодрствуйте, друзья! придайте славы бою,
„И тѣмъ воздайте честь державному герою!
Онъ рекъ — и рвенья огнь объялъ засадныхъ силъ,
И каждый грудь свою къ отпору ополчилъ.
Перуны праздныя вокругъ Днѣпра блистаютъ,
Гремятъ, колеблютъ долъ, но войскъ непоражаютъ.
Одно движенье, шагъ, одинъ оплошной взоръ
Побѣдой, иль стыдомъ могъ кончить ратный споръ;
Отъ подвиговъ вождей, отъ ихъ распоряженья
Весъ жребій состоялъ столь лестнаго сраженья.
Съ высокаго холма, откуда въ знойный день
Дубъ древній на поля бросалъ густую тѣнь,
Бездѣйствующій Карлъ, спокойный зритель боя,
Шагъ каждый назидалъ грядущаго героя:
Какъ приступъ кто чинилъ, иль вылазку изъ рвовъ,
И тамъ ли нападалъ полкъ каждый на враговъ;
Онъ долженъ былъ рѣшить въ брань умственно кроваву
Иль осаждающихъ, иль осажденныхъ славу.
Уже воинскихъ дѣлъ предъ строгимъ судіей
Искуство изтощалъ тамъ каждый изъ вождей,
Измѣривалъ порывъ, леталъ, остановлялся,
То быстро нападалъ, то паки возвращался,
То съ сей страны, то съ той изъ мѣдныхъ тучь гремѣлъ,
То бѣгствомъ обмануть соперника хотѣлъ;
Тамъ каждый холмикъ, кустъ, иль мшистый въ полѣ камень
Былъ мѣтой для вождей, носящихъ въ сердцѣ пламень.
То всадниками здѣсь покруютъ вдругъ пески,
То мѣсто ихъ займутъ искусные стрѣлки.

Подобно какъ въ моряхъ съ премѣнными вѣтрами
Безстрашные пловцы играютъ парусами;
Чтобъ ходъ придать судамъ средь влажныхъ моря лонъ,
Подъ парусъ ловятъ вѣтръ они со всѣхъ сторонъ;
Не рѣдко цѣлый день, въ пучинѣ безпредѣльной
Изобразуя слѣдъ устланный бѣлой пѣной,
Путьшествуютъ они, не движася впередъ,
Доколь способный вѣтръ ихъ въ бѣгъ не воззоветъ;
Въ то время устремивъ всѣ силы вѣтрилъ бурныхъ
Несутся безъ препонъ поверхъ зыбей лазурныхъ:
Такъ Готфскіе вожди съ полками на поляхъ
Соразмѣряли ходъ по важности въ дѣлахъ.
Уже прешедши ровъ, съ готовымъ громомъ къ бою,
Отважный Шлипенбахъ явился подъ горою;
Подобно какъ орелъ, летитъ на высоту,
Опасные пути щитаетъ за мечту.
Спѣшащій Крутъ во слѣдъ на помощь Шлипенбаху,
Пустился отъ бреговъ чрезъ рвы на холмъ съ размаху.
Ранхильдъ, противныхъ силъ успѣхомъ изумленъ,
Удвоилъ мощь огня и, яростью разженъ,
Соперниковъ своихъ понудилъ къ оступленью.
Свирѣпствуютъ вожди, не зря конца сраженью.
Не можетъ Шлипенбахъ возвесть на гору рать,
Безсиленъ побѣдить, стыдится убѣжать.
Двукратно онъ съ холма къ глубокимъ рвамъ спускался,
Двукратно возходилъ и въ высотахъ сражался.
Уже мечталъ сей вождь, что славныхъ битвъ конецъ
Доставитъ въ даръ ему желаемый вѣнецъ,
Но, будучи отбитъ, осыпанъ весъ землею,
Лилъ слезы отъ стыда, и узкою стезею

Со ратью объѣхавъ, взлетѣлъ на ближній валъ,
Гдѣ громы отъ себя въ Ранхильда онъ бросалъ.
Подобно храбрый Крутъ не въ дальномъ разстояньи
Сражался отступивъ, силъ новыхъ въ ожиданьи;
Немѣдленно достигъ на помощь Гамильтонъ
И прямо отъ Днѣпра повелъ осаду онъ;
Со Крутомъ съединясь ударилъ въ холмъ съ полками
И быстро въ высоту пошелъ двумя рядами.
Довольно силенъ Крутъ былъ съ помощью такой,
Что ъ вытѣснить изъ мѣстъ въ верху засадный строй,
Но слабъ былъ Шлипенбахъ безъ равна подкрѣпленья;
Уже не въ силахъ онъ выдерживать сраженья.
Примѣтивъ Розенъ то, послалъ къ нему отрядъ:
Се воины къ холму, какъ туча стрѣлъ парятъ —
Достигли; Шлипенбахъ, восторгомъ восхищенной,
Щиталъ тогда свою побѣду совершенной.
Возходитъ вверхъ хребта, пренебрегая громъ,
И частью войскъ его былъ слѣва занятъ холмъ,
Съ десныя же страны Крутъ силы придвигаетъ,
Искусный Гамильтонъ ихъ съ тылу прикрываетъ.
Ранхильдъ уже не могъ стоять противу всѣхъ:
Онъ силенъ былъ для двухъ, но слабъ противу трехъ.
Знакъ здачи, знамя онъ на воздухъ разпускаетъ.
Карлъ вшедшихъ въ высоту съ побѣдой поздравляетъ,
Вѣнки изъ лавровъ имъ взглагаетъ на главы:
Приличны для вождей награды таковы.
Ранхильдъ въ потѣшну брань, искуствомъ общимъ славну,
Хотя и побѣжденъ возпринялъ почесть равну.
Въ семъ подвигѣ всякъ вождь былъ храбръ и знаменитъ;
Всѣхъ паче Шлипенбахъ веселіемъ блеститъ;

Хоть меньше было въ немъ замѣчено искуства,
Но больше онъ другихъ явилъ геройска чувства:
Запальчивъ, быстръ, свирѣпъ, и много кратъ въ бою
Отваживалъ на смерть безъ пользы жизнь свою.
Карлъ сшедши со холма, выходитъ на равнину
И всадниковъ своихъ сзываетъ на средину,
Чтобъ каждый изъ полковъ участникъ славы былъ,
Въ ристаніяхъ свое искуство изъявилъ.
Явились всадники съ возможной быстротою;
Ихъ бурные кони подъ блещущей уздою,
Гордясь проворствомъ ногъ, густой взвиваютъ прахъ,
И ржанье раздалось на Марсовыхъ поляхъ.
Тамъ грозный Штаркербергъ, герой врагамъ опасный,
Подъ мѣдной чешуей предводитъ строй ужасный:
Назначенъ Маерфельдъ ему противу стать;
Онъ вывелъ на поля свою крилату рать.
Карлъ знаменьемъ жезла велѣнье далъ къ ристанью:
Какъ вихрь, парятъ вожди достойныхъ ратъ къ стяжанью:
Всякъ хочетъ быстротой врага предупредить,
Чтобъ строй его смѣшать, ворваться раздѣлить.
Трикраты было ихъ старанье безуспѣшно:
Съ восторгомъ видитъ Карлъ позорище потѣшно:
Въ четвертый разъ полки, какъ будто двѣ стѣны,
Слетѣлись, чтобъ явить ужасной видъ войны:
Раздался стукъ мечей, булаты засверкали
И искры отразясь посыпались со стали.
Тамъ сто ударовъ въ мигъ единъ нанесено,
И столькожъ кратъ рукой врага отвращено.
Обманывался взоръ рожденныхъ молній блескомъ;
Преломленны мечи летаютъ въ верхъ со трескомъ;

Крутятся подъ ярмомъ потъ льющіе кони,
И бѣшенствомъ своимъ сугубятъ страхъ они.
Ни тотъ, ни инной вождь не могъ разторгнуть строевъ:
Вѣнчаетъ равна честь за подвигъ сей героевъ.
Карлъ хочетъ, чтобъ полки раченіемъ своимъ
Съ искуствомъ вящшимъ брань представили предъ нимъ:
Какъ должно нападать, въ пространствѣ разсыпаться,
Обманывать враговъ и съ славою сражаться.
Внявъ гласъ его, вожди пресѣкли славный бой
И, рати отдѣливъ чрезъ данный знакъ трубой,
Спѣшатъ явить въ играхъ, героямъ лишь извѣстныхъ,
Искуство бранныхъ чадъ, послушность безсловесныхъ.
Съ начала въ два ряда пустились по полямъ,
Разсыпались потомъ, смѣшались — и очамъ
Казалось, будто всѣ безъ цѣли, безъ вниманья,
Одинъ являютъ видъ потѣшнаго ристанья,
Но въ тотъ же мигъ они пернатою стрѣлой
Слетаются; зритъ Карлъ стоящій въ чинѣ строй:
То гонятъ, то бѣгутъ, то грудью грудь встрѣчаютъ,
И въ тысящѣ мѣстахъ сраженье представляютъ;
Перуны на поля изъ бурныхъ сыплютъ рукъ:
Пучину, горы, лѣсъ наполнилъ страшный звукъ;
Представили тогда полки сраженья дивны;
И нападающи и купно сопротивны
Поверхности въ бою не могутъ одержать,
И въ подвигахъ равны и та и инна рать.
Карлъ паки знать даетъ полкамъ къ соединенью:
Послушные вожди геройскому велѣнью,

Чрезъ гласъ трубы собравъ подвластныхъ имъ мужей,
Какъ прежде, стали въ рядъ въ порядкѣ средь полей.
Казалось, будто всякъ другъ другу тамъ дивился,
Другъ друга уважалъ и мздой за подвигъ льстился;
Движеній быстрыхъ знакъ являлъ въ очахъ ихъ жаръ
И пламенныхъ коней взходящій къ небу паръ.
Карлъ рѣчью воздалъ честь достойну ратнымъ строямъ:
Не лестная хвала есть лучша мзда героямъ;
Признательность Царя для ревностныхъ сердецъ
Важнѣй чѣмъ свѣтлый санъ и лавровый вѣнецъ.

Утруждшися полки со Карломъ въ станъ вступили;
Вожди въ его шатрѣ отъ подвиговъ почили:
Не роскошь въ немъ свои разсыпала дары,
Природой зрѣлись тамъ постланные ковры;
Шатеръ его ни чѣмъ отъ прочихъ не отличенъ:
Къ суровой жизни Карлъ былъ съ юныхъ лѣтъ привыченъ.
Не рѣдко сей герой, рушитель городовъ,
Имѣлъ одромъ поля, а небеса въ покровъ;
Не лести жало тамъ въ словахъ лило отраву,
Но каждый взпоминалъ героевъ древнихъ славу;
Тотъ, сходно Цезарю, мнилъ строить къ брани рать,
Другой хотѣлъ въ войнѣ Ахейцамъ подражать;
Единъ лишь грозный Карлъ, противный ихъ совѣту,
Желаніемъ пылалъ быть самъ примѣромъ свѣту;
„И естьлибъ Александръ, онъ съ жаромъ тако рекъ,
„Возсталъ, тобъ не былъ тѣмъ, чѣмъ въ древній былъ онъ вѣкъ;
„Плѣненные Цари и робкія Царицы
„Непровождалибъ днесь Ахейской колесницы:

Со варварами брань имѣлъ Филипповъ сынъ.
Какой герой, какой народовъ властелинъ
Къ продленью съ нимъ войны искалъ надѣжно средство?
Филипповъ сынъ вездѣ лишь зрѣлъ противныхъ бѣгство.
Не столько онъ имѣлъ труда разить враговъ,
Колико собирать на полѣ бѣглецовъ;
И Македонскій строй, носящъ вездѣ побѣды,
„Возтрепеталъ, когдабъ предъ нимъ предстали Шведы.
„Надъ Бельтомъ былъ для насъ опасенъ громъ ПЕТРОВЪ,
„Не храбростью людей, а множествомъ полковъ:
„Тамъ Готфскіе вожди, обыкшіе къ покою,
„Не видѣли меня въ день брани предъ собою;
„Уже давно въ сердцахъ ихъ жаръ войны погасъ:
„По слабымъ толь дѣламъ судить не льзя о насъ.
„Пусть Грекамъ, Римлянамъ, кто хочетъ, подражаетъ,
„Карлъ въ брани лучшій путь ко славѣ прочной знаетъ.“
Умолкъ; вожди прервать страшились тишину:
Съ толико грознымъ ПЕТРЪ врагомъ имѣлъ войну!

Уже угрюма нощь на землю тѣнь пустила,
Багровая луна межъ облаковъ свѣтила,
Покоилися всѣ во станѣ отъ трудовъ,
Лишь слышенъ былъ вдали Днѣпровскихъ шумъ валовъ:
Россійскіе полки, водимы духомъ брани,
Несли во Карловъ станъ смерть рыжущи гортани;
Перуновъ грозныхъ звукъ раздался по полямъ,
Поколебались вдругъ брега и горы тамъ;
Сквозь дымъ густой и мракъ, сквозь зарево багрово
Безтрепетно на брань шло воинство ПЕТРОВО.

Тамъ Шереметевъ, бывъ всѣхъ ратныхъ силъ вождемъ,
Собою подавалъ примѣръ безстрашья всѣмъ.
Едва отверзъ востокъ врата свои денницѣ
И солнце вознеслось въ янтарной колесницѣ,
Тогда узрѣвши онъ шатры противныхъ силъ,
Предъ строемъ преднихъ войскъ со тщаньемъ возгласилъ:
„Се Карловъ станъ у насъ о Россы предъ очами!
„Герой сей окруженъ искусными вождями:
„Полки его, давно обыкши побѣждать,
„Съ презрѣніемъ всегда на Росску зрѣли рать;
„Не мнитъ надмѣнный Карлъ, прешедъ валы Днѣпровы,
„Чтобъ смѣли на него напасть полки ПЕТРОВЫ;
„Но бывъ всегда готовъ начать кровавой бой,
„Предъ станомъ онъ воздвигъ въ нощи всебдящій строй:
„Се вождь сторожевый предъ войскомъ разъѣзжаетъ
„И пламенны сердца къ сраженью ободряетъ;
„Тамъ жерлъ громовыхъ рядъ протянутъ по угламъ,
„Здѣсь всадники грозятъ попраніемъ врагамъ;
„Сокрытые стрѣлки, презрѣвъ огня свирѣпость,
„Ровъ каждый, камень, кустъ преобращаютъ въ крѣпость.
„Шагъ каждый стоитъ намъ иль жизни или ранъ,
„Доколь не приведемъ въ смятенье обще станъ:
„Съ толикимъ воевать умѣетъ Карлъ искуствомъ!
„О Россы! вступимъ въ бой мы нынѣ съ тѣмъ же чувствомъ,
„Которо столько кратъ вело ко славѣ насъ,
„Да громкихъ вашихъ дѣлъ къ ПЕТРУ достигнетъ гласъ.
„Чрезъ дальнія страны, сквозь пламень, ратны звуки
„Москва взываетъ къ намъ, воздѣвъ ко небу руки:

„Спасите, вопіетъ, меня, любезныхъ чадъ!
„Да будетъ вашъ ко мнѣ со славою возвратъ;
„И естьли же... увы!... не возвращайтесь болѣ!
„Съ мечемъ въ рукахъ главы сложите въ ратномъ полѣ:
„Россіянъ низостью спастися не хощу:
„Я храбрыхъ мать племенъ и славы ихъ ищу.
„И такъ да будетъ Богъ помощникъ намъ средь боя,
„Дерзайте чада въ брань. Лишь вняли рѣчь героя,
„Да будетъ съ нами Богъ! возкликнули полки:
И двигнулись, какъ вѣтръ шумящій отъ рѣки.
Хилковъ напавъ, разитъ рать Готфовъ предовую,
Микулинъ наступилъ на тучу громовую;
Онъ вмигъ достигъ враговъ — и Россы подъ холмомъ
Въ недѣйство привели магинъ враждебныхъ громъ;
Они творятъ свой путь по трупамъ низложеннымъ
И рѣются впередъ въ станъ къ Готфамъ устрашеннымъ.
Со праваго крыла къ нимъ вторгшися Френевъ,
Какъ въ стаю дикихъ псовъ объятый гнѣвомъ левъ,
Отважнѣйшихъ звѣрей въ бѣгъ къ лѣсу обращаетъ:
Такъ Готфовъ онъ къ шатрамъ склониться принуждаетъ.
Преслѣдуя враговъ воители ПЕТРА
Достигнули почти до Карлова шатра,
И Шереметевъ самъ, по ихъ спѣшащій слѣду,
Предъ войскомъ возгласилъ Россійскую побѣду.

Карлъ видя, что весь станъ смятенья страшна полнъ,
Что Россы лавры жнутъ среди кровавыхъ волнъ,
Отмщеньемъ возкипѣлъ — и въ строй, гдѣ пламень ярый
На Готфовъ наносилъ смертельные удары,

Какъ вихрь, помчался онъ со стражею своей,
Быстрѣе, чѣмъ перунъ летящій сверхъ зыбей.
Осмѣянны полки за робость ихъ героемъ,
Всѣ снова собрались и стали дружнымъ строемъ.
Уже на Россіянъ изъ пламенныхъ громадъ
Перуны возгремѣвъ, падутъ какъ вихремъ градъ,
Тамъ цѣлые ряды легли на долъ кровавый:
Лишаетъ Россовъ Карлъ побѣды, но не славы.
Френевъ, сраженъ свинцомъ, съ отторженной рукой,
Еще свои ряды длить съ Карломъ нудитъ бой,
Но хладной дланью смерть его сомкнула очи,
И храбрый мужъ низшелъ во область вѣчной ночи.
Микулинъ трижды огнь противный погашалъ,
И трижды, бывъ отбитъ, со славой отступалъ;
Къ Хилкову онъ примкнувъ съ не многими рядами,
Противу большихъ силъ сражался со врагами:
Тамъ храбрый Крутъ въ бедро отъ Россовъ уязвленъ,
Тамъ въ рамо Гамильтонъ свинцомъ на сквозь пронзенъ.

Межъ тѣмъ свирѣпый Карлъ, перемѣнивъ судьбину,
Успѣшно поражалъ Россійскихъ войскъ средину;
Искусный Маерфельдъ со лѣваго крыла
Уничтожаетъ громъ полночнаго орла,
И вскорѣ Готфскихъ силъ ужасное стремленье
Отъ стана пренесло въ Россійску рать смятенье;
Ужъ многіе ряды поколебались такъ,
Что Шереметевъ далъ засаднымъ войскамъ знакъ,
Не мѣдля чтобъ они на помощь поспѣшили
И, слабыхъ подкрѣпивъ, противныхъ отразили.

Тутъ Стрешневъ, Кочубей, изторгшись изъ лѣсовъ,
Съ полками подоспѣвъ, ударили въ враговъ.
Безстрашный Росскій вождь, носясь средь ратныхъ строевъ,
Поставилъ въ тѣсный рядъ ему подвластныхъ воевъ.
Чудилася тогда кровавая война,
Что Росска рать стоитъ, какъ каменна стѣна.
Летятъ съ обѣихъ странъ перуны смертоносны:
Въ дыму и пламени, спершися тучи грозны,
Плачевныхъ слѣдствій видъ сокрывши отъ очей,
Затьмить не возмогли Россійскихъ блескъ мужей;
Какъ молнія въ нощи мглу черну разсѣкаетъ
И блѣдный кажетъ день, такъ слава ихъ сіяетъ.
Противу тысящей смертей летящихъ вдругъ
Являетъ Росскій вождь непобѣдимый духъ;
Бодритъ сердца мужей, твердя ПЕТРА и вѣру,
И зритъ отважность чадъ полночныхъ безъ примѣру.
При маломъ войскъ числѣ отъ Росскія руки
Легли ряды враговъ, разторглись ихъ полки;
Самъ Карлъ при видѣ семъ со храбнымъ Шлипенбахомъ
Едва не отступилъ, объятъ внезапнымъ страхомъ,
Но стыдъ, вѣнцы побѣдъ и лестный гласъ похвалъ
Надмѣннаго вождя отъ бѣгства удержалъ.
Шесть кратъ стремился онъ съ сугубымъ ополченьемъ
Россіянъ раздѣлить ужаснымъ нападеньемъ:
Все тщетно; наша рать недвиглась ни на шагъ:
Разгнѣванный тогда упорствомъ гордый врагъ
Мазепѣ повелѣлъ, зашедши въ тылъ съ полками,
Разторгнуть Росскій строй и огнь пресѣчь мечами:
Измѣнникъ, внявъ сей гласъ, отъ лѣваго крыла
Летитъ, какъ съ тетивы пущенная стрѣла,

Котора быстрый бѣгъ творя чрезъ воздухъ чистый
Разноситъ по полямъ пернатой тростн свисты;
Ужъ Россовъ онъ достигъ, сразился — отступилъ;
Въ то время Кочубей ему ударилъ въ тылъ:
Онъ мнилъ, что Стрешневымъ Мазепа отраженный
Спасаетъ бѣгствомъ жизнь сраженьемъ устрашенный;
Но сей коварный врагъ, чтобъ силы раздѣлить,
Хотѣлъ лишь Росску рать къ дубравѣ заманить,
Гдѣ были по кустамъ толпы стрѣлковъ сомкнуты:
Отъ нихъ своимъ полкамъ Карлъ вѣрной ждалъ защиты.
Вступилъ нещастный мужъ въ разставленую сѣть,
Гдѣ рокъ ему судилъ мучительски умреть.
Отрѣзанъ отъ своихъ, объятъ вокругъ врагами,
Онъ зритъ почти всю рать пожертую огнями;
Съ оставшимъ войскъ числомъ въ отчаяньи своемъ
Къ Мазепѣ онъ достигъ съ подъятымъ копіемъ,
Пустилъ его въ врага съ великой быстротою;
Но Гетманъ, уклонясь, ударъ отвлекъ рукою:
Летяще копіе, отъ маха возстеня,
Скользнуло по хребту Гетманова коня
И въ близъ стоящій дубъ вонзилось сталью всею:
Осталась лишь въ мечѣ надѣжда Кочубею;
Блеститъ его булатъ надъ вражіей главой.
Сраженія въ пылу не чувствуетъ герой,
Что Гетмана копье прошло его утробу;
По древкѣ движась онъ кончаетъ съ жизнью злобу;
Мечь острый изъ руки съ единоборцемъ палъ,
Изъ раны Кочубей волнами кровь рыгалъ:
Возвеселился врагъ, побѣдой возхищенный;
Низходитъ онъ съ коня, гдѣ ратникъ пораженный

Для свѣта не закрылъ еще своихъ очей,
И, мщеніемъ разженъ, предъ ратію своей
Съ ругательствомъ отсѣкъ ему онъ обѣ руки,
Чтобъ усугубить тѣмъ его смертельны муки;
И чтобъ не вдругъ его нещастну жизнь пресѣчь,
Онъ мѣдленно ему вонзалъ въ гортань свой мечь:
Вся рать при видѣ семъ изполнилась боязни.
Но, муза, отврати свой взоръ отъ страшной казни!
Сей мужъ достоинъ тѣмъ во вѣкъ твоихъ похвалъ,
За вѣрность что къ ПЕТРУ безвременно увялъ.
Карлъ видѣвши, что рать Россійска средь сраженья
Не можетъ получить ужъ больше подкрѣпленья,
Надѣялся имѣть враговъ въ своихъ рукахъ,
И Россовъ утомлялъ движеніемъ въ поляхъ;
То ихъ тѣснилъ къ Днѣпру, то самъ бѣжалъ ко стану.
Нашъ вождь страшась тогда подвергнуться обману,
Искусно отступалъ съ полками отъ врага,
Поставивши ему препоною брега.
Не могъ зашедши Карлъ напасть на Россовъ съ тылу
И зрѣлъ противъ себя къ отпору равну силу.
„Дивлюсь, онъ рекъ вождямъ, что варварска страна
„Въ толь кратко время такъ ПЕТРОМЪ просвѣщена!
„Мы съ большимъ войскъ числомъ чрезъ цѣлы сутки боя
„Не можемъ низложить сего враждебна строя;
„Давноль подъ Нарвой я со горстію людей
„Разсѣялъ по полямъ тьмы робкихъ сихъ звѣрей?
„Мы тѣхъ же Россовъ зримъ, но ихъ познать не можно.
„Сколь храбры ихъ полки! сколь дѣйство осторожно!
„Какая быстрота въ сраженіяхъ и чинъ!
„ПЕТРЪ скоро будетъ войскъ ужасныхъ властелинъ.

„Въ завоеваніи ПЕТРОВА мы наслѣдства
„Достойныя себя въ Россіи встрѣтимъ бѣдства,
„И будемъ наконецъ съ мужами воевать;
„Но днесь оставимъ мы сію бѣгущу рать.
„Побѣду намъ свершить противный рокъ мѣшаетъ,
„Для славы нашей онъ теперь враговъ спасаетъ,
„Навящши силы ихъ я брошу Готфскій громъ;
„Рѣшу судьбу Москвы, сражаяся съ ПЕТРОМЪ.
Вѣщая то, велѣлъ полкамъ прервать сраженье:
Умолкнулъ мѣди ревъ — и Готфы въ тожъ мгновенье
Ударили отбой. Чудяся Карлъ взиралъ,
Съ коликой славой Россъ ихъ силѣ уступалъ.
Не бывши побѣжденъ, но бывъ враговъ слабѣе,
Чѣмъ дальше отходилъ, тѣмъ Готфамъ былъ страшнѣе;
Перунами еще онъ освѣщалъ поля,
Вкругъ стана у враговъ еще тряслась земля.

КОНЕЦЪ ОСЬМОЙ ПѢСНИ.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПЕТРЪ Великій нападаетъ на Шведское ополченіе, состоящее между рѣкою Сошею и деревнею, называемою Лесна, подъ предводительствомъ славнаго Левенгаупта. Россіяне одержали надъ нимъ полную побѣду, получили въ добычу весь станъ непріятельскій со всѣми военными снарядами и припасами, долженствовавшими подкрѣпить воинство, состоящее подъ управленіемъ Карловымъ, и тѣмъ остановили походъ Шведовъ на Москву. Разбитый Лавенгауптъ спасся бѣгствомъ, и, по случаю наставшей зимы, Карлъ со всѣми своими силами уклоняется на Востокъ къ горамъ раздѣляющимъ Нагайскихъ Татаръ съ Донскими козаками; между тѣмъ отправляетъ Мазепу для доставленія къ себѣ новыхъ войскъ и припасовъ. Расположась съ полками между безплодныхъ и необитаемыхъ горъ, Карлъ претерпѣваетъ во всемъ нужномъ недостатокъ. По тайному внушенію чувствъ своихъ приходитъ въ ужасную пещеру нѣкоего отшельца; бесѣда его съ пустынникомъ; чудесное низпосланіе пищи и твердое его намѣреніе покорить Россію и свергнуть съ престола ПЕТРА.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Полночнымъ въ слѣдъ орламъ парящій Ангелъ брани
Несетъ въ враждебный станъ достойны Готфовъ дани:
Отмщеніе и смерть, ничтожность тѣхъ побѣдъ,
Которыми страшилъ недавно Карлъ весь свѣтъ.
Ужъ Лесна Росскихъ войскъ на бурный ходъ взирала
И Соша зракъ ПЕТРОВЪ въ струяхъ своихъ являла:
Сколь радостенъ ея и быстръ казался бѣгъ,
Когда Россійска рать покрыла тучный брегъ,
Когда Великій ПЕТРЪ со храбрыми вождями
Ко славѣ шествовалъ предъ новыми полками!
О Нимфы красныхъ горъ! несите прочь цвѣты
И въ ясны дни свои вѣнчайте красоты;
Оставьте, пастухи, свирѣли, хороводы,
И скройтеся въ лѣса отъ бранной непогоды:

Не игры ваши здѣсь, прилична казнь враговъ;
Померкнетъ солнца свѣтъ, лишь грянетъ громъ ПЕТРОВЪ;
Всѣ ваши здѣсь поля покроются тѣлами,
Смѣшается рѣка съ кровавыми струями.
По грозныхъ буряхъ сихъ пролейте къ небу гласъ:
Перунами герой отъ бѣдъ избавитъ васъ.
Пріятно будетъ вамъ минувше вспомнить время,
Что ради васъ Монархъ подъялъ толь тяжко бремя;
Сквозь огнь и тьмы смертей противныхъ шелъ разить,
Чтобъ щастье вашихъ дней побѣдой утвердить.

Межь Сошей и Днѣпромъ, подъ тѣнью древъ дубравныхъ
Открылся длинный станъ противуборцевъ славныхъ,
Отъ сѣвера на югъ промчавшихъ громъ побѣдъ
И разрушеньемъ свой знаменовавшихъ слѣдъ.
Тамъ Левенгауптъ былъ всѣхъ ратныхъ силъ главою:
Сей страшный въ брани вождь, взлелѣянный войною,
Который о числѣ враговъ не вопрошалъ,
Гдѣ только видѣлъ ихъ, летѣлъ и низлагалъ:
Искуство, храбрость, честь, умъ быстрый, духъ надмѣнный,
Всѣ качества сіи въ немъ зрѣлись съединенны.
Онъ Данію прешедъ съ немногимъ войскъ числомъ,
Явился на поляхъ подъ Нарвой съ торжествомъ.
Нося вѣнцы побѣдъ и дышущій сраженьемъ,
Россіи онъ грозилъ со Карломъ съединеньемъ;
Сего лишь ожидалъ враждебныхъ силъ герой,
Чтобъ месть свою свершить надъ зыблемой Москвой.

Уже Великій ПЕТРЪ рать къ бою учреждаетъ,
Князь Менщиковъ его и Боуръ окружаетъ.
Отважность, ревность, честь, единодушный жаръ,
Готовятъ на враговъ рѣшительный ударъ.

Изъ многихъ вдругъ махинъ перуны заблистали,
Ударилъ страшный громъ, поля возтрепетали;
Возходитъ сѣрна мгла сквозь пламень къ облакамъ,
И смерть, подъявъ свой серпъ, летаетъ по полкамъ.
Средь сихъ ужасныхъ бурь, впреди Орлина строя
Тамъ каждо око зритъ Россійскаго героя:
Такъ славой онъ блисталъ у Нарвскихъ прежде стѣнъ,
Когда имъ былъ подкопъ на воздухъ возхищенъ.
Разящихъ молній блескъ, чи жерла грознымъ ревомъ,
Ни смерть зіяюща своимъ разверзтымъ зевомъ,
Не могутъ удержать въ стремленьи строй ПЕТРОВЪ,
Какъ туча онъ грядетъ со громомъ на враговъ.

Вождь Готфскій зря, что ПЕТРЪ, изшедши на равнину,
Разторгнуть предпріялъ противныхъ силъ средину,
Весъ пламень обратилъ на правое крыло,
Гдѣ Боуръ предводилъ войскъ малое число,
Чтобъ тѣмъ отвлечь ПЕТРА, и быстротой движенья
Порядокъ премѣнить начатаго сраженья.
Не въ силахъ Боуръ былъ противу устоять:
Взстревожились полки и въ бѣгъ пустилась рать;
Разсѣянной толпой покрылось поле бранно.
ПЕТРЪ въ войскѣ Росскомъ зря отверстіе пространно,
Летитъ бѣгущимъ въ слѣдъ и съ гнѣвомъ такъ речетъ:
„Васъ слава ждетъ впреди; а здѣсь спасенья нѣтъ!
„Умремъ съ мечемъ въ рукахъ, сражаясь со врагами:
„Я прежде всѣхъ пойду предъ вашими полками, —
„И, естьли устрашась, дерзну обратно течь,
„Пусть первый Россъ изъ васъ мнѣ въ грудь вонзитъ свой мечь.
То рекши двигнулъ рать, какъ бурю, предъ собою:
Самъ шествуетъ въ передъ — всѣ слѣдуютъ герою;

Такъ южный вихрь, несясь во срѣтенье волнамъ,
Закруживаетъ ихъ и гонитъ вспять къ брегамъ.
Уже ПЕТРОВА рать на Готфовъ наступаетъ;
Присутствіе Царя побѣду предвѣщаетъ.
Отъ лѣваго крыла Князь Менщиковъ поспѣлъ,
И кинулся въ враговъ быстрѣе, чѣмъ орелъ.
Успѣхами ПЕТРА смутился Готфъ надмѣнной,
И началъ отступать въ свой станъ къ дубравѣ темной;
Еще въ душѣ своей питая бранный жаръ,
Онъ храбро отражалъ Россійскихъ силъ ударъ.
ПЕТРЪ трижды гналъ враговъ и трижды возвращался,
Искусно наступалъ и лаврами вѣнчался.
Свирѣпый Готфскій вождь, злотворецъ нашихъ бѣдъ,
Зря многихъ изъ полковъ позорный бѣгства слѣдъ,
Стоитъ сумраченъ такъ, сколь прежде былъ отваженъ,
На мѣстѣ томъ, гдѣ долъ весь кровію увлаженъ.
Отмщенье, гнѣвъ и стыдъ, ПЕТРОВОЙ славы звукъ
Повергнули его въ ужасну бездну мукъ:
Онъ долго пребывалъ въ безмолвномъ изступленьи,
Уставя грозный взоръ на бѣдственны сраженьи,
Доколь въ груди его столь сильныхъ бунтъ страстей
Утихнувъ, не открылъ на злѣйшій рокъ очей.
Побѣдоносный Россъ велѣнью внявъ ПЕТРОВУ,
Отрѣзалъ вражій станъ и льетъ рѣку багрову;
По трупамъ гонитъ онъ враждебныхъ силъ полки;
Въ лѣсахъ кончаетъ жизнь отъ Росской Готфъ руки.
Подобно, какъ проливъ, дѣлясь на части многи,
Мчитъ гордые валы чрезъ шумные пороги,
И, силой разорвавъ оплоты на поляхъ,
Клубящимся хребтомъ теряется въ моряхъ:

Такъ Готфы по лѣсамъ разсыпавшись толпами
Бѣгутъ отъ Россіянъ, невозпящаясь рвами;
Сквозь мрачну дебрь по нимъ летитъ свинцовый градъ
И погружаетъ ихъ тонучихъ въ нѣдрѣ блатъ;
Вотще ихъ гордый вождь, пришедши паки въ чувство,
Старался изтощать угрозы, лесть, искуство:
Ничто остановить не можетъ Росскій громъ,
Вездѣ сраженный врагъ падетъ передъ ПЕТРОМЪ.
Князь Меньщиковъ приялъ во власть весъ станъ смятенный,
А Боуръ по полямъ полки сбираетъ плѣнны;
Самъ Левенгауптъ, день сраженія кленя,
Пускаетъ своего въ постыдный бѣгъ коня.
Ужъ слава по полямъ гремящею трубою
Сзываетъ храбру рать къ Россійскому герою:
Являются вожди и прочихъ сонмъ мужей:
Гнѣвъ виденъ былъ изъ ихъ сверкающихъ очей.
Тамъ плѣнниковъ полки съ снарядомъ зрѣлись ратнымъ;
Монархъ бодритъ своихъ глагольствіемъ пріятнымъ.
Благословляя день, рѣшившій войскъ судьбу,
Къ подателю всѣхъ благъ усердну шлетъ мольбу;
Хотя онъ больше всѣхъ явилъ въ сей брани рвенья,
Но къ войску и вождямъ отнесъ всю честь сраженья.
Чтобъ Карла на Москву въ походъ удержать,
И Шереметевъ въ станъ ПЕТРОВЪ приводитъ рать.
Покорствуя Творца обычному уставу,
Спѣшилъ на время рокъ пресѣчь войну кроваву,
Чтобъ Россы, опочивъ отъ бурныхъ непогодъ,
Съ сугубой похвалой пожали въ брани плодъ.
Внутри Кавказскихъ горъ, Бореи гдѣ свирѣпы
Сражаются и рвутъ глухихъ пещеръ заклепы,

Сѣдѣющь мразомъ тамъ обширный виденъ долъ,
На немъ сооруженъ изъ вѣчныхъ льдовъ престолъ:
Тамъ царствуетъ зима, временъ изчадье злобно.
Чудовище сіе, сынамъ своихъ подобно,
И естьлибъ вышня мощь препонъ не создала,
Бореями зима вселеннубъ увлекла.
Отполь царица льдовъ, туманами одѣта,
Власть грозную стремитъ во всѣ предѣлы свѣта.
Едва она вняла всемочна рока гласъ,
Велѣнію его покорствуя въ той часъ,
Ударомъ скипетра властительной десницы,
Отверзла непогодъ заклепанны темницы:
Чудовищь страшный полкъ, изторгшися изъ вратъ,
Выноситъ снѣги, мразъ, мятели, вьюги, градъ;
Угрюмы бури вдругъ затмили воздухъ чистый,
Далече слышанъ ревъ и хладныхъ вѣтровъ свисты;
Уже полночныхъ странъ достигнувши Борей,
Пушисты облака трясетъ съ сѣдыхъ кудрей,
Преобращая въ ледъ быстротекущу воду,
Спустился на поля и всю сковалъ природу:
Россійскіе полки въ Украйну ПЕТРЪ ведетъ,
И тамъ воздвигнувъ громъ, къ сраженью Карла ждетъ.

Межъ тѣмъ разбитый вождь на мѣсто подкрѣпленья
Принесъ во Карловъ станъ стыдъ бѣгства и смущенья.
Пособій нужныхъ Готфъ лишенный средь войны
Не столь ужъ страшенъ былъ для Росскія страны;
Но предпріятій Карлъ надмѣнныхъ не оставилъ.
Чтобъ нову рать привесть, Мазепу онъ отправилъ,
Грядетъ къ Востоку самъ въ сію ужасну степь,
Гдѣ смѣжныхъ съ небомъ горъ излучистая цѣпь

Съ обѣихъ странъ дѣлитъ кочующи народы,
Имѣющи себѣ въ довольство Дона воды.
Вѣщаютъ, будто тамъ восточные Цари
Филиппа сыну въ честь воздвигли олтари.
Карлъ въ шествіи своемъ влекущій войскъ громады
Селенья пожигалъ и рушилъ ближни грады;
Побѣдныхъ Росскихъ силъ успѣхомъ изумленъ,
Онъ вящше на ПЕТРА былъ яростью разженъ;
Лютѣйшей мести злость духъ бурный въ немъ терзала
И взоръ его на рокъ грядущій закрывала.
Свирѣпый сей герой предшествуя полкамъ,
Достигнулъ вскорѣ горъ возникшихъ къ небесамъ
И войски учредивъ въ долинѣ подъ хребтами,
Онъ станъ свой освѣтилъ великими огнями;
Насильная рука отъ робкихъ поселянъ
Похитить не могла добычь желанныхъ въ станъ:
Тамъ не было жилищь, ни даже смертныхъ рода,
Являлась лишь одна безплодная природа.
Ужъ ратники его въ уныньи между горъ
Опершись на штыки, являли смутный взоръ;
Источникъ нужныхъ требъ для жизни вожделѣнной
Изсякнулъ наконецъ средь рати утомленной.
Съ потупленнымъ челомъ, съ отчаяньемъ въ очахъ,
Страшнѣе смерти гладъ является въ шатрахъ,
Трепещущь, обнаженъ, едва имѣющь силы,
Какъ призракъ въ бурну нощь изшедшій изъ могилы.
Безъ пищи ратники проводятъ цѣлы дни,
Потухли межъ шатровъ отрадные огни.
Карлъ бодрствуетъ единъ при общемъ стонѣ войска:
Превыше всякихъ бѣдъ душа его геройска;

Ничто не можетъ въ немъ чувствъ твердыхъ взколебать;
Онъ терпитъ больше всѣхъ и ободряетъ рать.
По семъ, чтобъ обозрѣть мѣста между скалами,
Возходитъ въ высоту онъ трудными путями,
Не встрѣтится ли гдѣ очамъ его съ вершинъ
Жилища, или стадъ, бродящихъ средь долинъ,
Чтобъ вѣстью сей принесть полкамъ своимъ отраду,
И тѣмъ доставить въ снѣдь потребну пищу гладу:
Подъ мрачнымъ свѣсомъ вдругъ кремнистыя горы
Представилась ему пещера внутрь горы;
Стезя, поверхъ двухъ скалъ, что времени рукою
Возторгшись къ облакамъ сомкнулися дугою
Къ пещерѣ страшной сей отверзла Карлу ходъ:
Изъ мшистыхъ камней былъ ея составленъ сводъ,
Въ окружности ея двѣ пропасти глубоки
Являли по буграмъ замерзлыхъ водъ потоки:
Въ пещерѣ слышанъ стонъ, и слабый блескъ огня
Сквозь мракъ едва свѣтилъ въ лампадѣ изъ кремня.
Остановился Карлъ: страхъ нѣкій, незнакомый,
Не тотъ, что на поляхъ раждаютъ ратны громы,
Но страхъ извѣстный здѣсь не многимъ лишь душамъ,
Котораго герой не могъ постигнуть самъ,
Въ немъ духъ поколебалъ. Вѣтръ вылъ между горами,
Дрожащими во кругъ играющь тростниками.
Въ сомнѣніи герой, въ передъ, иль къ стану течь —
И, страха устыдясь, изторгъ свой грозный мечь.
„Злодѣйскій здѣсь вертепъ, я знаю то не ложно,
„Невинность страждетъ въ немъ; — спасти ее возможно.
То рекши самъ въ себѣ, подвигнулся впередъ:
Приближась видитъ онъ яснѣй въ пещерѣ свѣтъ:

Объемлетъ духъ его священно изумленье —
Онъ видитъ наконецъ, о чудное явленье!
На дерновомъ холмѣ среди пещерныхъ мѣстъ
Воздвигнутый олтарь и водруженный крестъ:
На немъ изображенъ закланный агнецъ Бога,
Чьей кровью въ вѣчну жизнь отверзта намъ дорога.
Колѣна преклоня на голомъ камнѣ тамъ,
Пустынникъ возсылалъ молитвы къ небесамъ.
Трудами и постомъ изнеможенно тѣло
Признаки лѣтъ младыхъ подвижника имѣло;
Къ костямъ прильпенна плоть, въ устахъ запекшись кровь
Являли ко Христу въ немъ пламенну любовь;
По блѣдному лицу на перси обнаженны
Текли потоки слезъ, любовью разтворенны.
Онъ бья себя во грудь, стенающь, полунагъ,
Въ терзаньяхъ созерцалъ залогъ грядущихъ благъ:
Въ очахъ его горѣлъ огнь радости священной,
Неложный знакъ души, Создателемъ плѣненной.
Карлъ чаетъ призракъ зрѣть, и, мечь пустя въ ножны,
Невольно воздохнулъ и самъ изъ глубины.
Съ пронзенною душей вступилъ въ вертепъ ужасный
И страждущему рекъ: „кто ты таковъ нещастный?
Внявъ гласъ пришельца, мужъ отъ олтаря возсталъ,
И Карлу на вопросъ, есмь грѣшникъ, отвѣчалъ:
„Да будетъ миръ съ тобой! и указавъ рукою,
Онъ Карла пригласилъ возсѣсть на одръ съ собою.
Сѣдалище сіе хоть скудно для Царей,
Но Карлъ и самъ обыкъ средь Марсовыхъ полей
На голой спать землѣ; и, не дивясь ни мало,
Что ложе то ему два камня представляло,

Возсѣлъ, дивясь тому, что съ доблестью такой
Пустынникъ не искалъ прославиться войной:
„По что, речетъ ему, въ твои цвѣтущи лѣта,
„Отрекся кровныхъ ты, отечества и свѣта?
„И, въ вѣчномъ погрузясь забвеньи отъ людей,
„Ты умерщвляешь плоть суровой жизнью сей?
„Иль въ мірѣ мало бѣдъ? иль должно намъ въ изгнаньѣ
„Благъ вѣчныхъ достигать чрезъ вольное страданье?
„Быть можетъ, что мой умъ, покрытый слѣпотой,
„Не въ силахъ постигать сей истинны святой,
„Открой мнѣ тайну ту: я мужъ, взращенной въ полѣ,
„Побѣды мой уделъ, не знаю щастья болѣ,
Вздохнувъ, пустынникъ рекъ: „ктобъ ни былъ ты таковъ,
„Я братъ твой, естьли ты причастникъ есть Христовъ;
„Хоть подданный, хоть Царь, нашъ Богъ единъ Мессія;
„И такъ познай, мое отечество Россія:
„Нѣтъ нужды до того, отколь возникъ мой родъ.
„Уже въ пещерѣ сей живу я третій годъ;
„Я здѣсь позналъ себя и ложну міра славу.
„О естьлибъ щастья блескъ, ліющій въ духъ отраву,
„Сіяніемъ своимъ не ослѣплялъ очей,
„Не столькобъ было бѣдъ въ сей жизни для людей,
„Не возмущалсябъ духъ мой страшнымъ привидѣньемъ,
„Разрушившимъ союзъ Творца съ Его твореньемъ.
„Средь бурныхъ въ мірѣ семъ и пагубныхъ страстей,
„Подобно, какъ и ты, искалъ я славы сей,
„Которая, лишь мигъ плѣнивши мысль надмѣнну,
„Пріятною стезей влечетъ нашъ духъ въ геенну.
„Предавшися мечтамъ растлѣнныхъ тѣхъ умовъ,
„Что мы обыкли звать ученьемъ мудрецовъ,

„Въ ужасну тьму низпалъ, и всѣ догматы вѣры
„Приписывалъ одной нелѣпости химеры.
„О Боже! ты тогда хулы мои внималъ —
„И, громъ держа въ рукѣ, злодѣя не каралъ!
„Ты, Боже! столь великъ, что мнѣ за отверженье
„Не казнь уготовлялъ, но щедрое прощенье!
„Ты зналъ, что тварь, какъ я, зловонна снѣдь червей,
„Достойна не была и ярости твоей.
„Бродящу въ мракѣ семъ, какъ бурныя потоки,
„Низверглись на меня всѣ злѣйшіе пороки:
„Болѣзни, скорби, трудъ, друзей лишенье тѣхъ,
„Безъ коихъ въ жизни мнѣ ужъ не было утѣхъ;
„Единъ остался я, какъ странникъ средь пустыни,
„Изгнанникъ отъ людей, отверженецъ святыни.
„Къ кому прибѣгнуть мнѣ, я думалъ наконецъ?
„Воззвалъ ко небесамъ — и гласъ мой внялъ Творецъ,
„Почувствовалъ себя чудесно вновь рожденнымъ.
„Привелъ себѣ на мысль, со сердцемъ сокрушеннымъ,
„Что самъ оставя Богъ превѣчный Свой престолъ,
„Видъ смертнаго принять низшелъ въ плачевный долъ;
„Отъ Дѣвы воплотясь, намъ далъ примѣръ смиренья,
„Страдалъ и смерть вкусилъ для нашего спасенья,
„Въ убожествѣ явилъ величество Христа,
И смертію отверзъ намъ въ вѣчну жизнь врата;
„Унизился, какъ рабъ, какъ Богъ, вознесся въ славѣ;
„И сый, благословенъ во вѣкъ въ своей державѣ,
„Надъ солнцами сѣдяй превыше всѣхъ властей,
„Онъ правитъ, какъ Отецъ, судьбиною людей;
„Во внутренность сердецъ и мыслей проницаетъ,
„Заблудшихся щадитъ, смиренныхъ возвышаетъ,

„И показуя путь безсмертья къ небесамъ,
„Оружіе даетъ противиться страстямъ.
„Симъ свѣтомъ озаренъ мой разумъ въ возхищеньѣ
„Призналъ грядущу жизнь и преждне заблужденье.
„Ничтожность, что сперва страшила робкій духъ,
„Какъ грозная мечта изчезла съ мракомъ вдругъ,
„И вѣчность предо мной, какъ солнце, возсіяла,
„Надеждою мой духъ и миромъ наполняла.
„Отверзся къ небесамъ путь грѣшничей мольбѣ,
„И щастье, что искалъ, обрѣлъ въ самомъ себѣ.
„Сей крестъ, что я ношу, для многихъ непонятенъ;
„Но онъ есть къ жизни путь, и для меня приятенъ.
„Не тяжко бремя то, люблю которо несть,
„Безъ жертвы сей Христа не можно приобрѣсть.
„Средь Роскошей мірскихъ мысль Бога забываетъ,
„Гоняясь за мечтой, нетлѣніе теряетъ:
„Кто хочетъ одному принадлежать Творцу,
„Пускай стремится тотъ къ терновому вѣнцу,
„И временную жизнь презрѣвъ, и оной сладость,
„Да предвкушаетъ здѣсь блаженствъ небесныхъ радость.
„Что значитъ наша жизнь? не естьли путь она
„Къ той жизни, что утѣхъ и вѣчныхъ благъ вина?
„Когдажъ сей кратокъ путь, ужасенъ, предкновененъ,
„То чѣмъ онъ можетъ быть толико намъ любезенъ,
„Гдѣ ненависть, вражда, измѣна, хитрость, лесть
„Разставливаютъ сѣть и ловятъ въ узы честь?
„Тѣхъ гордость, сихъ сребро слѣпитъ душевны очи,
„Отъ свѣта отходя, всѣ идутъ къ вѣчной ночи.
„Вотъ міръ, которому разпялся человѣкъ!
„Но слава, но вѣнцы — герой возставши рекъ,

„Иль громки имена властителей вселенны,
„Сошедши съ ними въ гробъ, останутся забвенны?
„Иль должно промѣнять побѣды на мечту
„И лаврамъ предпочесть отшельцевъ слѣпоту,
„За неизвѣстну жизнь лишиться сущей славы?
„Не внятны для меня столь строгіе уставы "
Пустынникъ, возведя свой взоръ на небеса,
Подвигся возвѣстить грядущи чудеса:
Глубоковпала грудь среди изнеможенья,
Приемлетъ силы вдругъ отъ членовъ напряженья;
Въ очахъ сверкаетъ огнь, въ душѣ горитъ восторгъ,
И тако самъ гласитъ его устами Богъ:
„Грядетъ, грядетъ тотъ часъ, и твари узрятъ вскорѣ
„Вокругъ лица земли пылающее море;
„Возплачетъ грѣшныхъ родъ, когда отецъ временъ
„Приходъ свой возвѣститъ, отмщеніемъ разженъ;
„Померкнетъ блескъ свѣтилъ, ось звѣздна разпадется,
„И, небо отлучась, какъ хартія, свіется;
„Подвигнутся съ высотъ безплотныхъ сонмы силъ,
„И Ангелы съ трубой, пареньемъ бурныхъ крылъ
„Отъ всѣхъ концевъ земли сберутъ соблазны міра,
„И ввергнутъ ихъ во пещь, разженну средь эфира;
„Проникнетъ внутрь могилъ громовый гласъ Христовъ,
„И взстанутъ мертвецы живые изъ гробовъ!
„Какъ козлищь отъ овецъ Господь отлучитъ злобныхъ,
„И одесную всѣхъ поставитъ преподобныхъ;
„Къ единымъ возгласитъ: благословенный родъ,
„Сберите нынѣ вы съ трудовъ желанный плодъ;
„Грядите въ горній міръ къ Отцу, сотворшу вѣки,
„Гдѣ Ангельскую жизнь вкушаютъ человѣки:

„Къ послѣднимъ же речетъ· а вы, о тьмы сыны,
„Проклятое Творцемъ изчадье Сатаны!
„Низриньтесь въ вѣчный мракъ, гдѣ пламень, казнь, стенанье:
„Се вашихъ гнусныхъ дѣлъ достойно воздаянье!
„Ктобъ ни былъ, Царь, иль рабъ, въ кромѣшный адъ пойдетъ;
„У Господа лицу обиновенья нѣтъ.
„Спасутся ли тогда побѣдами герои?
„Или пріидутъ къ нимъ на помощь ратны строи?
„Кто взпомнитъ въ оный день ихъ громки имена?
„Покроетъ звучна цѣпь ихъ горды рамена;
„Умолкнетъ похвала, что имъ льстецы сплетали,
„Поблекнутъ лавры тѣ, что въ жизни ихъ вѣнчали.
„Возникнетъ въ небесахъ лишь тѣхъ героевъ ликъ,
„Защитниковъ сиротъ, премудрыхъ тѣхъ владыкъ,
„Что подданныхъ своихъ спасали отъ насильства,
„Изкореняли зло, раздоры и убійства,
„Отечество свое избавили отъ мукъ,
„И съ вѣрою ввели полезныхъ свѣтъ наукъ.“
Онъ рекъ, и весъ вертепъ лучами озарился,
Связь горна потряслась, Карлъ въ страхѣ изумился:
Казалось, что сама природа въ оный часъ
Со трепетомъ вняла святаго мужа гласъ.
Обезоруженъ Карлъ, и самъ съ собою въ спорѣ;
Какъ будто послѣ бурь утихнувшее море,
Которое хотя свирѣпства лишено,
Но внизъ гоня валы, крутитъ песчано дно:
Подобно сей герой, по чудномъ вѣры свѣтѣ,
Мысль горду укротя, съ душою былъ въ совѣтѣ.
При ратоборствѣ семъ бунтующихъ страстей
Проникъ небесный лучь въ мракъ внутреннихъ очей,

Внезапно развилось различныхъ думъ сплетенье;
Карлъ чувствуетъ въ душѣ священно умиленье:
„О Боже! онъ вскричалъ, или твой дивный свѣтъ
„Межъ горъ и средь пустынь въ отшельцахъ лишь живетъ?
„Иль должно, чтобъ снискать твою любовь и славу,
„Рабамъ оставить домъ, Царямъ свою державу,
„Отречься отъ всего, отъ кровныхъ, отъ друзей,
„И вслѣдъ тебѣ идти терновою стезей?
Пустынникъ на сіе: „ чтобъ крестъ носить въ семъ мірѣ,
„Что можетъ возбранить владѣтелю въ порфирѣ?
„Всякъ приметъ по дѣламъ, иль мзду иль вѣчну казнь:
„Не міръ преграда намъ, но внутрення боязнь.
„Кто страхъ сей превзойдетъ, страстямъ войну объявитъ,
„Въ сраженьяхъ тотъ себя побѣдою прославитъ.
„Отверены для всѣхъ равно врата небесъ:
„Творецъ не истощимъ величествомъ чудесъ:
„Онъ всѣхъ готовъ пріять, коль всѣ на то готовы;
„Онъ насъ купилъ цѣной, мы всѣ рабы Христовы.
„Грѣшнѣйшій изъ людей не долженъ унывать,
„Но бодрствовать, творить, терпѣть и уповать.“
Бесѣдою святой Карлъ свыше вдохновенный,
Казался въ оный часъ, какъ будто вновь рожденный:
Повѣдалъ мужу онъ нещастіе полковъ,
Всѣ подвиги свои, и кто онъ былъ таковъ.
„Не думай, Государь, пустынникъ отвѣчаетъ,
Что Росскаго врага мой духъ врагомъ щитаетъ:
Намъ Богъ велѣлъ любить, какъ братій, всѣхъ людей;
И онъ не оправдитъ надмѣнности твоей.

„Для славы алчешь ты разрушить царствъ спокойство,
„Лить кровь и грады жечь щитаешь за геройство?
„Пришедъ въ безплодный край чрезъ горы и пески,
„Коликимъ бѣдствамъ ты подвергъ свои полки!
„Сіе ли только зло? се есть начало кары:
„На полѣ ждутъ тебя Россійскіе удары.
„ПЕТРЪ славой возгремитъ, ты жъ въ варварской странѣ
„Убогимъ пришлецомъ жить будешь по войнѣ.
„Возстави миръ съ ПЕТРОМЪ, иль въ чувствахъ горделивыхъ,
„Событій страшныхъ жди словесъ моихъ правдивыхъ.
„Межъ тѣмъ возпомни, Царь, ко стану въ твой возвратъ,
„Что вѣрный рабъ Христовъ и въ нищетѣ богатъ:
„Молитвою моей къ щедротѣ Богъ склоненный,
„Въ снѣдь пищу низпошлетъ въ станъ гладомъ изнуренный.
„Таковъ есть Божій даръ и дѣйствіе креста!
„Нѣтъ жизни, нѣтъ блаженствъ безъ вѣры, безъ Христа.
„Гряди теперь въ твой станъ; да искры благодати,
„Воздѣйствуютъ въ тебѣ для щастья цѣлой рати.“

Съ пустынникомъ герой разставшись вышелъ вонъ,
И шествуя пускалъ изъ сердца тяжкій стонъ;
Сколь дивенъ, мыслилъ онъ, Творецъ непостижимый,
Толико щедрый Богъ и мной столь мало чтимый!
Въ сихъ чувствахъ онъ достигъ немѣдленно въ свой станъ,
Гдѣ скорбь и страшный гладъ, силъ жизненныхъ тираннъ,
Терзали храбру рать. Карлъ, будто въ сновидѣньѣ,
Пустынниковыхъ зритъ пророчествъ изполненье:
Стада тельцовъ къ полкамъ безъ пастыря грядутъ,
И воинамъ себя на жертву отдаютъ;

Богатую корысть полки дѣлятъ на части;
Лучь жизненный блеснулъ, минули всѣ напасти;
Возгнетши огнь отъ искръ кремнистыя скалы,
Они готовятъ снѣдь: шлютъ къ небу паръ котлы.
Все воинство тогда, томимо лютымъ гладомъ,
Возсѣло вкругъ огней средь стана длиннымъ рядомъ:
Подъ онымъ улеглись снѣжистые ковры;
И се, во всѣхъ полкахъ открылися пиры.
Пресытившись отъ брашнъ, всѣ воины возстали
И теплыя мольбы на небо возсылали.
Враждебный паки огнь возникнулъ въ ихъ сердцахъ,
Проснулась храбрость вдругъ и носится въ полкахъ;
Являлись Готфы тамъ, какъ шумны въ морѣ волны:
Дивится чудесамъ, герой восторга полный.
Имѣя предъ очьми пророчихъ дѣйство словъ,
Уже хотѣлъ склонить онъ къ миру духъ ПЕТРОВЪ:
То мыслившу ему се гордость вдругъ предстала,
Держа въ рукахъ вѣнцы, на войско указала:
„Ужели и твой духъ, вѣщала такъ она,
„Удобна устрашить кровавая война?
„Понесши столько бѣдъ въ сраженьяхъ и походѣ,
„Всемощнымъ судіей въ полночномъ ставъ народѣ,
„Какъ робкій хочешь ты отъ брани убѣжать?
„Приди въ себя, о Карлъ! воззри на храбру рать:
„Подобны львамъ твои непобѣдимы вои:
„Мужайся, буди твердъ, готовь къ походу строи.
„Вѣнцы сіи для нихъ за подвигъ будутъ мздой;
„Ты, паче всѣхъ въ войнѣ прославишься, герой.
„Гласъ вѣры усыпилъ твои на время чувства:
„То всѣхъ отшельцевъ есть обычный даръ искуства,

„Чтобъ сѣти разставлять героямъ и царямъ;
„Они хотятъ весъ міръ склонить къ своимъ стопамъ,
„Заставить жить людей своей согласно волѣ;
„Для нихъ нѣтъ въ свѣтѣ благъ, ни славы въ ратномъ полѣ:
„Тебѣ ль прилично жизнь во праздности влачить,
„Тогда, какъ можешь ты Царемъ вселенной быть?
„Творецъ, создавшій свѣтъ, живущій надъ мірами,
„Не полнъ ли славы самъ? не дивными ль дѣлами
„Свою премудрость чтить онъ всю заставилъ тварь?
„Небесну подражать земный обязанъ Царь.
То рекши, адска злость, убійствами не сыта,
Вдохнула мламень свой въ грудь мужа знаменита
И, молніей блеснувъ, въ бездонный скрылась адъ.
Карлъ долго пребывалъ борьбою чувствъ объятъ:
Душевный гласъ вѣщалъ: о Царь! страшись видѣнья!
Се гордость твоего предвѣстница паденья!
Но въ немъ уже зажглась къ сраженьямъ вновь алчба,
И рану жесточитъ приложенна врачба.
Надмѣнъ, неукротимъ, какъ левъ, томимый гладомъ,
Рыкая на степяхъ ждетъ пастыря со стадомъ,
Такъ тлѣлъ желаньемъ Карлъ, чтобъ съ воинствомъ Гетманъ
Немѣдленно достигъ къ нему на помощь въ станъ.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТОЙ ПѢСНИ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Карлъ XII. получивъ подкрѣпленіе отъ Мазепы, выходитъ изъ горъ и осаждаетъ Полтаву. Россійскій вождь, съ малымъ гарнизономъ защищавшій сей городъ, отступаетъ и Шведы на нѣкоторое время удерживаютъ оной за собою. ПЕТРЪ Великій стремится отразить непріятеля; въ виду всего Шведскаго окольженія переправляется съ своимъ воинствомъ чрезъ рѣку Ворсклу. Карлъ не можетъ остановить быстроты его движеній, нападаетъ прежде съ великимъ жаромъ на редуты, построенные ПЕТРОМЪ въ нѣсколько часовъ. Рѣчь ПЕТРА къ воинству, мужественное его отраженіе Шведовъ, опасность его жизни; Карлъ раненъ и войски его разбиты во всѣхъ пунктахъ. Герой, устрашавшій всѣ полночныя державы, спасаетъ себя бѣгствомъ. ПЕТРЪ одерживаетъ надъ нимъ полную побѣду и утверждаетъ безопасность четырехъ державъ: Даніи, Швеціи, Польши и Россіи.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

Небесныхъ въ сонмѣ силъ Творецъ премудрый, дивный,
Судивый разорить навѣтъ ПЕТРУ противный
И власть его простерть на западъ и востокъ,
Изъ скиніи судебъ изъемлетъ Карловъ рокъ:
Изторгся жребій вонъ приозаренный блескомъ,
И воздухъ взколебалъ вкругъ зыблющимся трескомъ;
Излучинами онъ свергаясь быстро въ долъ,
Изъ вѣчной книги несъ написанный глаголъ:
„Смиряетъ гордыхъ Богъ, смиренныхъ превозноситъ:
Низпалъ и отъ войны кровавой дани проситъ:
Чудовище кипитъ восторгомъ и враждой,
И храбрые полки сзываетъ въ славный бой.
Еще Борей тягчилъ оковами вселенну,
И бурями терзалъ природу устрашенну:

Подъ грудами снѣговъ бѣлѣли холмы, лѣсъ:
Весна къ нему на брань подвиглась отъ небесъ;
По радужнымъ стезямъ вкругъ вѣющи зефиры
Льютъ въ воздухъ ароматъ съ богининой порфиры;
Простерлись теплота и свѣтъ во всѣ страны —
Угрюмый вдругъ Борей почулъ приходъ в сны:
Не можетъ взоръ его сдержать лучей сіянья,
Слабѣютъ силы въ немъ отъ нѣжнаго дыханья;
Онъ грудію возлегъ на льдистые бугры,
Посылалъ дождь и градъ съ чудовищной горы,
Крутился, обращалъ къ Кавказу грозны взгляды;
Отъ ярости его трещали льдовъ громады;
Размахомъ бурныхъ крылъ и сильныя руки,
Летѣли, раздробясь, алмазны вверхъ куски.
Побѣду уступить соперницѣ стыдится,
Чьмъ ближе зритъ свой рокъ, тѣмъ вящше духъ въ немъ злится.
Увившись мракомъ вкругъ, разверзъ ужасный зевъ,
И съ вѣтрами пустилъ гортанью звонкій ревъ;
Дхновеніемъ весны его сраженна крѣпость,
Уничтожаетъ въ немъ обычную свирѣпость:
Уже межъ льдистыхъ ребръ проталины блестятъ,
Съ великія брады потоки внизъ шумятъ,
Въ тьмы густыхъ бровей, гдѣ царствовали бури,
Сіяютъ радуги изъ злата и лазури;
И крылія его, сліявшися съ хребтомъ,
Недвижимы стоятъ надъ пасмурнымъ челомъ,
И вскорѣ члены въ немъ и всѣ замерзлы соки,
Преобратились вдругъ въ прозрачные потоки.
На холмахъ зритъ весна прелестные пиры,
И стелетъ по полямъ зеленые ковры;

Покрыты златомъ тамъ, поднявъ верхи кудрявы,
Колеблемы шумятъ ликующи дубравы;
Оратай по землѣ влечетъ блестящій плугъ
И пастыри стада на пестрый гонятъ лугъ,
Проснулся гулъ въ лѣсахъ, птицъ слышенъ хоръ пріятный
И дышутъ межъ древесъ зефиры ароматны.
Принесши нову жизнь весна природѣ всей,
Отверзла путь войнѣ жадающей кровей.

Мазепа, предводимъ измѣной и враждою,
Достигнулъ въ Карловъ станъ наемниковъ съ толпою;
Припасомъ и ружьемъ что нужно для войны,
Съ излишествомъ полки имъ были снабдены.
Ужъ Готфскіе вожди, возпламененны славой,
Сраженія и смерть щитающи забавой,
Вздымая горду грудь, ходили по полкамъ,
И ждали, чтобъ скорѣй перуны несть къ врагамъ.
Карлъ, видя ревность ихъ, веселье ощущаетъ,
И съ грозною вождямъ улыбкою вѣщаетъ:
„Когда бы ПЕТРЪ имѣлъ такихъ съ собой мужей,
„Ужасенъ былъ бы онъ для сѣверныхъ Царей!
„Вашъ храбрый въ браняхъ духъ извѣстенъ всей вселенной:
„Попранъ полночный край, трепещетъ югъ надмѣнной.
„Для будущихъ временъ какой примѣръ сынамъ,
„По вашимъ что пойдутъ въ сраженіяхъ стопамъ!
„Ко славѣ предлежитъ намъ ново нынѣ поле:
„Отверстъ въ Россію путь — не должно мѣдлить болѣ.
„Готовьтеся, друзья, къ врагамъ перуны несть,
„И лавры вновь пожать. Нашъ долгъ и наша честь.
„Не терпятъ, чтобъ мы здѣсь безъ дѣйства пребывали
„И, рвами обложась, Россіянъ ожидали.

„Въ засадѣ унывать Карлъ съ войскомъ необыкъ;
„Онъ долженъ быть главой народовъ и владыкъ.
„Доколѣ служитъ мнѣ столь щастье вожделѣнно,
„Такъ все, что создалъ ПЕТРЪ, я рушу непремѣнно.
Скончалъ — и воины мгновенно снявъ шатры,
Устроились въ походъ подъ тѣнію горы.
Движенья шумъ и зыкъ взываній громогласныхъ,
Отзывами твердятъ пещеры горъ ужасныхъ;
Тамъ солнечны лучи играя на штыкахъ,
Являютъ молній видъ, блестящихъ въ облакахъ;
Подъ тяжестью махинъ раздался скрыпъ колесный,
Густая вьется пыль въ пространства поднебесны.
Кровавая война, изторгшись изъ заклепъ,
Гдѣ царствуетъ она средь адовыхъ вертепъ,
Ужасно копіе трясетъ своей рукою,
И грозный полкъ ведетъ чудовищь за собою.
Тамъ ненависть, вражда, отчаянье, боязнь,
Измѣна, алчна смерть, тревога, страхъ и казнь,
Послѣдуютъ за ней, предшествующи войску,
И надмѣваютъ рать успѣхами геройску.
Убійствомъ дышущій являя страшный видъ,
Нетерпѣливый Карлъ на мѣдленность скорьбитъ;
Ходъ быстрый войскъ ему казался труденъ, томенъ,
Лишь бранію одной Карлъ можетъ быть доволенъ.
Отважный такъ стрѣлокъ, гоняясь вслѣдъ звѣрямъ,
За вепремъ въ темну дебрь, за серной по скаламъ,
Отъ бѣга на пути усталости не знаетъ,
Чрезъ острые бугры и рвы перелетаетъ;
Иль звѣря ждетъ изъ норъ грядуща на праву,
Съ пернатою стрѣлой напрягши тетиву,

Онъ каждый вѣтерокъ преслѣдуетъ очами,
Не звѣрь ли то? и всѣ минуты чтитъ годами.
Полночныя страны объялъ незапный страхъ,
Когда явился Карлъ на Марсовыхъ поляхъ;
Смутились духомъ вновь Украински народы.
Предвозвѣщатель бѣдъ и бранной непогоды,
Крылатый слухъ, паря къ Днѣпру отъ Донскихъ водъ,
Въ Россійскихъ областяхъ гласитъ враговъ приходъ.
Карлъ строющій извѣтъ ПЕТРА безсмертной славѣ,
Съ перунами грядетъ къ трепещущей Полтавѣ;
Какъ тучей, обложа онъ градъ полками сей,
Въ ужасну предалъ власть духъ ярости своей.
Полуразбитый градъ отъ громовъ повседневныхъ
Грозилъ погребсть гражданъ въ развалинахъ плачевныхъ.
Войскъ Росскихъ Келинъ вождь, имущій малу рать,
Не въ силахъ больше былъ Вандаловъ отражать:
Хоть подвиги его въ семъ дѣлѣ знамениты,
Но силѣ уступя, оставилъ безъ защиты
То мѣсто, гдѣ судьба для будущихъ вѣковъ
Назначила въ примѣръ прославить трудъ ПЕТРОВЪ.
Вдохните, музы, мнѣ и силъ и жару болѣ,
Да съ звучною трубой несясь, на ратно поле,
Безъ страха средь огней пойду ПЕТРУ во слѣдъ
И свѣту возвѣщу славнѣйшу изъ побѣдъ;
Да слабый голосъ мой, дѣла возпѣвши громки,
Промчится сквозь вѣковъ въ позднѣйшіе потомки,
Да будетъ мнѣ вѣнцемъ не скудный слова даръ,
Но къ истиннѣ любовь и сильный рвенья жаръ.

Какъ шумный океанъ, средь бурь свирѣпства полный,
Со дна до грозныхъ тучь кидаетъ горды волны
И угрожаетъ весь покрыть рѣками свѣтъ,
Въ подобномъ видѣ ПЕТРЪ полки на брань ведетъ;
Ведетъ туда, гдѣ месть, измѣна и крамола
Изрыли бѣдствій ровъ для Росскаго престола,
Гдѣ гордость, злоба, стыдъ, ужасныхъ смѣсь страстей,
Какъ тучи, скрывши громъ, воздвиглись средь зыбей.
Чрезъ Ворсклу проведя въ виду враговъ надмѣнныхъ
Разставилъ по полямъ ПЕТРЪ Россовъ ополченныхъ
И множествомъ стрѣльницъ закрывши войска тылъ,
Подобныя впреди близь града онъ открылъ.
Тамъ каждый холмъ и валъ сталъ крѣпостью громовой;
И вскорѣ всѣ полки поспѣшностью ПЕТРОВОЙ
Въ назначенны мѣста вступили съ быстротой,
И ждали, чтобъ начать съ врагомъ кровавый бой.
Тамъ Шереметевъ войскъ срединой управляетъ;
Славнѣйшій изъ вождей, онъ въ Готфовъ страхъ вселяетъ;
Князь Менщиковъ приялъ надъ правымъ власть крыломъ,
А съ шуія страны воздвигнулъ Боуръ громъ.
Волконскій, Келинъ, Гольцъ, Репнинъ неустрашимый
И Долгорукій, мужъ, ПЕТРОМЪ за правду чтимый,
Шафировъ, храбрый Ренъ и Кропотовъ межъ нихъ
Послѣдовалъ ПЕТРУ, и множество другихъ.
Устроя тако рать, для Готфовъ смертоносну,
И крѣпкодушно зря противныхъ силу грозну,
Котору злобный Карлъ на Россовъ устремлялъ,
Съ величествомъ Монархъ предъ воинствомъ вѣщалъ:

„О Россы! мнится мнѣ, что мы въ трудахъ терпѣньемъ,
„Примѣромъ славныхъ дѣлъ, отважностью и рвеньемъ
„Во время сильныхъ битвъ средь Марсовыхъ полей
„Достигли наконецъ щастливыхъ оныхъ дней,
„Когда приемлютъ въ даръ, стремясь въ похвальны слѣды,
„Граждане плодъ наукъ, а воины побѣды.
„Мнѣ опытъ доказалъ, что духъ моихъ сыновъ
„Способенъ ко всему. Въ преданіи вѣковъ,
„Гдѣ древность часто блескъ дѣяній затмѣваетъ,
„Велики имена Славянскихъ чадъ являетъ:
„Тамъ Рюрикъ, тамъ Олегъ, тамъ Игорь, Святославъ,
„Смирители чужихъ враждебныхъ имъ державъ,
„Владимиръ, Мономахъ, рушитель царствъ и троновъ;
„Тамъ храбрый Іоаннъ, свѣтильникъ тѣхъ законовъ,
„Которы довершилъ премудрый мой отецъ,
„И ими оградилъ народъ свой и вѣнецъ:
„Но всѣ сіи дѣла, хоть славны и велики,
„Моглиль довольны быть для Росскаго владыки?
„Доколь не озаритъ умовъ ученья свѣтъ,
„Ни вѣрныхъ въ царствѣ благъ, ни прочной славы нѣтъ.
„Народы чуждыхъ странъ, властители вселенны,
„Ахейцы, Римляне, всѣ были просвѣщенны.
„Они явили намъ, что дѣлъ великихъ звукъ,
„И царскіе вѣнцы не лестны безъ наукъ.
„Мы зримъ въ Россіи флотъ, созданный въ кратко время,
„Возникшихъ сонмъ градовъ среди враждебна племя;
„Строеніе махинъ, художно ремесло,
„Россіи вознесли вѣнчанное чело;

„Далеко превзошли мы предковъ нашихъ славу:
„И подвиги, что днесь крепятъ мою державу,
„Свидѣтельствуютъ мнѣ, сколь вашъ обиленъ даръ,
„Сколь бодръ и знаменитъ въ кровавыхъ битвахъ жаръ.
„Столь многихъ плодъ трудовъ нашъ врагъ непримиримый
„Намѣренъ истребить! Ужъ гордостью водимый
„Карлъ хвалится Москвѣ инаго дать Царя,
„Всѣ флоты пожещи и въ плѣнъ увлечь моря.
„Мечтаньемъ начертавъ толь чудную премѣну,
„На насъ вооружилъ жестокость, лесть, измѣну;
„И силъ Днѣпровскихъ вождь, мой подданный Гетманъ
„Воздвигъ свою пяту для бѣдства Росскихъ странъ.
„Намъ должно побѣдить враговъ въ сей день кровавой,
„Рѣшить судьбину царствъ полночныхъ подъ Полтавой
„И свѣту показать, что Карлъ успѣть не могъ:
„Его надѣжда мечь, а намъ защита Богъ.“
Умолкъ — и въ тотъ же мигъ подвигнулъ ратны строи:
Несутся на враговъ Славяно-Росски вои;
Усердье въ ихъ душѣ, во взорахъ ярый гнѣвъ.
Уже гремящій адъ разверзъ ужасный зевъ,
Изрыгли жерла смерть, пылаетъ огнь свирѣпый,
Колеблются поля и стонутъ горъ вертепы.
Сѣдящій на конѣ, быстрѣй, чѣмъ бурный вѣтръ,
Предъ воинствомъ своимъ летаетъ гнѣвный ПЕТРЪ.
Подобно, какъ перунъ на воздухѣ пущенный,
Ударивъ съ трескомъ въ югъ, рветъ тучи съединенны,
И раздробившись вдругъ по грознымъ облакамъ
Разящихъ молній видъ изображаетъ тамъ:
Таковъ являлся ПЕТРЪ, безстрашіемъ водимый,
Онъ такъ разторгъ враговъ полки непобѣдимы.

Отверзся чрезъ тѣла обширный къ славѣ путь,
И Россъ противъ враговъ поставилъ храбру грудь;
Отъ смертоносныхъ тучь и пламени губяща
Готфъ скрылъ себя за хребтъ холма вблизи лежаща.
Межъ тѣмъ на высоту воздвигнутыхъ стрѣльницъ
Два Готфскіе вождя, какъ съ стадомъ хищныхъ птицъ,
Со всадниками вдругъ взлетѣли въ буйствѣ яромъ —
И пламень потушивъ, удары за ударомъ
На Росску рать они изъ бурныхъ сыплютъ рукъ:
И въ знакъ побѣды ихъ раздался трубный звукъ.
Подобно камнямъ, внизъ падущимъ съ быстротою,
Россіяне съ стрѣльницъ пустились въ бѣгъ толпою;
Тутъ Левенгауптъ ихъ преслѣдуя разитъ
И отомщаетъ имъ за свой минувшій стыдъ.
Волконскій, Боуръ, Ренъ на помощь вдругъ съ полками
Достигли къ нимъ и въ бой вступили со врагами:
Крутъ къ Готфамъ подоспѣлъ и вскорѣ Шлипенбахъ:
Сражаются полки на пламенныхъ штыкахъ.
Не мѣдлябъ Россы тутъ поверхность одержали,
Но съ ближняго холма въ нихъ ядра засвистали;
Повергнулся на долъ дружины Росскихъ силъ,
И страшный врагъ съ мечемъ въ средину къ нимъ вступилъ;
Усиленный еще отрядомъ Гамильтона,
Онъ шелъ, разилъ, терзалъ. Такъ чада Иліона
Ахейску гнали рать къ горящимъ кораблямъ,
Когда Ахиллъ питалъ къ Аргосскимъ месть вождямъ;
Отъ Гектора руки такъ пали близъ пучины
Страшивши девять лѣтъ Фригійцевъ исполины.
Уже съ своимъ полкомъ, бывъ Готфомъ окруженъ,
Низвергся Росскій вождь, неустрашимый Ренъ:

Онъ храбро отражалъ противныхъ нападенье;
Но Богъ назначилъ часъ, изрекъ опредѣленье:
Направленнымъ ядромъ въ нещастнаго враги
Лишили чувствъ его и правыя ноги;
На полѣ онъ простертъ, лежалъ, ослабленъ въ силахъ;
Отторженна нога на двухъ повисла жилахъ:
То былъ уже не вождь, умытый кровью трупъ.
Такъ въ рощѣ, сынъ вѣковъ, замотерѣвшій дубъ,
Который, къ облакамъ подъявъ надмѣнно темя,
Безвредно противъ бурь сражался долго время,
Вдругъ грянувшей изъ тучь стрѣлой ударъ приявъ,
Со трескомъ разщепясь, внизъ вержется стремглавъ;
Колеблетъ вкругъ себя онъ сильнымъ долъ упадомъ
И многія валитъ древа стоящи рядомъ.
Сраженному вождю сомкнула очи смерть,
Но славы не могла съ души геройской стерть.
Тамъ Стрѣшневъ, Филингеймъ, неустрашимы оба,
Борющися съ врагомъ, низходятъ въ мрачность гроба.
Нечаевъ, храбрый Ловъ подобно въ битвѣ сей
Однимъ ударомъ токъ своихъ пресѣкли дней:
Одинъ оставилъ мать, другой отца, супругу;
Потомкамъ же въ примѣръ оставили заслугу.
О скорбный видъ очамъ! объемлетъ сердце страхъ:
Всѣ казни адскихъ золъ являются въ поляхъ!
Иной лежитъ въ крови разтоптанъ весь конями,
Другой на сквозь пронзенъ трегранными штыками;
Сей внутренну изрыгъ дрожащу на песокъ,
Тотъ съ смертию борясь, клянетъ упорный рокъ;

Иной занесши мечь, ударъ свой измѣряетъ,
Но пулей пораженъ, упалъ и прахъ глотаетъ;
Другой, стремясь врага бѣгущаго догнать,
Отчаянья въ пылу въ враждебну вторгся рать
И, съ многими одинъ сражаясь безпрестани,
Кладетъ свою главу отъ ста ударовъ въ брани.
Въ толь грозный битвы день чрезъ долго время тутъ
Межъ храбрыхъ двухъ племенъ сомнѣнъ былъ рока судъ.
Повѣждь, о муза! мнѣ, какая чудна сила
Свирѣпыхъ Готфовъ въ бѣгъ постыдный обратила?
Со частью новыхъ силъ къ своимъ на помощь въ бой
Не мѣдля прилетѣлъ Россійскихъ странъ герой.
Какъ буря изъ за горъ поднявшись мчится съ свистомъ,
Лѣсъ ломитъ, кроетъ степь со древъ стрясеннымъ листомъ:
Подобно ПЕТРЪ враговъ разилъ, опрокидалъ
И влажный кровью долъ тѣлами ихъ устлалъ:
Бѣгутъ враги стремглавъ чрезъ Росско укрѣпленье
И въ цѣломъ войскѣ ихъ простерлося смущенье.
Но кій враждебный рокъ бодритъ въ нихъ снова духъ?
Бѣгущія толпы остановились вдругъ:
Страхъ гонитъ ихъ назадъ, страхъ нудитъ ихъ спасаться,
А мужества примѣръ велитъ имъ защищаться.
Ворящь пространный путь чрезъ груды мертвыхъ тѣлъ,
Брабантовъ храбрыхъ строй самъ Карлъ въ сраженье велъ;
Предъ нимъ предходитъ месть, подобна мрачной ночи,
Мутя въ сердцѣ адъ и крови полны очи;
Отчаянье и смерть послѣдуютъ за нимъ,
Въ воздухѣ трясутъ оружьемъ роковымъ:

Не мѣдля онъ велѣлъ полкамъ своимъ раздаться,
Чтобъ къ Россамъ ближе ставъ, удобнѣе сражаться:
„О воины! гласитъ, кто здѣсь изъ храбрыхъ есть, —
„Идите возприять со мною равну честь!
Вѣщалъ, и, какъ гора, подмытая дождями
И бурными отъ гнѣздъ отторженна вѣтрами,
Съ ужаснымъ трескомъ внизъ падетъ отъ поднебесъ
И въ понтъ съ собой влечетъ поля, стада и лѣсъ.
Съ толикой въ Россовъ Карлъ ударилъ быстротою —
И предніе ряды низвергнулъ предъ собою:
Тамъ тысяща мужей съ ружьемъ легло на прахъ —
И среднюю войска часть назадъ подвигнулъ страхъ.
Самъ ПЕТРЪ вкусилъ бы смерть, когдабъ не Ангелъ брани
Просперъ къ нему свои спасительныя длани:
ПЕТРОВОЙ жизни тотъ недремлющій поступъ
Межъ громомъ сталъ и имъ и удержалъ перунъ.
Карлъ рѣется впередъ, скользя по крови черной,
И рушитъ предъ собой все въ ярости безмѣрной;
Въ средину Русскихъ войскъ склоняетъ свой порывъ:
Свирѣпъ, неукротимъ и щастьемъ горделивъ,
При бѣдствѣ нашихъ войскъ убійства страхъ сугубитъ,
Колеблетъ всѣ ряды, разитъ, пронзаетъ, рубитъ;
Онъ тысящами тѣлъ усѣялъ поле вкругъ;
И бѣшенства вмѣстить его не можетъ духъ.
Князь Меншиковъ вотще привелъ три въ помощь строя:
Единъ удобенъ ПЕТРЪ смирить сего героя.
Онъ гнѣвомъ возкипѣлъ, и гдѣ жесточе бой,
Туда его влечетъ пылъ мщенія крутой;

Несется, и, враговъ остановивъ стремленье,
Вступаетъ съ Карломъ самъ въ кровавое сраженье.
По храбрости они другъ друга познаютъ:
Сближаются — и смерть возтрепетала тутъ!
Представь себѣ, когда, двѣ спершись тучи бурны,
Угрюмой синевой покроютъ сводъ лазурный,
Надувшись силой внутрь бунтующихъ огней
И съ трескомъ разродясь, изъ пламенныхъ пещей
Сквозь толщу сѣрныхъ влагъ разящи мещутъ стрѣлы
И громомъ зыблютъ вкругъ подлунные предѣлы:
Сраженія сего толико страшенъ видъ.
Россъ каждый тамъ Ахиллъ, и каждый Готфъ Алкидъ.
Какъ крѣпости, стоятъ полки ПЕТРОВЫ сжаты:
Подобный строя видъ имѣли сопостаты:
Не можетъ рати ПЕТРЪ придвигнуть ни на шагъ,
Не можетъ отразить сыновъ Россійскихъ врагъ.
Блестятъ перуны вкругъ, земля трепеща стонетъ
И, кажется, въ крови подъ игомъ мертвыхъ тонетъ;
Отъ страха Ворскла мчитъ обратно сонмы волнъ,
И воздухъ заревѣлъ, отзывнымъ стономъ полнъ;
Средь движущихся стѣнъ герои, какъ въ засадѣ,
Подобны были львамъ у пастыря въ оградѣ
Которы гривы вверхъ вздымая изъ забралъ,
Рыкаютъ, разъярясь, и мечутся на валъ;
Но сколь ни бурны ихъ движенія крутыя,
Не могутъ прескочить преграды роковыя.
Ужъ воины спѣшатъ мышцъ силой брань пресѣчь;
Ослабли руки ихъ и лгать имъ началъ мечь;

Запасы ядръ и пуль въ ковчегахъ истощились
И острые штыки сгнувшись притупились.
Тутъ Россамъ нашъ Монархъ, а Карлъ велитъ своимъ,
Не мѣдля чтобъ полки ко дѣйствамъ боевымъ
Вновь были снабдены свинца числомъ двукратнымъ:
Хранилищницы бѣдъ, приближась къ силамъ ратнымъ,
Отверзли для полковъ пещеры адскихъ чадъ,
Служителей вражды, носящихъ смерть громадъ.
Воители, еще убійствами не сыты,
Съ свирѣпствомъ пустошатъ вмѣстилищи открыты;
Обременивъ себя корыстью таковой,
Изъ пламенныхъ махинъ возобновляютъ бой.
Надѣжда, славы гласъ сугубятъ бодрость въ силахъ:
При зримыхъ бѣдствахъ кровь течетъ быстрѣе въ жилахъ.
Присутствіе Царей родитъ въ нихъ вящшій жаръ;
Живѣе ревность ихъ и вѣренъ рукъ ударъ.
Казалось, ПЕТРЪ и Карлъ средь пламени жестока
Торжествовали тутъ надъ лютостію рока.
Вѣнчающій чело Царя пернатый кровъ
Низпалъ съ его главы, разбитый отъ враговъ;
Осыпанъ весъ землей, подъ свистомъ бурь свинцовыхъ,
Стоитъ недвижимъ ПЕТРЪ противу тучь громовыхъ;
Зря смерть великій духъ властителя сего,
Со трепетомъ къ врагамъ бѣжала отъ него,
И молніями вкругъ Россійскими объята,
На гордаго она низверглась сопостата;
Сквозь вражьи всѣ ряды простерла бурный бѣгъ —
И цѣлый полкъ подъ ней драбантовъ храбрыхъ легъ.

Поднявшись на дубы и огнь пустивъ ноздрями,
Заржалъ подъ Карломъ конь и палъ между тѣлами;
Низверженный ядромъ онъ бился и храпѣлъ,
Простерся, возстеналъ и весъ оцѣпенѣлъ.
Самъ Карлъ пронзенъ свинцомъ въ стегно сквозь кость сухую,
Удерживалъ рукой текущу кровь густую,
Другой опрясь на долъ, онъ съ трудностью возсталъ,
И сѣвши на жерло самъ рану обвязалъ;
Безчувственъ къ боли онъ, какъ будто твердый камень:
Сугубитъ язва въ немъ лишь больше мщенья пламень.
Вздымалась грудь его, волнуема враждой —
И онъ велѣлъ себя нести въ кровавой бой.
Отчаянная месть героя толь ужасна
Въ сей крайности могла для Россовъ быть опасна.
Съ перунами въ рукѣ Карлъ носится въ рядахъ;
Отъ Готфской рати смерть преноситъ къ Россамъ страхъ:
Побѣды перевѣсъ подверженъ сталъ сомнѣнью:
Огнь мщенья пищу далъ жестокому сраженью.

Царь неба и земли сквозь тьмы горящихъ звѣздъ
Низведъ всебдящій взоръ въ юдоль плачевныхъ мѣстъ,
Для блага Россіянъ, для ихъ грядущей славы,
Судилъ превознести ПЕТРА въ поляхъ Полтавы:
Онъ маніемъ отверзъ селеній райскихъ храмъ,
Гдѣ чистыхъ душъ предъ нимъ курится фиміамъ,
Гдѣ вѣчный миръ цвѣтетъ средь неприступна свѣта:
Изъ круга Ангеловъ, порфирою одѣта,
Шлетъ Невскаго къ ПЕТРУ, да крѣпостью руки
Низложитъ въ брани онъ враждебныхъ силъ полки.

Герой восторга полнъ, одѣянный зарями,
Несется отъ небесъ воздушными стезями.
Достигнувъ тѣхъ полей, гдѣ Карлъ, враждой разженъ,
Сугубилъ брани пылъ межъ грозныхъ двухъ племенъ,
Изъ облака гремитъ перунами сверкая:
Внезапу всѣ поля покрыла мгла густая;
Какъ трости, сокрушась полки враговъ легли.
Съ побѣдой Александръ вознесся отъ земли.
Спасенья Карлу нѣтъ: Готфъ бѣгству предается:
Отчаянье одно герою остается.
Опасность, гнѣвъ и стыдъ, побѣды Росской гласъ
На части Карловъ духъ терзали въ оный часъ.
Онъ грозенъ двигся вспять. Такъ левъ по битвѣ ярый,
Отъ ловчихъ рукъ нося межъ ребръ своихъ удары,
Чрезъ рвы глубокіе, чрезъ холмну скачетъ цѣпь
И страшнымъ вкругъ себя рыканьемъ зыблетъ степь;
Что встрѣтитъ на пути, все ломитъ, рветъ, терзаетъ,
И въ бѣгствѣ ужасомъ кровь ловчихъ застужаетъ:
Таковъ былъ Карлъ, когда потекъ отъ Росскихъ силъ.
Съ толикою грозой онъ лавры уступилъ!
Сдалися Россамъ всѣ враговъ бѣгущи строи,
Являются къ ПЕТРУ съ побѣдою герои:
Се Шереметевъ, вождь всѣхъ паче знаменитъ,
Селитрой опаленъ и кровію покрытъ,
Съ знаменами предсталъ, которы въ бой свирѣпый
Отъялъ у Крута онъ, Ранхильда и Мазепы.
Сей вождь, прогнавъ за градъ разсѣянныхъ враговъ,
Преслѣдовалъ и взялъ ихъ въ плѣнъ между холмовъ.

ОСТ-11334

Тогда крамольникъ злой, избывъ отъ должной казни,
Съ толпою бѣглецовъ, изполненныхъ боязни,
Во близь лежащу дебрь опасный путь пріялъ
И тамъ отъ рукъ своихъ, какъ извергъ, жизнь скончалъ: (13)
Подобны Гетману жестокостью тираны,
Его смердящу плоть разторгли хищны враны.
Чрезъ груды мертвыхъ тѣлъ простертыхъ средь полей
Князь Меньщиковъ привелъ всѣхъ Готфскихъ въ плѣнъ вождей:
Къ стопамъ Монаршимъ тотъ знамена повергаетъ,
А сей ПЕТРУ враговъ плѣненныхъ представляетъ.
Съ улыбкою Монархъ возвелъ свой свѣтлый взглядъ
На предстоящій тутъ героевъ Готфскихъ рядъ:
Хотя они тогда въ нещастьи пребывали,
Но твердостью души и славою сіяли.
О сколь сихъ важенъ видъ рушителей препонъ!
Тамъ Левенгауптъ, Крутъ, тамъ зрится Гамильтонъ,
Тамъ Розенъ, Штаркербергъ, тамъ Пиперъ знаменитый,
Тамъ виденъ Шлипенбахъ, весь язвами покрытый,
Ранхильдъ и сонмъ другихъ, что гордыя главы,
Съ перунами въ рукахъ несли для бѣдъ Москвы.
Репнинъ, Шафировъ, Гольцъ героевъ замыкали,
Волконскій, Боуръ ихъ мечи въ рукахъ держали;
А прочіе вожди, отъ всѣхъ собравшись странъ,
Подъ стражею своей хранили Карловъ станъ.
Послѣдній предъ ПЕТРОМЪ, побѣдою вѣнчаннымъ,
Тутъ Кропотовъ предсталъ со знаменемъ раздраннымъ.
Вѣтръ лоскутъ развѣвалъ у древки подъ копьемъ,
И кровь была видна запекшаясь на немъ.

Сраженія въ жару сей мужъ неустрашимый,
Геройскихъ чувствій полнъ и славою водимый,
Противу многихъ силъ стоялъ съ однимъ полкомъ,
И долго брань творилъ не равную съ врагомъ;
Пробившись наконецъ сквозь Готфскихъ войскъ скопленье,
Онъ цѣлое привелъ во трепетъ ополченье:
Смѣшалися ряды; онъ знамя ухватилъ;
Спязавшійся съ нимъ врагъ лишаться началъ силъ:
Тогда всей мощью онъ руки добропобѣдной,
Обрушивъ на него свой мечь, какъ молотъ мѣдной,
Все рамо отдѣлилъ отъ связи вдругъ грудной,
И знамя у врага изторгъ съ его рукой.
ПЕТРЪ зря своихъ вождей среди толикой славы
И безопасность войскъ, вложилъ свой мечь кровавый:
„О Россы! онъ вѣщалъ, нашъ подвигъ совершенъ:
„Да будетъ нами Богъ во вѣкъ благословенъ!
„Полночныя страны, лишенныя покоя,
„Стонали подъ ярмомъ свирѣпаго героя:
„Я нынѣ возвратилъ свободу ихъ градамъ,
„Народу сладкій миръ, престолы Королямъ.
Вѣщалъ, и паки взоръ на Готфовъ обращаетъ,
И съ важностію рѣчь къ вождямъ ихъ простираетъ:
„Друзья, хвалю вашъ трудъ, неустрашимость, честь,
„Искуство, гордый духъ, и даже саму месть:
„Для славы, для Царя вы жизни не щадили,
„И сами побѣждать Россіянъ научили.
„Пусть скажутъ обо мнѣ въ предбудущихъ вѣкахъ,
„Что побѣдитель вашъ чтилъ доблести въ врагахъ:
„Я плѣнниками васъ ужъ больше не щитаю:
„Оружье ваше вамъ обратно возвращаю.“

Восторгомъ просіялъ героевъ Готфскихъ ликъ;
Являлся ПЕТРЪ тогда превыше всѣхъ владыкъ.
Съ тѣхъ поръ полночный край призналъ его уставы,
И цѣлой свѣтъ не могъ вмѣстить ПЕТРОВОЙ славы.

КОНЕЦЪ ПОЭМЫ.